НАУЧНЫЙ ЭКСПЕРТ

Научный электронный журнал

ВЫПУСК
10
2007

Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования

Научный эксперт

Ежемесячный научный электронный журнал

Мы представляем вашему вниманию электронный журнал, название которого полностью отражает его замысел.

Цели журнала:

- **Консолидировать научно-экспертное сообщество с тем, чтобы способствовать развитию государства и укреплению государственной власти.**
- **Сделать проводимые исследования доступными для обсуждения в широком научно-экспертном сообществе и пригодными для использования в реальной государственно-управленческой практике.**

Наш журнал ставит перед собой следующие задачи:

- **Преодолеть междисциплинарные барьеры, которые мешают научно-экспертному сообществу.**
- **Преодолеть барьеры между академическим и прикладным знанием.**
- **Стать соединяющим звеном между научным сообществом и властью.**
- **Создать качественную и интересную площадку для дискуссии и обмена мнениями.**

Журнал выходит ежемесячно (10 номеров в год) и предназначен для академических исследователей, экспертов, методологов, практиков и теоретиков фундаментальных учений. Но не в меньшей степени «Научный эксперт» адресован тем, кто может на практике реализовать уникальные проекты, которые нередко рождаются в научно-экспертном сообществе и часто долгие годы хранятся в столе. Это государственные управленцы, депутаты и их помощники, представители парламентов, ведомств и министерств, а также публичные политики.

Мы приглашаем не только читателей, но и авторов. С правилами публикаций можно ознакомиться в соответствующем разделе. Также мы рады услышать ваши отзывы и предложения о том, как сделать журнал лучше.

ВЫПУСК
10
2007

Редакционная коллегия

- Степан Степанович Сулакшин
- Анатолий Николаевич Чирва
- Вардан Эрнестович Багдасарян
- Александр Иванович Соловьев
- Анатолий Васильевич Дмитриев
- Борис Николаевич Порфирьев
- Максим Владимирович Вилисов
- Алексей Николаевич Тимченко
- Надежда Константиновна Пак
- ГалинаИвановна Игнатенко
  выпускающий редактор

Адрес редакции: 107078, Москва, Каланчевская ул., 15, подъезд 1, этаж 5.

Телефон/факс: (495) 981-5703, 981-5704, 981-5709.

E-mail: domidei@rusrand.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические показатели

Барковский А.Н., Ахметзянова И.Р.., Бабченко О.С.
О НЕОБХОДИМОСТИ ОБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ……5

Экономическая политика

Хейфец Б.А,. Бабченко О.С., Погорелко М,Ю.
РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ КАК НОВЫЙ АСПЕКТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ……15

Социальная политика

Григорьева Н.С.
К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: ОТ МИНИМАЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ К СОЦИАЛЬНОМУ КАЧЕСТВУ ……..24

Истоки российской культуры

Протоиерей Всеволод Чаплин
РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ, ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ДИСКУССИИ ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ УСТРОЙСТВЕ……47

Специальная рубрика

Юровицкий В.М.
ЕВРАЗИЙСКИЙ ПЛАТЕЖНЫЙ СОЮЗ КАК ФУНДАМЕНТ ОБЪЕДИНЕНИЯ СТРАН ЕВРАЗИИ……65

Багдасарян В.Э.
РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ «ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО МАЯТНИКА»……81

Публицистика

Аслаханов А.А.
КОРРУПЦИЯ В РОССИИ. ПУТИ БОРЬБЫ……90

Орлов Ю.В.
О НАПРАВЛЕНИИ РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ТРЕТЬЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ……95

Новые книги……105

О необходимости объективной оценки национальной конкурентоспособности

Барковский А.Н., д.э.н., ЦВЭИ Института экономики РАН
Ахметзянова И.Р., Бабченко О.С., Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования [1]

Международная оценка экономик различных стран, в том числе России, проводится ежегодно или с определенной периодичностью различными международными институтами и рейтинговыми агентствами. Традиционно итоговая оценка дается на проводимом ежегодно Всемирном экономическом форуме (ВЭФ) в Давосе (Швейцария) и публикуется в «Отчете по глобальной конкурентоспособности». Одним из основных показателей успешности экономик являются их текущая и перспективная конкурентоспособность, которые отражаются в рейтингах конкурентоспосбности CCI (Current Competitiveness Index) и GCI (Growth Competitiveness Index). Наряду с рейтингами крупнейших в мире рейтинговых агентств, таких как Moody's, Standard & Poor's, они дают сигналы для инвесторов о вкладах в ту или иную экономику. Основная же ценность рейтингов конкурентоспособности заключается в возможности использования полученных результатов в целях эффективного стратегического управления экономикой страны. И как следствие эффективного управления – повышение конкурентоспособности страны. Поэтому принципиальным моментом является следующее – насколько данные этих рейтингов соответствуют действительности и насколько они свободны от субъективных политических факторов.

Рассматриваемые рейтинги и их аналоги составляются на основании многочисленных статистических опросов компаний всего мира, экспертного анализа информации, полученной из множества независимых источников: университетов и их исследовательских лабораторий, международных организаций (органов ООН и ВТО), а также независимых институтов в области менеджмента, например Международного института развития менеджмента в Женеве (IMD и др).

Рейтинги подсчитываются исходя из независимых оценок экспертов по разным специальностям. Одни эксперты изучают в течение длительного времени работу государственных органов власти, другие исследуют деятельность правоохранительных органов, третьи хорошо знают состояние национальных судебных систем, четвертые изучают работу инновационных компаний, пятые владеют знаниями в области социальной сферы экономики и так далее.

---

[1] *Работа является частью общего проекта Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования «Разработка экономической политики и экономической доктрины РФ» // www.rusrand.ru*

Каждый из экспертов по специальной методике рассчитывает конкретный индекс для целой страны, а также для отдельных ее регионов. Так при составлении рейтингов ВЭФ учитываются следующие комплексные факторы:

- Открытость рыночной экономики и ее системная интеграция с глобальной экономикой (13 показателей).
- Государственные органы управления и регуляторы рынка (22 показателя эффективности регулирования рынка).
- Финансовая система страны (24 показателя).
- Инфраструктура (16 показателей).
- Технологии и инновационная система страны (22 показателя).
- Управление и регулирование рынком (23 показателя).
- Труд (17 показателей).
- Институты собственности, определяющие эффективность работы инвестиционного, коммерческого и юридического блоков экономики (23 института).

Вместе с тем, нельзя не отметить достаточно сдержанное или даже критическое отношение к концепции определения конкурентоспособности через сводные давосские индексы.

Так, например, оценивается, что сводные индексы основаны на слабых теоретических предпосылках, а иногда на недостоверных статистических методах. Они основаны на принципе сводных многокритериальных индексов. Поскольку в экономической теории отсутствует выраженный консенсус по вопросу об источниках экономического роста, выбор этих критериев связан в большей степени с субъективными мнениями авторов, а не со строгим научным подходом. Кроме того, Всемирный экономический форум, как и Всемирный ежегодник конкурентоспособности, используют лишь отдаленные ссылки на теоретические модели роста. Они не используют комплексных статистических и эконометрических данных, которые сегодня имеются в наличии.

Пытаясь спрогнозировать будущую эволюцию роста ВВП и доходов на душу населения, авторы сводных индексов конкурентоспособности предполагают, что они изначально обусловлены теми факторами, которые они используют в качестве критериев. Причинная связь между заявленными критериями и ростом в действительности далеко не доказана. Все аргументы представлены самими авторами индексов, которые постоянно меняют критерии, используемые при построении индекса.

Изменение критериев, используемых при исследовании можно расценить как стремление следовать последним тенденциям в области экономической теории и менеджмента. Однако это означает, что в сериях статистических данных, которые используют исследователи, отсутствует последовательность и поэтому было бы рискованно использовать их ежегодные рейтинги как надежные ориентиры.

Попытки применения самого употребимого индекса давосского форума – ИРК - привели к его критике в рамках доклада о конкурентоспособности французской

экономики, где авторы пришли к кардинально иным рейтингам (см. доклад Gregoire, Maurel – 2003)[2]. На это обращал внимание еще П. Кругман, назвавший идею национальной конкурентоспособности опасным увлечением (Krugman, 1994).

Критика со стороны П. Кругмана базируется на двух основных аргументах:

- То, что политики и специалисты по изучению бизнеса называют конкурентоспособностью, на самом деле не что иное, как производительность. Всемирный экономический форум (ВЭФ) рассматривает конкурентоспособность как "комплекс факторов, мер политики и учреждений, определяющих уровень производительности в стране"[3] и тем самым оказывающих воздействие на ее процветание. Таким образом, акцент делается не на конечных результатах, а на ряде компонентов, которые могут оказывать потенциальное влияние на показатели конкурентоспособности.
- И действительно, во многих статьях и докладах можно встретить отождествление конкурентоспособности и производительности.[4] Это особенно четко прослеживается в подходе, предлагаемом Всемирным экономическим форумом, т.е. в прогнозировании потенциалов роста.

Сомнения в объективности рассматриваемых индексов вызывает и высокая доля опросных данных, используемых для их составления (табл.1., табл.2).

Таблица 1

Доля статистических и опросных данных в рейтинге ВЭФ

№	Показатель	Вес%	Соотношение опросных и количественных данных в индексе, %	
			Опросные	Количественные
1	Индекс инноваций	4,17	25	75
2	Индекс трансферта технологий	12,5	100	0
3	Индекс ИКТ	16,67	33	67
4	Индекс «контракты и законы»	16,67	100	0
5	Индекс коррупции	16,67	100	0
6	Индекс макроэкономической стабильности	16,67	29	71
7	Кредитный рейтинг страны	8,33	0	100
8	Индекс эффективности госрасходов	8,33	100	0
	Всего	100	65,6	34,4

В рейтинге 1999 г. вес опросных данных был около 44%.
Источник: Центр развития

[2] *Фамилия автора и год выступления на Давосском форуме.*
[3] *A. Lopez-Claros, M.E. Porter and K. Schwab, Global Competitiveness Report 2005-2006 (London), Palgrave Macmillan, 2005.*
[4] *Даже в ЕС Лиссабонская стратегия прежде всего основана на сравнении роста производительности в Евросоюзе и США.*

Таблица 2

Ожидания экономической рецессии и показатели функционирования экономики

Россия	Рейтинг	Источник
Макроэкономическая ситуация	58	
Ожидания экономической рецессии	83	опросы
Кредитный рейтинг	54	данные
Государственный долг	19	данные
Дефицит госбюджета	9	данные
Инфляция	103	данные
Украина		
Макроэкономическая ситуация	78	
Ожидания экономической рецессии	76	опросы
Кредитный рейтинг	76	данные
Государственный долг	17	данные
Дефицит госбюджета	93	данные
Инфляция	98	данные
Казахстан		
Макроэкономическая ситуация	41	
Ожидания экономической рецессии	17	опросы
Кредитный рейтинг	57	данные
Государственный долг	6	данные
Дефицит госбюджета	11	данные
Инфляция	86	данные

В подтверждение тезиса о субъективности рейтингов конкурентоспособности, обратимся к данным таблицы 2: как мы видим, для оценки тех показателей, по которым у России самый низкий рейтинг использовались данные опросов.

Оценки Всемирного экономического форума в Давосе в отношении России на фоне других стран

Основными показателями ВЭФ являются индексы текущей и перспективной конкурентоспособности экономик. Поэтому более подробно остановимся на анализе именно этих оценок.

К сожалению, за последние 5 лет российская экономика в глазах мировой общественности показывает устойчивую тенденцию к снижению текущей и перспективной конкурентоспособности - примерно на 7-10 позиций в год.

В рейтинге конкурентоспособности экономик мира на 2006-2007гг., подготовленном Всемирным экономическим форумом, Россия потеряла 9 позиций и опустилась на 62-е место. Эксперты ВЭФ связывают снижение российского рейтинга главным образом с несовершенством судебной системы страны.

«Процесс получения правовой помощи в России, в отличие от большинства развивающихся экономик, занимает долгое время и требует значительных затрат, в то же время не являясь достаточно прозрачным», - говорится в докладе. Падение рейтинга российской экономики эксперты связывают также со значительной слабостью ее государственных институтов. «Особое внимание необходимо уделить реформам, направленным на усовершенствование не отвечающих современным условиям государственных институтов России, улучшение судебного и правового климата, защиту прав собственности, преодоление коррупции и преступности», - считает Аугусто Лопес-Кларос, главный экономист и директор «Программы изучения глобальной конкурентоспособности» ВЭФ. «Эффективное размещение средств, образовавшихся в результате возросшей продажи нефти, станет важной задачей в ближайшее время, так как это может повысить продуктивность в случае проведения инвестиций в образование, здравоохранение и инфраструктуру", - подчеркнул он.

Что касается Китая, то, несмотря на рекордные темпы роста ВВП и низкий уровень инфляции, страна опустилась с 48-го на 54-е место из-за опасений по поводу слабости банковской системы, низкого уровня проникновения мобильной связи, компьютеризации и образования. Главный конкурент Китая в Азиатском регионе, Индия, напротив, поднялась на две позиции вверх и заняла 43-е место, во многом благодаря успехам высокотехнологичных отраслей промышленности, которые помогают стране бороться с ужасающей бедностью и слабостью социальной инфраструктуры. Лидером среди развивающихся стран Латинской Америки стала Республика Чили, занявшая 27-е место. Бразилия, чьи экономические позиции считаются наилучшими в регионе, потеряла 9 позиций и опустилась на 66-е место, в первую очередь из-за огромного дефицита бюджета. Большинство европейских стран сохранили свои позиции. Наибольшие изменения претерпел рейтинг Италии. Страна опустилась с 38-го на 42-е место из-за нерешенных макроэкономических проблем, главная из которых - огромный государственный долг, превышающий объем ВВП.

Рейтинг ВЭФ составляется на основе опроса лидеров бизнес-сообщества в 120 странах, а также официальных статистических данных. Экономики стран оцениваются на базе основных индексов. Один из них - Индекс глобальной конкурентоспособности (GCI – описывает здоровье экономики и перспективы роста в среднесрочной перспективе). В данном рейтинге Россия и заняла в 2006 году 62-ю позицию (см. рис.1,2), что на 9 строк ниже, чем в прошлом году. В Индексе конкурентоспособности для бизнеса (BCI – показывает уровень производительности, которого могут достичь компании и отрасли) Россия заняла 71-е место, также потеряв 9 позиций.

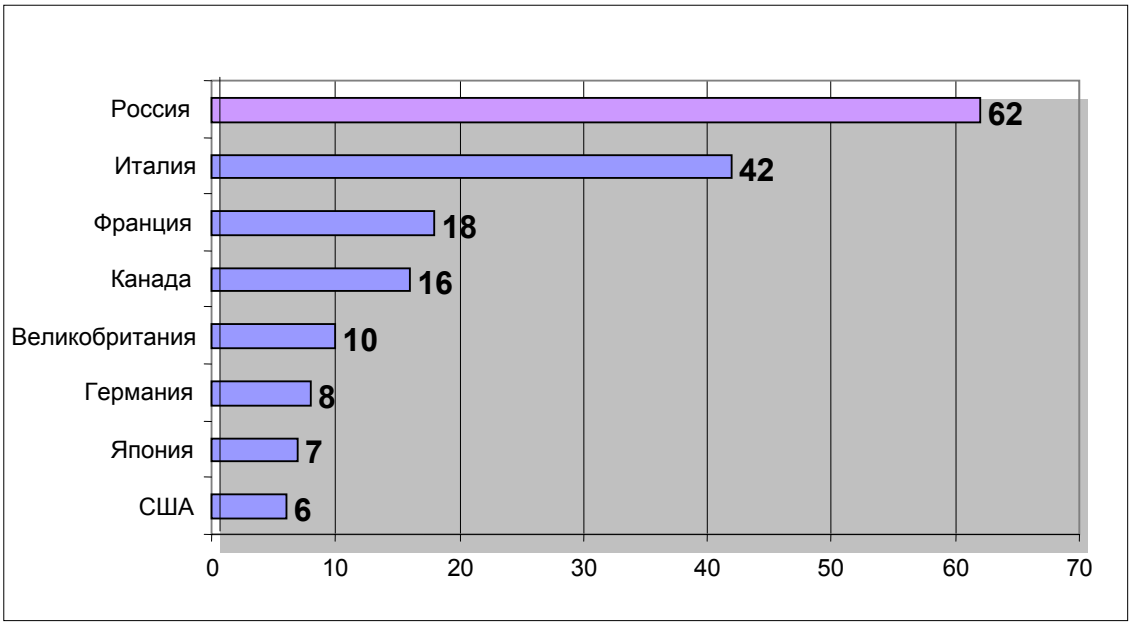


Рис. 1. Рейтинг России и стран мира по индексу глобальной КСП в 2006 году
Источник: материалы ВЭФ, сентябрь 2006 г.

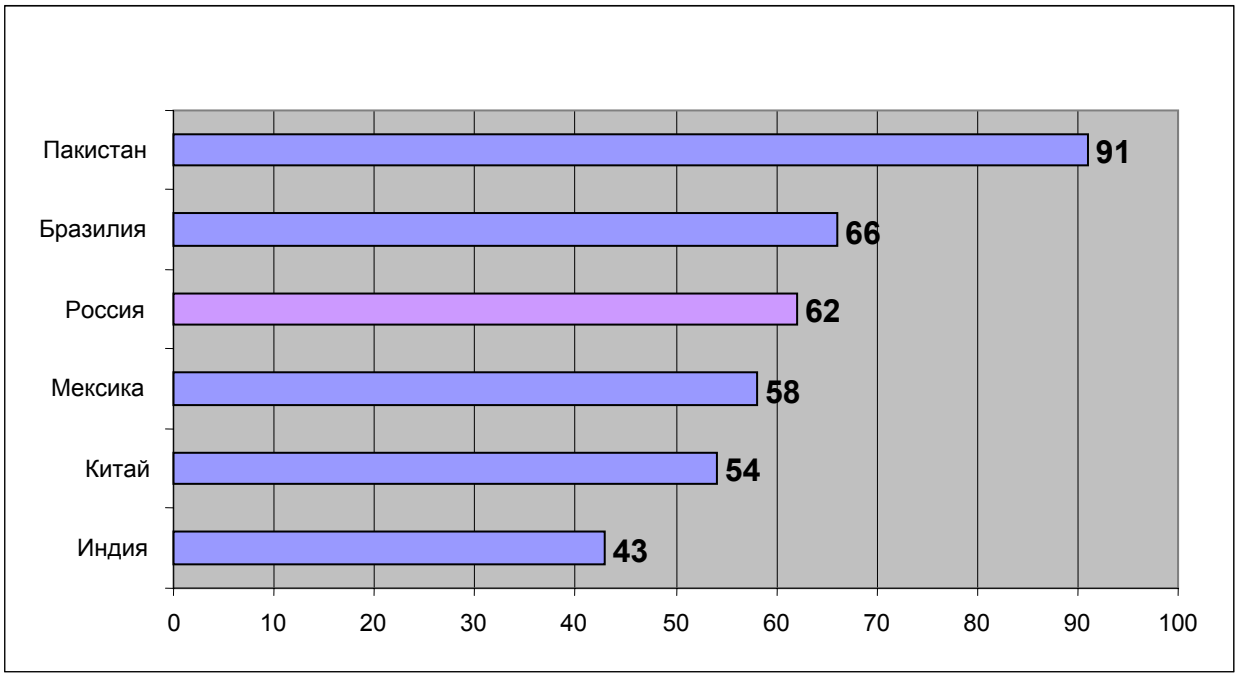


Рис.2. Рейтинг России и стран мира по индексу глобальной КСП в 2006 году
Источник: материалы ВЭФ, сентябрь 2006 г.

Индекс конкурентоспособности позволяет понять сильные и слабые стороны России. В сферах подготовки кадров и научных исследований все еще сохраняется сравнительно сильная позиция. Однако страна занимает худшие позиции по таким направлениям, как фаворитизм государственных чиновников, коррупция и независимость суда (см. рис.3).

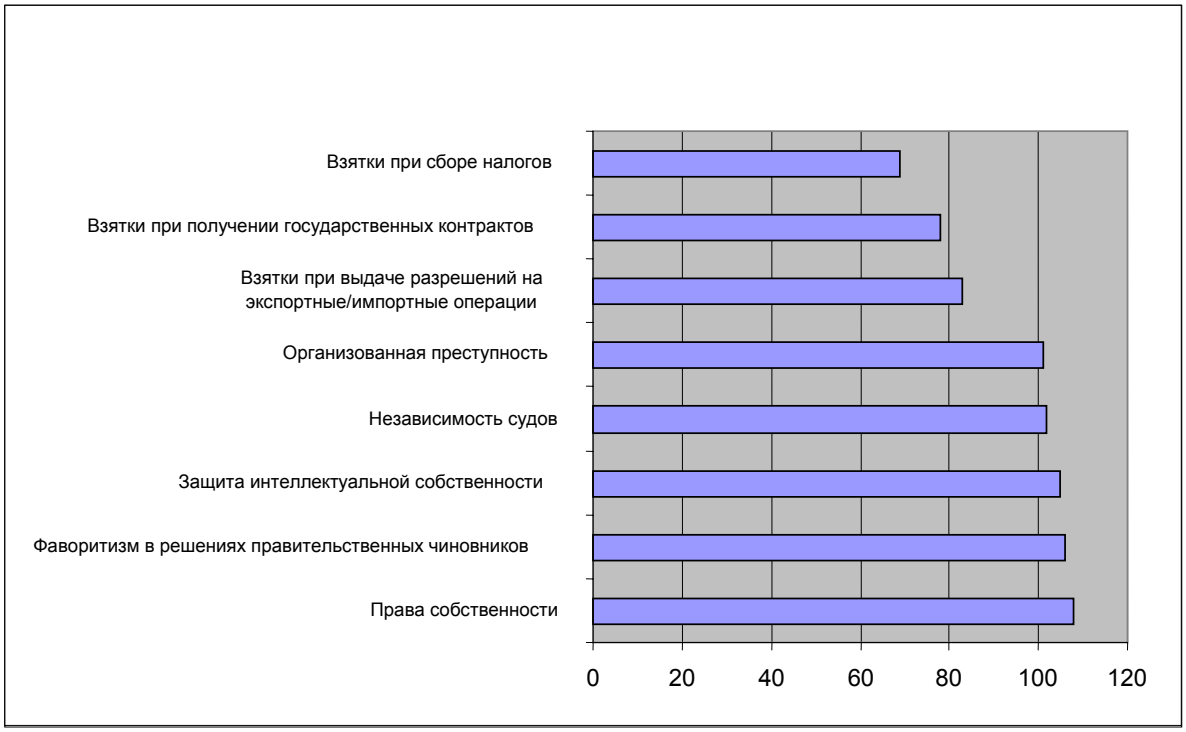


Рис.3. Место России по индексу общественных институтов в 2005 году
Источник: материалы ВЭФ, сентябрь 2006 г.

Российские компании конкурируют главным образом посредством цен, а не превосходства своих товаров и услуг. Настораживает, что наибольшие потери по сравнению с прошлым годом отмечаются в таких сферах, как квалификация кадров и госрегулирование. Первое говорит об эрозии традиционного конкурентного преимущества России, а второе – о низкой оценке эффективности государственной политики.

Конкурентоспособность складывается из конкурентоспособности ключевых регионов, поэтому анализ проводится более чем в десяти ключевых российских регионах. Например, индекс Москвы составил в 2003 году 43,5, в то время как Китай получил индекс 45, Мексика - 47, Турция - 51. Индекс Москвы оказался в 2003 году лучше, чем общероссийский индекс. Результаты показывают существенные различия в качестве бизнес-климата, а также в условиях ведения бизнеса для международных и крупнейших российских компаний, с одной стороны, и малого и среднего бизнеса – с другой. Для последних ситуация пока наиболее неблагоприятна, несмотря на наличие положительных тенденций.

Россию тянет на дно при сопоставлениях прежде всего то, что ее сравнивают по параметрам иных, непривычных для нее цивилизационных ценностей национальной конкурентоспособности, которые в нашей стране являются далеко не приоритетными.

Если исходить из концептуального подхода С. Хантингтона, согласно которому в XXI веке будут соревноваться не страны, а цивилизации, то есть смысл вести сопоставление России с Австралией, Бразилией, Индией, Канадой, Китаем, США с собственным вариантом индексов с учетом давосского индекса. Эти страны сопоставимы по размерам территории, численности населения, обеспеченности

ресурсами (см. Табл. 3), все они, исключая Китай, являются федеральными образованиями.

Таблица 3.

Сравнительные характеристики крупнейших стран мира с федеративным и близким к нему устройством, 2004 г.[5]

Показатели	Страны						
	Россия	Австралия	Бразилия	Индия	Канада	Китай	США
Территория, млн. кв. км.	17,1	7,7	8,5	3,3	9,97	9,6	9,4
Население, млн. чел.	144,2	19,9	173,8	1080	32,5	1300	294
Количество субъектов федераций, единиц	88	8	27	35	13	32	51
Количество крупных экономических районов, единиц	7	5	4		4	6	9
ВВП на душу населения – по рыночному валютному курсу, долл. США – по ППС, долл. США	8920 9902	27145 30331	7465 8195	636 3139	30776 31263	4778 5896	37800 39676

Мы, конечно, не можем игнорировать международные наработки ВЭФ и других международных структур по вопросам сопоставлений конкурентоспособности, особенно, в отношении предпринимательской среды, но, что касается сопоставлений в области национальной (национально-государственной) конкурентоспособности, использование индексов ВЭФ и других индексов вряд ли целесообразно из-за их явной политизированности, неучета цивилизационных различий между группами стран в современном мире, а главное – в невозможности руководствоваться ими в целях разработки стратегии построения нового общества и совершенствования его экономической системы, а также внедрения контрольных параметров, по которым власть может судить о прогрессе в искомой области на фоне других стран. В этой связи подход Д. Сорокина к определению национальной конкурентоспособности нам представляется более целесообразным: «…Конкурентоспособность национальной экономики в политико-экономическом смысле есть способность экономики обеспечить реализацию национально-государственных интересов. Дело не в объеме ВВП на душу населения, не в доле страны на мировых рынках, ни в привлекательности ее инвестиционного климата для зарубежного капитала. Дело в том, насколько способна созданная в стране экономическая база служить инструментом, опорой обеспечения национально-государственных интересов,

[5] *Таблица составлена на основе данных, взятых из следующих источников: Страны и регионы мира. Экономико-политический справочник. МГИМО, М. 2006; Социально-экономическая география зарубежного мира. Учебник МГУ под ред. В.В. Вольского. М., 2005; статистическая база данных Института мировых ресурсов (http://earthtrends.wri.org).*

высшим из которых является сохранение целостности государственно организованного социума. Соответственно этому должна выстраиваться структура собственно экономических критериев, по которым оценивается конкурентоспособность национальной экономики. При этом разность условий - в том числе диктуемых цивилизационными, геополитическими, природными и т.д. факторами, а также сложившейся в данный момент социально-экономической ситуацией – необходимых для сохранения того или иного государственно-организованного социума, структура экономических критериев, их приоритетность будет, во-первых, различной для каждого такого социума, во-вторых, достаточно динамично меняющейся. Отсюда попытка сравнительного анализа конкурентоспособности национальных экономик через сопоставление последних по некоей единообразной структуре критериев методологически несостоятельна. Более правильным будет сравнение по степени адекватности национальной экономики тем критериям, которым она должна соответствовать с точки зрения потребностей соответствующей страны в реализации своего национально-государственного интереса[6]».

По оценкам проф. В.М. Кудрова,[7] руководителя Центра международных социально-экономических сопоставлений Института Европы РАН, современные расчеты, которые ежегодно проводит ВЭФ, носят во многом формальный и даже искусственный характер, ибо применяемая в них математическая техника не всегда органически увязывается с естественными, экономическими, научно-техническими и социальными факторами. Последние вообще не учитываются. Именно поэтому Госкомстат РФ еще в 2003 г. отказался воспроизводить их в своих публикациях, ссылаясь, кроме того, на их неофициальный характер. Нет в расчетах ВЭФ сравнений стран по уровню производительности труда, фондоотдачи, факторной производительности или научно-технического прогресса. ВЭФ проводит свои оценки по 161 фактору, которые агрегируются в единый сводный показатель. Но какова его цена, если среди этих факторов не значатся природные ресурсы, национальные и глобальные транспортные коридоры.

Что же предлагает российская экономическая мысль, будучи явно не удовлетворена наработками ВЭФ, его сторонников и последователей по поводу национальной конкурентоспособности?

Такие социально-экономические показатели, как увеличение продолжительности жизни населения, сокращение социального неравенства, рост затрат на науку, образование, культуру и здравоохранение, постоянно повышающаяся доля наукоемкого сектора в национальном ВВП, сокращение безработицы должны быть признаны несомненно более значимыми для общества, чем минимизация инфляции, обеспечение так называемой макроэкономической финансовой стабилизации, расширение объемов приватизации национального

---

[6] *Национальная конкурентоспособность России в современном мире; в книге «Россия в глобализирующемся мире. Стратегия конкурентоспособности»,М.; Наука, 2005, с. 20-21.*

[7] *Кудров В.М. К оценке конкурентных позиций США и России в современном мире*

имущества, накопление золотовалютных резервов Центральным Банком и в Стабилизационном фонде.

Ни в какое сравнение по важности и значимости для будущего страны не могут идти никакие экономические показатели по отношению к показателям уровня и качества жизни населения, удовлетворенности людей от проводимых в экономике преобразований.[8]

Российская научная литература последних лет насчитывает на тему, близкую к национальной конкурентоспособности, немало фундаментальных работ.[9] Однако значительная часть материала в этих книгах вращается вокруг трактовок Портера и сравнений показателей ВЭФ отдельных стран и России и соответствующих комментариев.

Предлагается составить свой перечень основных показателей для составления индекса национально-государственной конкурентоспособности по избранным странам. В число таких показателей должны войти данные о численности населения, размерах территории, объеме ВВП, в т.ч. на душу населения, структура производства ВВП по отраслям экономики, Структура ВЭС по платежному балансу (торговля, услуги, в т.ч. интеллектуальные, движение рабочей силы, движение капитала), подушевые показатели в целом и на работоспособную часть населения. Предложения по индексу конкурентоспособности должны также учитывать наличие спроса со стороны властных структур, а также экспертного сообщества.

---

[8] *Россия в глобализирующемся мире. Стратегия конкурентоспособности.,М., Наука, 2005, с. 10.*

[9] *Среди них: Конкурентоспособность России в глобальной экономике.ИМЭМО РАН, М.: Международные отношения, 2003; ВТО и национальные экономические интересы. ИМЭМО, М.: Наука, 2003; Оболенский В.П. Внешнеэкономические связи России: возможности качественных изменений, ЦВЭИ РАН, М.: Наука, 2003; Глобализация экономики и внешнеэкономические связи России. ВНИИВС,М.: Республика, 2004 и др.*

Регулирование зарубежных инвестиций как новый аспект экономической политики России

Хейфец Б. А.,
д.э.н., Институт экономики РАН.
Бабченко О.С.,
Погорелко М.Ю.,
Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования[1]

В связи со значительной активизацией зарубежной деятельности российских компаний вопросы государственного регулирования инвестиций из России обретают в последнее время новое звучание.

Новым аспектом экономической политики Российской Федерации на современном этапе становится регулирование зарубежных инвестиций российских компаний, целью которой должно стать обеспечение оптимальных с точки зрения национальных интересов объемов, структуры и динамики внешних инвестиций Российской Федерации. Это связано со значительно усилившейся интеграцией российского бизнеса в мировую экономику, где активно развиваются процессы глобализации, ведущие к качественному повышению уровня транснационализации экономической деятельности и характеризующиеся нарастающими конфликтами интересов частных компаний и российского государства. Таким образом, политика регулирования зарубежных инвестиций получает определенное ценностное наполнение, определяющее содержание направлений и механизмов ее проведения (табл.1).

Таблица 1. Генератор целей политики управления внешними российскими инвестициями

Ценности государственной экономической политики высшего порядка	Специфические ценностные цели политики управления внешними российскими инвестициями
I. Экономический рост и развитие. Управление пропорциями развитости.	• Оптимальность объемов, структуры и динамики внешних инвестиций с точки зрения национальных интересов России • Укрепление позиций российских ТНК на мировых рынках • Прозрачность движения трансграничных потоков капитала
II. Социальный гуманизм	•
III. Устойчивость долгосрочного развития	• Оптимальность объемов, структуры и динамики внешних инвестиций с точки зрения национальных интересов России

[1] *Работа является частью общего проекта Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования «Разработка экономической политики и экономической доктрины РФ» // www.rusrand.ru*

Современный этап развития экономики России характеризуется резким увеличением прямых инвестиций в зарубежные страны, в связи с чем российские компании сталкиваются со следующими проблемами:

- недостаточность поддержки зарубежных проектов российского бизнеса;
- отсутствие четких приоритетов предоставления государственной поддержки;
- неконкурентоспособность российских транснациональных корпораций на зарубежных рынках;
- невысокое качество институциональной среды;
- ускорение роста частной внешней задолженности.

Только за 2006 год объем прямых инвестиций в зарубежные страны возрос более чем на 60 млрд. долларов. Как видно из графика (рис. 1), на 1 января 2007 г. накопленные прямые инвестиции за рубежом составили 209,6 млрд. долларов США, что в 10 раз превышает аналогичный показатель 2001 г. и в 2 раза – 2005 года.

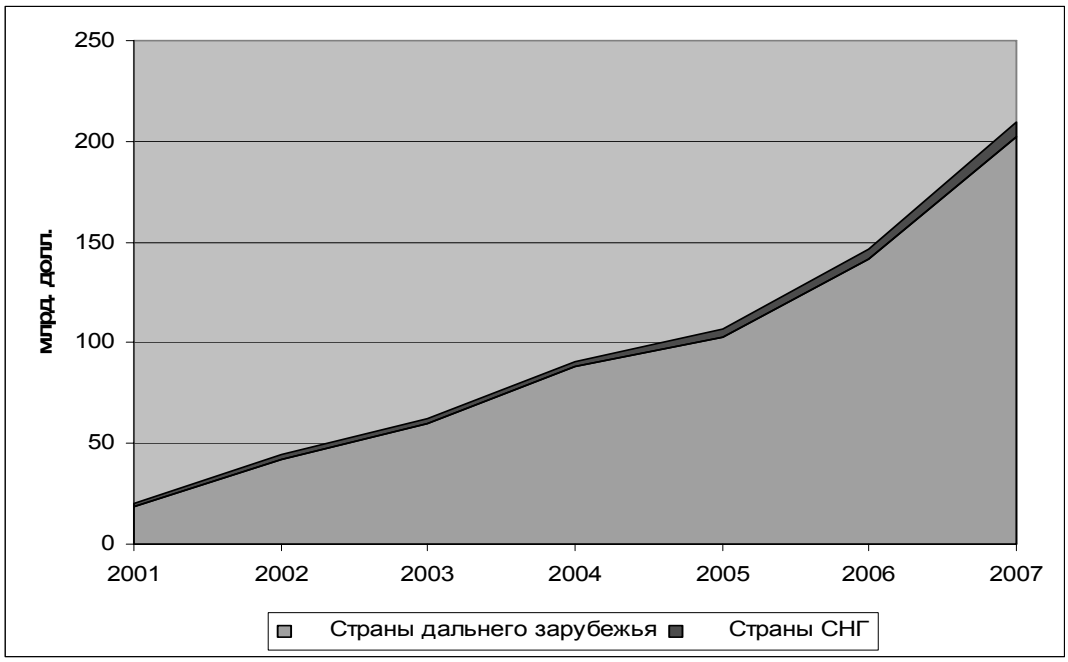


Рис. 1. Накопленные за границей инвестиции российских резидентов.
Источник: Международная инвестиционная позиция Российской Федерации в 2001-2007 гг.: иностранные активы и обязательства по странам дальнего зарубежья и СНГ на начало года // http://www.cbr.ru/statistics/credit_statistics/print.asp?file=iip_cis.htm.

По суммарному вывозу прямых иностранных инвестиций Россия, по оценкам экспертов ЮНКТАД[2], вышла в 2005 г. на третье место среди развивающихся стран и стран с переходной экономикой (в 2000 г. она была 12-ой) после китайского Гонконга (470 млрд. долларов) и Британских Виргинских Островов (123 млрд.

[2] *World Investment Report, 2006. FDI from Developing and Transition Economies. P. 303-306.*

долларов), а если учесть, что часть инвестиций из оффшорных территорий являются капиталом российского происхождения, то фактически на второе (рис. 2).

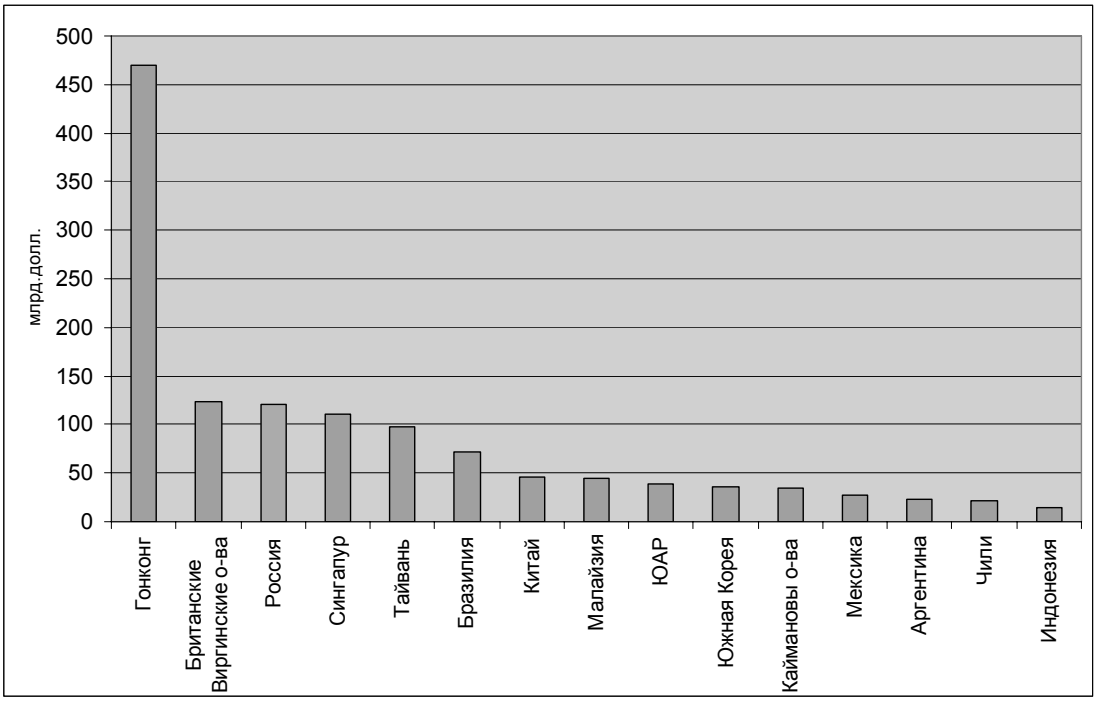


Рис. 2. Накопленные вывезенные ПИИ из развивающихся стран и стран с переходной экономикой.
Источник: World Investment Report, 2006.

Вместе с тем оценить степень реального влияния на развитие национальной экономики внешних активов, контролируемых российским капиталом, достаточно сложно (мы не берем здесь в расчет нелегальную составляющую в объеме вывозимого капитала). Дело в том, что, во-первых, определенная часть прироста зарубежных российских инвестиций приходится на реинвестиции из прибыли, которую приносят уже находящиеся за пределами России активы.

Во-вторых, в официальную статистику ПИИ российского бизнеса могут не попадать как инвестиции «иностранных» компаний, имеющих отношение к российскому капиталу, так и еще целый ряд операций. Речь идет о чистых оффшорах и других иностранных компаниях «российского происхождения», которые являются ключевыми элементами схем, созданных российскими структурами для юридического контроля над многими крупнейшими российскими компаниями.

В-третьих, в статистике часто не учитываются многие капитальные операции некрупных предприятий и частных предпринимателей, которые стремятся скрыть подобную деятельность. Между тем их суммарный размер может достигать заметных величин.

Таким образом, фактический объем зарубежной экономической деятельности российского капитала намного превосходит официальные данные и можно говорить о том, что он имеет устойчивую тенденцию к росту.

Лидерами зарубежной экспансии российского бизнеса являются транснациональные корпорации (ТНК). Нетрудно заметить, что крупнейшие ТНК России – это компании нефтяной и добывающей промышленности (табл. 2).

Таблица 2

Крупнейшие российские ТНК, 2004 г.

	Активы, млн. долл.		Занятость, тыс. чел.	
	заруб. филиалы	общие	заруб. филиалы	общая
«ЛУКОЙЛ»	7792	29761	13929	150000
«Норильский никель»	1413	13632	1772	100786
«Новошип»	1296	1413	55	4032
«РусАл»	743	6544	5490	63458
Приморское морское пароходство	382	442	1305	2611
«Мечел»	120	3679	10689	82324
Дальневосточное пароходство	52	160	166	4000
«АЛРОСА»	46	4630	8	46998
«Газпром»	…	104982	…	388714
ОМЗ	347	901	8484	22030
«Северсталь»	174	6584	7098	54597

Источник: World Investment Report, 2006.

В то же время в списке крупнейших нефинансовых ТНК мира только 4 компании относятся к нефтяной промышленности, а подавляющее большинство представляет автомобилестроение, фармацевтику, телекоммуникации, электрическую и электронную промышленность. Очевидно, что такой резкий контраст отраслевой принадлежности ведущих ТНК России по сравнению с общемировой тенденцией – еще одно свидетельство перекоса структуры российской экономики в сторону добывающей промышленности.

Экономические возможности российских ТНК значительно возросли за последние годы. Они обладают и квалифицированными специалистами, способными организовать эффективное зарубежное производство. Эти корпорации заинтересованы в получении новых ресурсов, необходимых для производства и для экспорта. Им нужны новые рынки сбыта. А еще им уже не нужны зарубежные посредники, отбирающие значительную часть их потенциальных доходов.

В то же время нельзя не отметить возросший интерес российского бизнеса к приобретению активов компаний мобильной связи, а также предприятий обрабатывающей промышленности, увеличение инвестиций в финансовую сферу. Например, в СНГ в последние годы российские инвестиции стали направляться в отрасли, удовлетворяющие преимущественно внутренние потребности этих стран.

В выборе стран СНГ (рис. 3) в качестве объекта экспансии сказываются многие факторы. Это географическая и культурная близость, традиции, общность языка. Еще большую роль играет хорошее знание российскими компаниями местных условий и понимание реальной политической и экономической ситуации, деловые связи, в том числе родственные, как с сохранившейся номенклатурой, так и с новыми предпринимательскими кругами. В некоторых случаях приобретавшиеся активы были ничем иным как частью технологических цепочек, сложившихся еще в едином народнохозяйственном комплексе СССР.

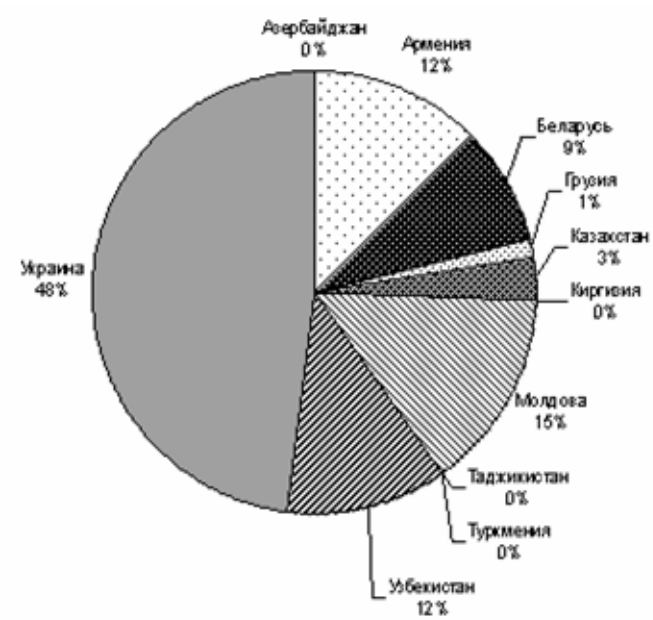


Рис. 3. Накоплено инвестиций из России в СНГ

Основной объем зарубежных инвестиций приходится на страны дальнего зарубежья (рис. 4). Иногда российские компании приобретают и западные компании, контролирующие активы в СНГ.

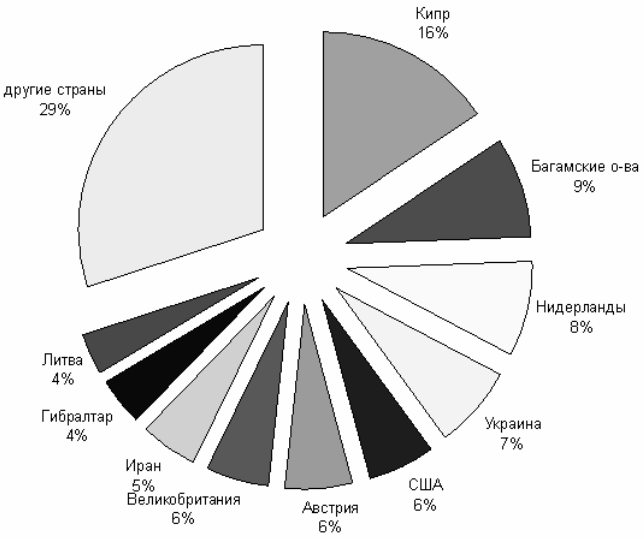


Рис. 4. Накоплено инвестиций из России за рубежом (2005).

Другим приоритетным регионом для инвестиций являются страны развивающегося мира. Эти страны обладают многими ценными природными ресурсами, в которых заинтересованы российские компании, дешевой рабочей силой и не такими строгими экологическими ограничениями. Некоторые из этих стран также заинтересованы в развитии связей с Россией, получении более дешевых российских технологий и товаров. Кроме того, российскому бизнесу также близки многие проблемы, с которыми сталкиваются развивающие страны.

В связи со столь бурной экспансией российского бизнеса за рубеж возникает вопрос: насколько корпоративные интересы совпадают с национальными? От ответа на него зависит, как строить государственную политику по отношению к глобализирующимся компаниям.

Для государства положительными моментами вывоза ПИИ являются:

- Укрепление геополитического положения страны. Здесь можно вспомнить о примерах давления американских компаний, заинтересованных в сотрудничестве с Россией, на Правительство США при принятии решений; развитии корпоративной интеграции в СНГ (интеграции «снизу»), которая более успешна, чем формальная интеграция; доступе к активам в развивающихся странах, в т. ч. в тех, которым была списана (полностью или частично) задолженность перед Россией (Алжир, Сирия) и т.п.
- Увеличение доходов других национальных контрагентов, которые имеют экономические связи с ТНК.
- Повышение конкурентоспособности ведущих компаний (за счет расширения ресурсной базы, получения новых технологий, управленческого опыта и т.п.), что положительно влияет на рост конкурентоспособности российской экономики в целом.
- Усиление прозрачности ведения бизнеса: например, первичное размещение акций (IPO) или подготовка инвестиционных меморандумов займов зачастую дают больше информации о компании, чем предписания о раскрытии информации Центрального банка Российской Федерации.

Безусловно, у зарубежных инвестиций есть и отрицательные моменты. Возникают вопросы о том, насколько оправдан в таких масштабах вывоз капитала в виде инвестиций или невозврат капитала, заработанного в зарубежных филиалах? Так ли эти инвестиции не нужны стране? В России отношение накопленных вывезенных к привлеченным прямым инвестициям чуть меньше единицы. Больше только в чисто оффшорных территориях. В крупных же развивающихся странах (Китая, Бразилии, Мексики) это отношение в 5-6 раз меньше (рис. 5).

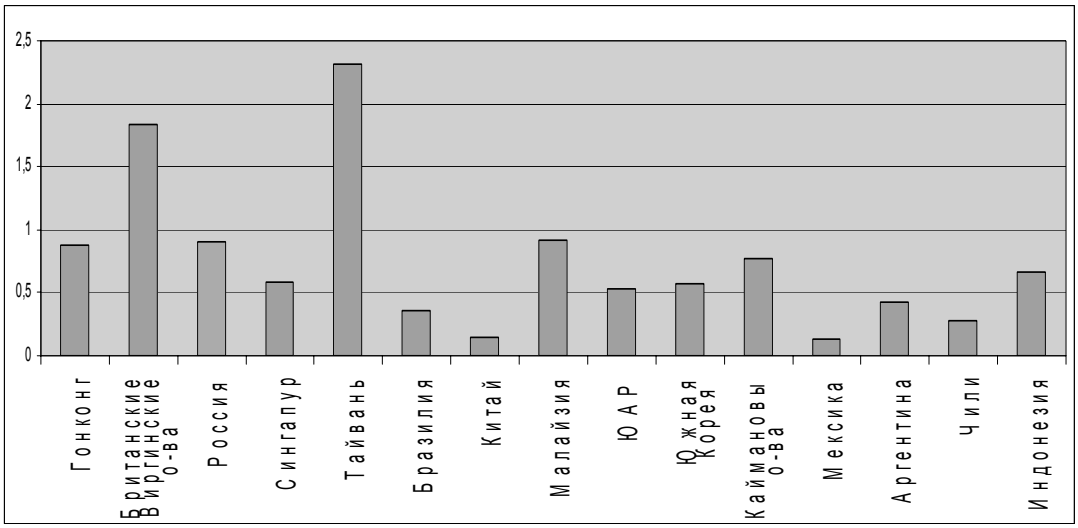


Рис. 5. Соотношение накопленных вывезенных и привлеченных прямых инвестиций.

Тем не менее, ведущие российские ТНК значительно уступают зарубежным по размеру внешних активов, по возможности привлекать дополнительные финансовые ресурсы для своей зарубежной экспансии. Например, у «ЛУКОЙЛа» размер зарубежных активов в 2004 г. был в 58 раз меньше, чем у General Electric и почти в 20 раз меньше, чем у British Petroleum. В мировой табели о рангах по зарубежным активам ТНК «ЛУКОЙЛ» занимал в 2004 г. только 160-ое место.

В списке 100 ведущих «конкурентов мирового рынка» из стран с быстроразвивающейся экономикой 2006 года, который делает Boston Consulting Group, только семь российских компаний, тогда как китайских – 44, индийских – 21, а бразильских – 12[3].

При этом практически все страны оказывают своим компаниям поддержку на государственном уровне при их зарубежной экспансии. Политику стимулирования зарубежных инвестиций своих компаний проводят Китай, Малайзия, Сингапур, Южная Корея, Индия, Таиланд, ЮАР, Бразилия, Мексика. В мире идет серьезная борьба за ресурсы, особенно энергетические. Именно в этом направлении наблюдается существенное усиление государственного протекционизма.

В России, между тем, на сегодняшний день не существует продуманной государственной политики в отношении инвестиционной экспансии российского бизнеса. Хотя господдержка российских корпоративных структур в реализации их зарубежных проектов в последние годы усилилась, нельзя не отметить, что целостности и последовательности в этой работе недостаточно, велика роль субъективных факторов. Естественно, это серьезно понижает шансы российского

[3] *Зарубежная экспансия российского бизнеса. Форум. Приложение к газете «Ведомости». 2006. Декабрь. С.4.*

капитала по сравнению с конкурентами из других стран, пользующихся «системной» господдержкой.

Вместе с тем государственная поддержка не должна применяться к любым зарубежным бизнес-проектам. Ее приоритетами должны быть: содействие модернизации экономики страны, трансформация сырьевой структуры экономики и экспорта, насыщение внутреннего рынка товарами и услугами лучшего качества, восстановление утраченных позиций российских предприятий на некогда освоенных международных рынках, конверсия финансовой задолженности зарубежных стран и т.д.

Одновременно следует более ответственно подходить к отбору компаний и проектов, которым может быть оказана такая поддержка. В ряде случаев такая политика не всегда объективно обоснована[4] и во многом определяется связями конкретных владельцев компаний в государственных органах.

Особо необходимо отметить и важную связь между внутрироссийской инвестиционной средой и возможностями для инвестиций российского бизнеса за рубеж. Последние слияния и поглощения вызвали в Европе неоднозначную реакцию. Канцлер Германии Ангела Меркель заявила, что Европа может заблокировать экспансию российского бизнеса, если Москва будет чинить препятствия европейским инвесторам[5]. Поэтому встает новая задача: при выработке новых правил для иностранных инвестиций в Россию учитывать и интересы российского бизнеса в зарубежных активах. Конечно, использование подобной формы сотрудничества требует взвешенного подхода, а также известной гибкости и последовательности.

Переход к целевой версии экономической политики требует комплексного проведения ряда мероприятий, обеспечивающих решение существующих проблем.

Важнейшим условием создания нормальной институциональной среды для зарубежных инвестиций российского бизнеса являются двусторонние межправительственные соглашения о поощрении и взаимной защите капиталовложений.

России также нужно активнее использовать специализированные институты группы Всемирного банка – Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (в который Россия пока еще не вступила) и Международное агентство по инвестиционным гарантиям (членом которой Россия уже является), занимающееся страхованием от политических рисков путем выдачи гарантий в случае возможных потерь от вложений частных инвесторов. Оно осуществляет долгосрочное страхование сроком до 15-20 лет. Еще один плюс состоит в том, что благодаря участию в проектах МАГИ, снижаются и ставки по кредитам, которые банки предоставляют инвестору.

---

[4] *Денисов А.И. Бизнес стал понимать: обходить посольства – не в его интересах // Международная жизнь. 2004. № 6.*
[5] *The Times. 2007. 9.01.*

Помимо политической и дипломатической помощи необходимо усилить и финансовую поддержку осуществляющим зарубежную экспансию компаниям (проблема корпоративного долга). Сейчас фонд страхования экспортных кредитов, хотя он и был увеличен в 2006-2007 гг., все еще очень мал. Одной из форм поддержки экспорта может стать субсидирование процентной ставки по кредитам, полученным для обеспечения экспорта инновационной продукции. Так, в декабре 2006 г. Минпромэнерго России опубликовало перечень из 22 экспортеров промышленной продукции, в основном машиностроения, которым будет возмещена часть затрат на уплату процентов по кредитам, полученным в российских банках. Такая практика должна быть расширена.

Необходимо также разработать специальный закон о принципах поддержки инвестиций российской компаний за рубежом, так как при таком сотрудничестве часто на предпринимательские риски накладываются различные форсмажорные обстоятельства, включая политические факторы, и следует закрепить в законодательстве определенный уровень гарантий компаниям-экспортерам и установить прозрачные и ясные процедуры предоставления государственной поддержки.

В этой связи также представляется необходимым создание Государственного внебюджетного инвестиционно-кредитного фонда с функциями по коммерческим инвестициям внутри страны и во вне[6].

В некоторых странах есть примеры успешной работы таких инвестиционных институтов. Так, в 1974 г. была основана компания Temasek Holdings[7]. В сочетании с законодательной, исполнительной и налоговой системами, ориентированными на экономический рост, она очень существенно повлияла на экономический успех Сингапура. В Южной Корее, например, в 1960 - 1980-х годах при участии государства создавались многоотраслевые холдинги, такие как LG и Samsung.

Таким образом, необходимость разработки системной государственной политики в отношении зарубежных инвестиций, которая учитывала бы все новые аспекты современного экономического развития и возросшие возможности влияния крупных ТНК на мировую экономику в целом является очевидной. Иначе возможны существенные потери и уступки на мировом рынке, которые будет непросто компенсировать в дальнейшем.

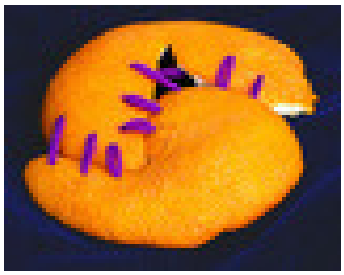
Рыночные механизмы, которые используются российскими компаниями для закрепления своих позиций за рубежом, недостаточны и требуют широкой поддержки государства как в плане финансов и инвестиций, так и в плане дипломатии.

---

[6] *Якунин В.И., Сулакшин С.С., Данилина Т.А. и др. О конкретном механизме восстановления рабочего уровня монетизации и инвестиционном стимулировании развития российской экономики. (Государственный внебюджетный инвестиционно-кредитный фонд). М., Научный эксперт, 2007.*

[7] *http://www.temasekholdings.com.sg.*

К вопросу о понимании современной европейской социальной политики: от минимальных стандартов к социальному качеству



Григорьева Н.С., доктор политических наук.

«Все режимы реакционны,
Если рушится человек»
А. Вознесенский

В социальной сфере России на сегодняшний день накопилось достаточно много нерешенных вопросов, требующих непредвзятого, точного анализа. Ответы на эти вопросы не всегда однозначны и часто требуют преодоления конфликтующих точек зрения. И одна из причин такого положения в том, что само понятие «социальная политика» по-прежнему не определено и дискуссионно. В результате разные авторы в зависимости от ситуации и своей собственной позиции используют различные трактовки социальной политики.

Россия сегодня оказалась фактически выключена из системы изучения и понимания социальной политики в том смысле, как это принято в европейских странах. В отечественной научной литературе нет широко развернутой дискуссии вокруг модели российской социальной политики, равно как и нет обсуждения эволюции теоретических взглядов, что имманентно присуще зарубежной литературе. В действительности ни одна из известных моделей социальной политики не существует в мире в абсолютно чистом виде. Специфика современной ситуации, которую мы наблюдаем в других странах, скорее не в развитии конкурентных моделей социальных политик, а в конвергенции мировоззренческих основ, форм и методов социальной политики. И главное в этом процессе – достижение устойчивого развития общества, обретение социальной стабильности. Начиная с конца XX века надежды многих европейских политиков, теоретиков и практиков связаны с концепцией социального качества, достижением социального благополучия для всех, или, по крайней мере, для большинства.

В России тоже прослеживается запрос на социальную политику. А политические действия последних лет (начиная с Закона 122 и до старта четырех приоритетных национальных проектов) только подтверждают возросший политический и общественный интереса к пониманию изменений в социальной сфере. Нельзя сказать, что в России вообще отсутствуют исследования и публикации, посвященные социальным процессам. Тема социальной политики была представлена в докладах, монографиях, диссертационных работах, наконец. Но она как правила помещается в какой-то более широкий контекст, а потому в основном носит фрагментарный характер.

Другими словами, социальная политика пока не была представлена как система с четко обозначенными целями, методами их достижения, механизмами реализации и критериями оценки. Следует с сожалением заметить, что такая ситуация сохраняется до сих пор, хотя «российское общество уже заплатило высокую цену (даже если и не осознает этого) за концептуальный вакуум в социальной политике прошлого десятилетия» (Обзор, 2007). Хотя было бы точнее сказать, что этот период затрагивает более продолжительное время, начиная с середины 80-х годов XX века.

Социальная политика и ее понимание

Социальная политика в ее современном виде сформировалась в начале XX века, хотя разные подходы к пониманию того, что является ее сущностью, появились достаточно давно. Она были связана, в первую очередь, с обеспечением жизнедеятельности нетрудоспособной части общества, или представлялась как сфера деятельности, необходимая для исправления негативных социальных последствий, которые могут возникнуть в обществе в результате стихийных бедствий, войн, социальной и экономической нестабильности (Григорьева, Чубарова, 2004).

На сегодняшний день существует несколько определений социальной политики, от восходящего к британской традиции «определения по умолчанию» до представления ее как некоего механизма, обеспечивающего воспроизводство социальных ресурсов общества. Несмотря на это, есть определенные сущностные компоненты, которые включены во все определения. Они связаны с пониманием социальных рисков и овладением механизмами управления ими. И в этом контексте социальная политика включает две составные части – «социальное» и «политика». Понятие "социальное" достаточно разработано в научной и методической литературе. Оно определяется в широком и узком смысле слова. С одной стороны, социальное понимается как общественное, с другой, - как обеспечение жизнедеятельности людей в их повседневной жизни. Социальное в сочетании "социальная политика" означает, что последняя направлена на решение какой-то общественной проблемы, преодоление трудной жизненной ситуации, когда объективно нарушается жизнедеятельность граждан и они не могут преодолеть ее самостоятельно. Примеров подобных ситуаций много: инвалидность, болезнь, неспособность к самообслуживанию в связи с преклонным возрастом или болезнью, сиротство, безнадзорность, низкий уровень жизни и бедность, безработица, отсутствие определенного места жительства, низкий уровень образования и неграмотность, конфликты и жестокое обращение в семье, одиночество и т.д. Здесь отчетливо прослеживаются две проблемы, связанные с социальным характером соответствующих услуг. Во-первых, человек испытывает трудности, которые обществом признаются как требующие решения. Во-вторых, для того, чтобы их преодолеть, ему необходима помощь со стороны государства.

Поэтому в теории социальной политики важное место занимают такие понятия как «социальные права», «социальные потребности» и «социальные услуги».

В основе социальной политики всегда заложены определенные социальные ценности – равенство и справедливость, нравственность и мораль, социальная солидарность и социальная ответственность. И, говоря о социальной политике, всегда приходится фактически отвечать на вопросы: какие у нас критерии справедливости, что понимается под равенством и неравенством, каких социальных целей мы хотим достичь?

В подходах к социальной политике прослеживаются две ярко выраженные традиции. Одна из них видит цель социальной политики в попытке достижения социального улучшения, как постановку желаемых социальных задач и организацию механизмов социальных изменений для их достижения. Это оптимистическая деятельность с надеждой создать консенсус в отношении решения глобальных социальных вопросов, в том числе связанных и с перераспределением.

Согласно другой традиции - акцент делается на ограниченности ресурсов, а спрос на услуги и необходимость перераспределения всегда превышает возможности общества в их осуществлении. Существуют два конкурирующих и взаимоисключающих спроса - спрос на равенство и спрос на эффективность. Поэтому центральной задачей социальной политики становится достижение баланса между ними (Григорьева, Чубарова, 2004).

Социальная политика всегда связана с перераспределением ресурсов и потому она материальна. Перераспределение в свою очередь означает, что многие социальные услуги получают далеко не те, кто оплачивает их через систему налогообложения.

В последнее время помимо отраслевого подхода - органы и организации, программы и проекты - все большее звучание приобретают проблемные подходы. Среди них следует выделить социальную интеграцию/дезинтеграцию, гендерные и расовые вопросы, социальные последствия развития информационного общества. Но какой бы подход ни был использован, неизменной составляющей остается оценка проводимых мероприятий с точки зрения эффективности и результата. Необходимо определить не только, сколько ресурсов было потрачено на реализацию той или иной инициативы, но и то, какие результаты были реально достигнуты.

Если рассматривать политическую составляющую социальной политики, то следует исходить из того, что политика – это и сфера деятельности, связанная с отношениями между классами, нациями и другими социальными группами, ядром которой является проблема власти, участия в делах государства, определения форм, задач и содержания его деятельности; и согласие, консенсус среди партнеров о том, какие проблемы надо решить и о том, каким способом или с помощью каких стратегий можно и нужно это делать.

Политика подразумевает определенную систему действий, так называемый политический цикл, который включает постановку цели, выбор методов ее достижения, оценку достигнутых результатов и с учетом этого корректировку, если это необходимо, первоначально предложенных целей и методов. Существует также ряд установочных положений, которые необходимо учитывать при формировании государственной социальной политики.

Социальная политика сегодня – это тема и больная, и актуальная не только потому, что она волнует миллионы людей, но и потому, что здесь накопилось много нерешенных вопросов, требующих точно выверенного анализа, на основе которого и должна строится социальная политика. Иными словами, на социальную политику существует общественный запрос, и государство не может избежать ответа на него.

Социальная политика и экономика

Один из ключевых моментов в понимании социальной политики – это вопрос о соотношении экономики и политики. В контексте социальных реформ, осуществляемых сегодня в России, часто приходится слышать тезис о том, что нерешенные до конца экономические задачи не позволяют решать социальные проблемы. Так ли это, и насколько это односторонняя зависимость?

Для многих специалистов по социальной политике, экономика представляется наукой, которая принимает и даже оправдывает негативные социальные условия, существующие в обществе, как, например, бедность или неравенство, то есть те самые условия, которые социальная политика стремится улучшить. Но справедливо и то, что без минимального представления о тех теоретических положениях и практических вещах, которые объясняет экономический анализ, социальная доброжелательность в мире не будет значить буквально ничего.

Одна из причин напряженности между социальной политикой и экономикой состоит в том, что они изучают в принципе одни и те же явления, но с разных сторон. Они занимают одну социальную территорию, затрагивают одни и те же проблемы. Обе дисциплины озадачены максимизацией благосостояния (т. е. получением максимальной прибыли на ресурсы, доступные человеку), производя так много, как только это возможно, и справедливо распределяя произведенное. Короче говоря, они обе – об организации производства и потребления. Хотя до начала XX века те, кто изучал социальную политику или экономику, не считали их разными дисциплинами (например, Адам Смит, считал, что он изучает благосостояние, а Карл Маркс и Фридрих Энгельс рассматривали свои исследования в области бедности и занятости как часть изучения экономики).

Но если экономика рассматривает преимущественно меры, оказывающие непосредственное влияние на производство товаров и услуг, то проблематика социальной политики обращена на благосостояние граждан, уровень их жизни и социальную активность.

Основным вопросом экономики является эффективность. Экономическая эффективность – ключ к оптимизации благосостояния. Ей помогут хорошие намерения и пожелания, но она не гарантирована ими. В сложном современном обществе понятно, что означает экономическая эффективность вообще, но на практике невозможно подсчитать, как далеко или близко сообщество находится от нее в данный промежуток времени.

Это типичный пример одного из основных ограничений экономики (и это объясняет, почему те, кто занимается социальной политикой, порой враждебно настроены или даже нетерпимы к ней) - очень часто она может сказать, чего нужно достичь в теории, но на практике она не может сказать, успешны ли предпринимаемые действия или как нужно поступать. Экономическая теория может показать, что есть точка отсчета, где экономика (в смысле производства и потребления) организуется таким способом, что при любом изменении, по крайней мере, кто-то окажется в более затруднительном положении, и никто при этом не окажется в более выгодном положении. Этот эффект в свое время был назван *эффективностью (оптимумом) Парето* в честь итальянского экономиста и социолога Вильфредо Парето, который описал состояние равновесия в экономике, где все предельные прибыли потребления равны друг другу и также равны всем предельным издержкам производства товаров и услуг, которые потребляются.

Достижение благосостояния через экономическую эффективность включает три уровня выбора: первый - принятие конкретного типа экономической системы; второй - управление этой системой; и третий - создание и внедрение конкретной социальной политики (Baldok, 1999).

Большинство споров в области социальной политики ведется вокруг того, как нужно оплачивать социальное благосостояние и как эти средства найти.

Экономика - наука о ресурсах, таких как труд, знания и реальные ценности и их распределении. В стране был бы более высокий уровень благосостояния, если бы она нашла способы распределения ресурсов так, чтобы это соответствовало долгосрочным предпочтениям ее граждан. Экономика определяет, не какими должны быть эти предпочтения, а как они могут сочетаться с работой и производством. Главный вопрос, который задает экономический анализ социальной политике, это - не сколько это будет стоить, а какие альтернативные способы использования ресурсов существуют и будут ли они приводить к получению большей или меньшей прибыли? Экономическая стоимость исхода социальной политики – это все другие потенциальные исходы, которые были известны до этого. Их принято называть альтернативными издержками. Они представляют собой оценку всех потерянных возможностей потребления ресурсов не такими способами, которые сейчас используются или предлагаются.

Главное, что волнует экономическую политику, это создание и поддержка занятости, а социальную политику – удовлетворение потребностей граждан, особенно тех, кто был вытеснен с рынка труда.

В России социальная дифференциация достигла беспрецедентных размеров, и многие международные эксперты усматривают в этом не только угрозу для будущего развития страны, но и для стабильности в мире (Стиглиц, 2004). Не может рыночная экономика быть здоровой и эффективной, если потребительские цены, стоимость жилья сравниваются с уровнем стран Запада, а заработная плата подавляющего числа работающих, в силу задаваемых государством стандартов и монопольного положения работодателей, отстает в разы. (О. Богомолов, 2004). А может быть главная причина неуспехов в том, что в России активно применяются западные матрицы к совершенно иному социальному языку?

Социальная справедливость не только нравственная категория, она является важным фактором успешного хозяйственного развития и от ее соблюдения зависит отношение граждан не только к труду и экономике страны, но и к перспективам ее политического развития, ее стабильности.

Это еще один пример того, что обычно рынку, не удается умело достичь желаемого результата в сфере социальных отношений. Государство все в большей мере продолжает корректировать провалы рынка, тем самым, обеспечивая социальную справедливость в тех размерах, и в том виде, который может себе позволить в каждом конкретном случае.

Следует понимать, что противоречие социальной справедливости и экономической эффективности не выдумано, оно является реальностью (Трансформационная, 2006). Вопрос заключается в том, как это противоречие разрешается и какова в этом роль социальной политики?

Изменения в развитии современной европейской социальной политики.

Эти два экскурса понадобились для того, чтобы стали понятнее те изменения, которые происходят сейчас в европейской социальной политике. В 90-х годах XX века государства благосостояния оказались в новых условиях, что потребовало от них понимания и решения новых задач, которые были вызваны как внешними, так и внутренними процессами развития (Gray, 1989). В результате, социальная политика оказалась как бы под двойным давлением: с одной стороны, изменялась сама система социального обеспечения в большинстве европейских стран (Lind, Moller, 1999); а с другой – у населения развивались новые потребности и соответственно формировались иные требования к системе социальной защиты (Чубарова, Исаченко, 2000). Природа этих изменений стала основой для дискуссий среди исследователей социальной политики. Алан Волкер отмечает, что неолиберальная экономическая глобализация привела к изменению европейской системы благосостояния как минимум в двух аспектах. Во-первых, это отмена контроля, приватизация и маркетинизация и, во-вторых, это сдвиг в сторону экономического инвестирования в проведении социальной политики. По его мнению, при прочих равных условиях, эти новые проявления могут повысить риск

бедности и социального исключения для значительной части населения, что, опасно для устойчивого социального развития (Walker, 2005).

Не претендуя на всю полноту характеристики исследований социальной политики в европейских странах, можно постараться выделить основные параметры этих исследований, тот теоретический (и практический) дискурс, в которых они существуют с конца 90-х годов XX века и по сегодняшний день.

Во-первых, это признание равной значимости для жизни общества экономической и социальной политики. И это принципиально важное замечание.

На протяжении достаточно долгого периода времени социальная политика рассматривалась как нечто второстепенное, как приложение к экономической политике. В конце XX века ситуация стала меняться; расширение социальной политики становится приоритетном направлением политики ЕС. В практическом воплощении это привело к формированию специализированных исследовательских центров, в фокусе которых были различные социальные образования – семьи, пожилые люди, бедные, мигранты. В то же время стало очевидным, что эти группы, изучаемые изолированно, не смогут дать необходимой базы для выработки и принятия согласованных решений. Нужна была иная оценка социальной политики. И эта точка понимания была достигнута в Амстердамском договоре, (The Amsterdam Declaration, 1997) когда «старая» модель социальной политики Титмуса была фактически переконструирована в модель, где «социальная политика понимается как продуктивный фактор»…(Walker, 2005). А это означало, что «ведущим принципом нового Круглого стола по социальной политике становится усиление понимания социальной политики как продуктивного фактора» (European Commission, 2000). Последующие шаги были направлены на создание нового механизма координации социальных политик европейских стран, первоначально в разных областях социальной сферы. Был предложен так называемый открытый метод согласования (Лиссабонский совет, 2000), который предлагается рассматривать как разумный механизм стимулирования конвергенции политик. Этот инструмент был впервые применен в 1988 для служб занятости. А уже в декабре 2001 года Совет в Лаекене утвердил первый блок индикаторов (10 статистических индикаторов из 18), которые включают четыре измерения маргинализицации и социальной включенности: платежеспособность, занятость, здоровье и образование. Десять простых показателей относятся к наиболее важным проявлениям маргинальности, а восемь второстепенных показателей отражают другие измерения.(Teodorovic, Stubbs, 2006)

Глобальная цель всех этих стремлений – обеспечение социальных потребностей современного общества экономически наиболее эффективным способом. При этом социальная политика рассматривается как равная в своем значении для развития общества экономической политике.

Во-вторых, совершенно очевидно, что формирование перспективной социальной политики в Европе связано с пониманием роли государства и идеологии. И прежде всего речь идет об изменении политических целей, которые в

свою очередь были связаны со сменой норм, сроков и объемов социального обеспечения (ILQ, 2000, Clasen, 1999) и снижением уровня доступности социального обеспечения (Hill, 1999). Как справедливо замечает Адриан Синфельд, произошло «сужение» и «размывание» целей, что оказало влияние на социально-экономическую защиту населения (Sinfield, 2005). И когда цели стали неясными, их подключение к общему и к оперативному управлению оказалось затруднено, что не могло не сказаться на результатах. Возник вопрос о тех дискурсах, в рамках которых происходит обсуждение проблем и подведение итогов. Это может повлечь за собой подмену понятий, усложнить разумное восприятие и обесценить опыт противников данного дискурса (Viet-Wilson, 2000). «Власть в обществе осуществляется частично через усиление одного дискурса в ослабление других; когда зависимые группы начинают говорить на «заимствованном языке» (Gray, 1989).

В-третьих, активизация гражданского общества в решении социальных проблем, что связано с продвижением идеи социально-активного общества, особенно в сфере рынка труда. Под влиянием рекомендаций Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) (1994) и Европейской комиссии (1977) призыв к переходу от пассивного получения дохода к активным мерам в области занятости в пределах существующих социальных систем, стал очень популярным. Под понятием «активного общества» понимается уверенность в своих силах, как доминирующий элемент преобразования социальной политики.

В-четвертых, государства благосостояния не могут не признать того факта, что граждане стали в большей степени независимыми: они обладают большими ресурсами, чем когда-то, а, следовательно, имеют больше возможностей контролировать свои собственные решения. Течение жизни меняется под воздействием самых разных факторов, но при этом явно усиливается индивидуализация, что не означает, что люди становятся более самовлюбленными или жадными, что они равнодушны к близким и меньше заботятся о них (Giddens, 1998). Это означает, что они стали свободнее в выборе собственных социальных направлений, собственной модели жизни или, как подчеркивается в авторских исследованиях, – «собственных биографий». Как отмечает Гидденс, единственный выбор, который вы не можете иметь, это отсутствие выбора. Поэтому, приспособление государства благосостояния к новому типу гражданина – главный вызов, который стоит перед современными государствами всеобщего благосостояния. Как индивидуализм и свобода выбора могут быть связаны с солидарностью? Как помощь со стороны государства всеобщего благосостояния может увеличивать (а не ограничивать) выбор человека? И это те ключевые вопросы, которым посвящены новые исследования в области активного гражданства.

В-пятых, в центре внимания исследовательского сообщества сама изменяющаяся роль государства в решении социальных проблем. Практически всеми исследователями признается, что для того чтобы обеспечить устойчивое

развитие общества необходимо эффективное участие государства в этом процессе, хотя формы этого участия и влияния в различных странах могут быть различны. При этом модели и тенденции в неравенстве в разных странах чрезвычайно важны для политики. Они усиливают необходимость широкого, социально ориентированного и структурного подхода в политике. Но для этого этот язык должен быть выработан, понятен и доступен каждому.

Социальная политика и государства благосостояния: реформы и изменения.

Сам термин «государство благосостояния» отражает британскую традицию. В германской традиции принято говорить о социальном государстве (в Конституции РФ зафиксировано именно это понятие). Феномен такого государства появился около ста лет тому назад, но достаточно прочно укоренился в современном обществе. Государство всеобщего благосостояния – как теория, так и организационная система - государство или общество, которое признает свою ответственность за удовлетворение основных социальных потребностей граждан и предпринимает для этого соответствующие усилия (Григорьева, Соловьев, Чубарова, 1996). В 50-х годах Ричард Титмус (Titmuss, 1958) справедливо утверждал, что государство всеобщего благосостояния было проявлением «сначала, желания общества выжить как органическое целое, и затем выраженного желания всех людей помочь выживанию других людей».

Можно сформировать две группы причин, объясняющих появление государства благосостояния: социально-экономические и политические

Модели государства благосостояния, которые сложились в странах мира, показывают, что, с одной стороны, реализация одних и тех же целей возможна разными способами, с другой – страны преследуют различные цели в своей социальной политике. Обычно при этом ссылаются на работы Титмуса, который выделили три модели социальной политики: остаточную, индустриально-достижительную и институциональную. Классификация государств благосостояния, предложенная Эспин-Андерсоном также включала в себя три типа: либеральный, консервативный/корпоратистский и социал-демократический (Esping-Andersen, 1990).

Классификация режимов благосостояния по Эспин-Андерсену

Режим/признаки режима	Либеральный	Консервативный	Социал-демократический
Идеологическая основа	Остаточность – социальная защита осуществляется по остаточному принципу	Статусная сегментация и семейственность. Зависимость социальных прав от гендерной принадлежности	Универсальность – каждый гражданин имеет право на достойный уровень жизни и социальное обеспечение
Масштабы социальных гарантий	Узкое определение группы нуждающихся и узкое определение социальных рисков	Получателем социальных пособий является мужчина, как основной кормилец семьи	Равенство граждан в защите от рисков, стремление к полной занятости
Размеры социальных пособий	Ограниченное государственное здравоохранение и ограниченные размеры пособий	Обязательное социальное страхование по месту работы, размер пособия зависит от заработка	Высокий уровень компенсации рисков для всех граждан, высокий уровень социальных пособий
Зависимость от рыночного вклада (коммодификация)	Риски компенсируются в полной мере для групп, участвующих в производстве, остальные становятся зависимыми от социальных пособий	Социальная защита через отчисления «занятых» в кассы социального страхования и остаточные схемы для слоев с «нормальной» занятостью	Нет зависимости от участия на рынке труда – де-коммодификация, сильные профсоюзы обеспечивают высокую защищенность на рынке труда
Регулятор социальных прав	Развитый рынок	Корпоративный работодатель	Государство как социальный гарант
Социальное обслуживание	Развитые частные социальные услуги	Социальные услуги оказываются женщинами в семье, иногда частными службами	Государственные социальные службы, маргинализация частных социальных услуг
Государства режима	США, Канада, Австралия	Австрия, Германия, Италия	Страны Скандинавии, Нидерланды

Источник: Esping-Andersen G. Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge, 1990

Таким образом, в либеральной модели социальная помощь оказывается только в рамках минимальных социальных стандартов и по остаточному принципу, удовлетворяя минимальные социальные потребности. Это определенный социальный минимум для «избранных». В рамках консервативной модели или корпоративной социальной помощи подразумеваются отдельные социальные программы для определенных социальных групп в зависимости от их трудового вклада. И, наконец, социально-демократический принцип распространяет социальную поддержку на всех граждан, имеющих равные права на равные льготы независимо от трудового вклада и реальной нужды. Таким образом, принимая тот или иной режим, мы хотим этого или не хотим, «де факто» поддерживаем ту или иную модель социальной политики, тот или иной вариант социальной помощи, который мы вправе ровно настолько ожидать от государства, насколько режим это позволяет. В тех случаях, когда налицо смешанные модели социальной политики, мы точно знаем, какая именно из моделей является доминирующей и на что

гражданин в своем социальном случае может рассчитывать (Чубарова, Исаченко, 2000).

В связи с этим трудно понимаемы, высказываемые российскими исследователями положения о том, что для того, чтобы понять специфику развития России и сформулировать национальную повестку дня, нельзя увлекаться идеологией (Алякринская, 2007). Сопредседатель Совета по национальной стратегии Иосиф Дискин замечает, что «если мы хотим развиваться, нам предстоит оказаться от идеи идеологически вдохновенного развития и спуститься к прагматическому решению своих проблем» (Алякринская, 2007). Но это противоречит самому пониманию социальной политики – нет социальной политики вообще – она всегда находится в системе определенных ценностей – экономических, идеологических и так далее. Это очень доступно показала Светлана Глинкина на примере отношений собственности: «Вы можете быть либералом, консерватором или социалистом. И в каждом случае будет разное отношение, например, к теневой экономике. Либерал увидит в ней замечательно смелых предпринимателей. Консерватор скажет: я - не против, но пусть платят налоги. Социалист отправит всех этих деятелей за решетку. Значит, главное, что нужно сделать, определиться, кто мы такие». Так что это очень «идеологизированный вопрос». Наши попытки отмежеваться от идеологии – это не что иное, как обыкновенный страх перед необходимостью признать факт ограниченности либерально-рыночных перспектив развития. Поскольку, как только мы это признаем, от этого уже «попахивает чем-то социалистическим» (Глинкина, 2005). Именно, различные подходы к социальной политике получили свое концентрированное выражение в идеологиях. Ретроспективный взгляд исторической эволюции политики всегда показывал зависимость ее от определенных доктрин, социальных программ, настроений, как общества, так и отдельных групп. Эта совокупность идей, установок, которые способствовали самоорганизации и идентификации группы вокруг своих интересов и соответственно помогали продвижению этой группы во власть. От первых попыток создания научной теории идеологии, которые были предприняты К. Марксом, а потом К. Мангеймом, до превращения идеологии в некий механизм «интерпретации кодов, которые схематизируют образы социального устройства и помогают человеку координировать свое поведение в сообществе других людей» (Соловьев, 2007), прошел долгий период. Но несмотря ни на что, центральным для определения того или иного подхода является оценка роли государства в социальном развитии общества, поскольку по своей политической природе идеологии выступали и выступают орудием консолидации групп как основных конкурентов в сфере государственной власти, при этом не забывая утвердить тот или иной смысл понимания мира. С этих позиций можно рассматривать взгляды «правых», центристов, марксистов, а также новые подходы, которые сформировались в рамках новых движений, отстаивающих права различных категорий населения современного общества (Григорьева, Чубарова, 2004).

«Именно благодаря идеологиям, эпоха Modernity стала местом осуществления различных политических проектов, альтернатив и вариаций развития общества» (Соловьев, 2007).

На базе, какой идеологии формируется современная социальная политика России? – вот, ключевой вопрос, на который объективно трудно ответить.

Разработка новых подходов к европейской социальной политике проходит в контексте понимания и основных дилемм современной социальной политики, которые были сформулированы в Брюсселе в 2000 году. В концентрированном виде они могут быть выражены так:

- социальная солидарность или индивидуальная социальная ответственность;
- удовлетворение социальных потребностей (коллективно или индивидуально);
- доступ к общественным службам (для всех граждан или для отдельных категорий);
- компромисс между уровнем социальной защиты, который общество хочет иметь, и желанием граждан его финансировать

Каким образом эти дилеммы могут быть трансформированы в социальной политике России?

Социальное качество: новые концептуальные подходы

Как уже отмечалось, концепция социального качества появилась как своеобразный ответ на реально существующую проблему сочетания экономической и социальной политики, что связанно с ограниченным пониманием последней и признанием главенствующей роли первой.

С 2000 года положение социальной политики в «системе политик» кардинально изменилось в связи с введением понятия социального качества, которое исследователи определили как «степень, до которой люди способны участвовать в социальной и экономической жизни их сообществ на условиях, способствующих росту их благосостояние и индивидуальным возможностям» (Walker, 2005).

Для достижения доступного уровня социального качества необходимо выполнение определенных условий:

1) наличие доступа к социально-экономической защите (социально-экономическому обеспечению);
2) наличие возможности исследовать феномен социальной включенности либо начальные стадии социальной исключенности посредством социальных и экономических институтов, которые в обществе существуют, таких, например, как рынок труда, институт гражданства;

3) наличие способности у людей жить в сообществе или обществе, характеризуемом социальной сплоченностью (чувство солидарности, разделяемые нормы и ценности);
4) наличие возможности активности каждого и достижения личной самореализации посредством коллективного участия.

Теория социального качества заставляет вновь и вновь возвращаться к пониманию «социального». Теоретические путешествия в философские трактовки «социального» подводят исследователей к выводу, что социальный мир осознается только в результате взаимодействия (взаимозависимости) самореализации людей как существ социальных, когда в результате этой самореализации формируется коллектив личностей. Это и называют строительством «социального» (Walker, 2005). И есть определенные условия, в которых это строительство наиболее эффективно и возможно. Люди должны обладать способностью к взаимодействию, у них должен быть в наличии структурный конструкт для взаимодействия, поскольку процессы, в которых они достигают самореализации, исторически структурно определены. И эти структуры должны быть доступны для них без каких-либо ограничений, таким образом, люди могут быть «включены в социальность». То есть они должны иметь доступ к необходимым ресурсам, которые в состоянии облегчить их взаимодействие. И потому они нуждаются в социально-экономической безопасности. И, наконец, необходимы общепринятые (единые) ценности и нормы, которые позволяют строить необходимое человеку сообщество. Этические принципы помогут различить приемлемые и недопустимые результаты. Это означает, что социальное качество должно иметь идеологическое измерение (Beck et all, 2001).

Алан Волкер воспроизводит Структуру компетентности социального качества. Попробуем воспроизвести четыре компонента социального качества, композицию которых для простоты воспроизводства и запоминания мы и обозначим как «квадрат социального качества».

КВАДРАТ СОЦИАЛЬНОГО КАЧЕСТВА

Социально-экономическая защищенность/незащищенность	Социальная включенность/исключенность
Социальная сплоченность/фрагментарность	Социальная автономность/зависимость

Обращают внимание на себя в первую очередь два принципиальных замечания. Во-первых, все компоненты дуалистичны, поскольку с одинаковой степенью вероятности фиксируют как положительные, так и отрицательные возможности развития. Во-вторых, это упрощенная схема. В развернутом варианте, она может быть представлена как сложная система, дающая представление о

возможностях взаимодействия между организациями и учреждениями, включенными в систему, с одной стороны, и сообществами и группами, с другой стороны. (Beck et all, 2001)

Дэвид Гордон (Gordon, 2007) приводит уточненный вариант ключевых измерений социального качества, которые были предложены Ван-дер Мейзеном и Волкером.

- Социально-экономическая безопасность – набор адекватных средств (стандартов) в области финансовых ресурсов, жилья и окружающей среды, здоровья и заботы о нем, образования и наличия работы
- Социальная сплоченность – степень, в которой социальные отношения, нормы и ценности разделяются в сфере доверия, интегративных норм и ценностей, социальных сетей и идентичности. Фактически - это идея солидарности и ценностей в обществе.
- Социальная включенность – способность участвовать в социальной, культурной и экономической жизни общества в сфере гражданских прав, рынка труда, общественных о частных служб и социальных сетей. Она противостоит социальной депривации.
- Социальные полномочия[1] – способность действовать в контексте социальных отношений в области базы знаний, рынка труда, открытости и поддержки институтов; обращаться к коллективному действию и культурным действиям в поддержке личных отношений. Это возможность отстаивать свои права в коллективных действиях с другими людьми.

По мнению европейских исследователей, понятие социального качества играет интегративную роль, поскольку измерение социального качества требует более широких мультидисциплинарных подходов, чем уже известные бедность или социальная исключенность. Кроме того, обращает на себя внимание и такое важное для принятия политических решений явление как формулировка проблемы, таким образом, когда фактически ограничивается альтернативная сторона их понимания. Это явление получило название Policy Clouse и ассоциируется с сокрытием возможностей альтернативного выбора. Такой вариант «политического замыкания» достаточно подробно описан Адрианом Синфельдом на примере изменений в системе социального обеспечения Великобритании, что привело к появлению двойных стандартов в оценках одних и тех же явлений. «Там, где независимые исследователи указывали на бедность, правительство видело рост люмпенизированного слоя и культуры зависимости». Были и другие примеры, которые Уильям Райан описал как «присвоение жертвами новых обвинений» (Sinfield, 2005).

---

[1] *При переводе отдельных, пока еще не устоявшихся в отечественной научной литературе терминов, приходится сталкиваться с определенными трудностями. Это в полной мере относится к слову empowerment, которое в данном контексте переведено как полномочия. Ранее, мы переводили это слово как стимулирование собственной активности человека, предоставление гражданам возможности участвовать в решении своих проблем, наряду с теми, кому делегированы властные полномочия, а также поддержка гражданина с целью приобретения им уверенности в себе и развития в нем способности отставать свои права (Григорьева, Соловьев, Чубарова, 1996)*

Концепт «социального качества» по мнению разработчиков, позволит применить более точные подходы и установление новых рамок для исследований и политической повестки дня и соотнесения политических трендов со структурными проблемами неравенства. Уже сейчас отмечается повсеместный рост заинтересованного отношения к новому пониманию социальной политики вместе с расширенными целями благосостояния. Правительства Великобритании и Ирландии, например, взяли на себя обязательства решить задачи по снижению уровня бедности. Европейские социологи осуществили мониторинг правительственных обязательств по вопросу бедности (Gordon, 2001). Были разработаны индикаторы ЕС по социальной исключенности (Atkinson, 2002) и возросли требования к власти относительно национальных и международных стандартов о минимальном доходе (Viet-Wilson, 2000). В программе “ILO InFocus” по социально-экономической безопасности есть тема «Поиск справедливости в распределении – основа защиты для всех» (ILO, 2000).

Социальная политика России: исторический ракурс современной модели

Принципиальная задача – определение форм государственного участия в решении социальных проблем. Это происходит на фоне сложного переплетения множества самых разных факторов, которые можно объединить в три основные группы с определенными характеристиками:

- сужение экономической базы, что имеет принципиальное значение с точки зрения выбора форм и методов социальной политики;
- идеологические проблемы, связанные с концептуальным пересмотром основ социальной политики;
- организационные механизмы, которые приобретают все большее значение в условиях развития смешанной экономики и появления в социальной сфере наряду с государственными, частных и благотворительных организаций, усиления тенденции к децентрализации и переноса всей тяжести решения социальных проблем на уровень местных органов власти.

На современном этапе одним из главных препятствий реформы социальной сферы России является отсутствие национальной концепции социальной политики, четко сформулированных целей, осознания места и роли государства в обеспечении населения социальными услугами. В связи с этим возрастает значение процесса определения приоритетов в обществе и социальной сфере. Этот процесс, в свою очередь, связан с определением доли ресурсов, выделяемых на социальное развитие с последующим планом их рационального использования. Одна из важных проблем, на которую следует обратить особое внимание – тенденция нарушения единого социального пространства страны. Это может привести (и уже приводит) к двум тревожным последствиям для социальной

политики России, которые можно обозначить как трудности взаимодействия по вертикали и по горизонтали. Как результат – формируются региональные модели социального развития, основанные на различных, если не противоположных, принципах. Это тем более заметно на фоне развития социальной политики в рамках ЕС в направлении стандартизации.

Резкий уход государства из экономики в начале 90-х породил вслед за этим деградацию всей социальной сферы. В настоящее время в мировых экономических рейтингах Россия по разным классификациям находится между 61-77 местом. Можно говорить и о том, что в России за годы реформ произошла революция в социальных отношениях, которая не способствовала солидарности общества. Михаил Горшков – директор Института социологии РАН пишет, что по результатам проведенного ими исследования «Социальная политика, социальная реформа» сделан вывод о том, что **«модель социальной политики, которая используется в России … не адекватна существующим ожиданиям и возможностям**». Она больше отвечает такому понятию, как бизнес–план (Горшков, 2007) . Но социальная сфера не может работать по законам бизнеса, а социальная политика формулироваться и развиваться по принципам бизнес-плана.

Именно социальная политика, как она понимается во всем мире, может помочь объединить разрозненные попытки реформировать социальную сферу. Уже сейчас, под воздействием глобализации, происходит сближение социальных моделей различных стран. Эти модели имеют разные названия: «социальная рыночная экономика» в Германии, «продуктивное благосостояние» в Корее, «комплиментарный консерватизм» предвыборной платформы Дж. Буша, «третий путь» в Великобритании, но в своей основе – это попытка соединить в социальной политике рыночные начала с обеспечением государственной социальной поддержки через социальные расходы.

В России же налицо модель ограниченного социального взаимодействия государства с населением, выражаемая в политике минимизации социальных гарантий помощи беднейшим слоям и стратегическим курсом на самостоятельное выживание экономически более или менее устойчивых (включая и малообеспеченных) групп населения. Из контекста обсуждаемых проблем совершенно исчезли вопросы, которые проясняли бы разницу между равенством и справедливостью. Аргументом при этом, выдвигается необходимость достижения экономической эффективности. Да, в определенной мере «социальная справедливость и экономическая эффективность могут рассматриваться как конфликтующие цели. Но никогда ни социальная справедливость, ни экономическая эффективность не являлись единственно доминирующей целью. На практике они не обязательно противостоят друг другу. Опыт показывает, что прогресс в области социальной справедливости может в ряде случаев привести к повышению экономической эффективности, точно также как в других случаях рост экономической эффективности способствует достижению социальных целей (Report, 2001).

В России есть отдельные теоретические разработки в области социальной политики, но нет открытой теоретической дискуссии. Есть отдельные авторы, много и активно пишущие по отдельным проблемам социальной сферы, но отсутствует консолидация их усилий. Есть обзоры социальной политики, разного уровня и качества, некий своеобразный мониторинг социальных реформ, но концепции, которая давала бы перспективу социальному развитию государства, нет. Мониторинг, как бы он ни был важен, не может заменить собой науку. Социальная политика как бы вынужденно подстраивается под принимаемые проекты и программы, а потому лишена целостности. Можно даже сказать, что современная российская социальная политика развивается по графику политического цикла, поскольку не носит долговременного характера, а связана преимущественно с выборами.

В высших учебных заведениях курсы по социальной политике или сравнительной социальной политике не входят в образовательный стандарт при подготовке специалистов в области государственного управления[2]. Возможно, это происходит потому, что базовые понятия социальной политики, как, например, социальная справедливость, равенство, солидарность не активизированы в политическом контексте принимаемых решений. Социальная ситуация в России в ближайшей, да и в долгосрочной перспективе будет определяться скорее всего созданием механизмов распределения результатов наметившегося экономического роста среди всего населения или отдельных социальных групп.

Парадоксальность ситуации состоит в том, что экономический рост России не ориентирован на преодоление бедности. Как образно заметил Леонид Григорьев - «рост есть, а счастья – нет» (Алякринская, 2007). Обследование бюджетов домашних хозяйств, проведенное Институтом комплексных социальных исследований в 2005 году, показало, что прирост реальных располагаемых доходов 90% населения страны даже с учетом социальных трансфертов оказывается ниже среднего прироста доходов по экономике в целом. В числе тех, чьи доходы растут в наименьшей степени, оказываются не только малообеспеченные граждане, но и представители среднего класса. В результате на фоне роста общего уровня доходов происходит консервация и закрепление социального неравенства (Цели развития, 2006).

Решение всех этих вопросов в России упирается в отсутствие четко проработанного механизма социальных стандартов. Идея минимальных государственных социальных стандартов - это не абстрактный минимум, а гарантированный государством четко обозначенный социальный минимум для каждого гражданина, причем в жизненно важных сферах. А потому необходим федеральный закон, призванный стандартизировать не отдельные моменты социальной сферы, а достойный уровень жизни каждого россиянина. Это

---

[2] *На факультете государственного управления МГУ с 2000 года читается курс «сравнительная социальная политика», как курс по выбору, на специализации «антикризисное управление»*

фактически будет означать - обеспечение государством гарантий по доступу населения к услугам социальной сферы.

В России такого закона нет, хотя попытка предпринималась. В июне 2003 г. Государственная Дума приняла на пленарном заседании в первом чтении законопроект "О минимальных государственных социальных стандартах", однако правительство отклонило его прежде всего по причине отсутствия необходимых финансовых ресурсов.

Правительство РФ не поддержало данный проект, отметив в своем заключении, что "система минимальных социальных стандартов подчинена целям бюджетного планирования и бюджетного выравнивания, что является недостатком законопроекта и вызывает сомнение в целесообразности его принятия". В ноябре 2005 г. Минэкономразвития РФ объявило, что само разрабатывает новую концепцию о государственных минимальных социальных стандартах – пересмотрены будут прежние нормы и введены новые в области образования, здравоохранения, культуры и социального обслуживания. Но «воз и ныне там».

Для характеристики сегодняшней ситуации, вполне применимо определение, что мы скорее занимаемся узкими социальными стандартами (бедные, люди с ограниченными возможностями, дети-сироты и т.д.) чем стремимся к разработке социальных стандартов для всех. Собственно говоря, новая форма решения социальных задач – Национальные проекты, которые предложены Правительством в области образования, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства и сельского хозяйства, принятые к реализации до 2008 года и призванные, по мнению власти, изменить ситуацию в этих секторах социальной сферы, являются примером сужения сферы социальной политики. Получается, что «практика управления погружена в абсурд «коротких программ», нередко лишена целеполагания, прежде всего долгосрочного, цели нередко подменяются средствами, что не позволяет правильно использовать те богатые ресурсы развития, которыми располагает страна» (Иванов, 2006). При этом идеологический конструкт социальной политики не меняется. В этих условиях и происходит сокрытие или умалчивание альтернативных сторон понимания социальных изменений (policy closure). «…Национальные проекты являются попыткой решить не социальные, а политические вопросы. Поэтому, они не имеют никакого отношения к реальным и давно назревшим реформам, во-вторых, несмотря на выделения сотен миллиардов рублей, представляет собой образец неэффективного менеджмента и, в-третьих, требует радикальной трансформации в результате публичного обсуждения». (Гонтмахер Е., 2007) Проект – это ограниченное по времени целенаправленное изменение чего–либо (системы) в соответствии с определенными требованиями к результату исполнения проекта, фиксированными рамками расходования средств и ресурсов и специфической организацией структуры.

Может ли это определение быть применено ко всем сферам, сторонам социального, к социальной политике, вообще? Хватит ли его, чтобы покрыть все ее

проблемы? А что будет после проекта, в социальном времени и социальном пространстве?

Поскольку социальная политика очень многомерное и многофункциональное понятие, то логика его освоения не может быть исчерпана исключительно проектной деятельностью.

Отсутствие в стране современной системы исследований в области теории и практики социальной политики и обучения этим знаниям во многом обуславливают низкий уровень управления социальный сферой вообще и ее отдельными сегментами в частности. Гуманитарные знания и технологии, постоянно увеличивающие свою наукоемкость, должны служить тем самым идеалам социальной справедливости и равенства, которые сознательно или бессознательно всеми возможными способами замалчиваются в артикуляции социальных проблем современного российского общества. Но именно эти ценности определяют те пределы, за которыми дальнейшее развитие страны в нынешнем контексте способно нанести уже непоправимый ущерб не только каждому отдельному гражданину страны, но и всему социальному пространству России.

Нет абсолютной уверенности в том, чтобы утверждать, что концепция «социального качества» есть панацея от всех бед, но можно сказать, что это поиск, это теоретическое и практическое движение в попытке дать ответы на изменяющиеся условия сложного социального мира.

Поэтому для российских исследователей, имеющих в своем активе другой опыт решения социальных проблем, важно участие в единой попытке и европейских, и азиатских стран по расширению сферы действия социальной политики в связи с изменениями детерминанты социальных измерений. Измерение социального качества требует более широких мультидисциплинарных подходов и более многофункциональных стандартов. В самой же социальной политике важное место все более или более будет приобретать социальная интеграция в аспекте включенности каждой личности и социальной группы в жизнь общества, что будет способствовать развитию людских ресурсов и обеспечению равенства возможностей.

Общее и особенное в изучении социальной политики в Европе и в Азии

В 2006 году к исследованиям в области перспектив развития социальной политики и государства благосостояния присоединились крупнейшие университетские исследовательский центры Азии, и в марте того же года состоялась Первая азиатская конференция по изучению социального качества. Она была проведена по инициативе Университета Тиба (Япония).(The First Asian, 2006)

В конце марта 2007 года Вторая азиатская конференция – «Социальное качество и устойчивое развитие общества» с подзаголовком – «Поворот к новому партнерству между Университетами Азии и Университетами Европы» была

проведена на Тайване, и организатором выступил Тайванский Государственный Университет совместно с Европейским Фондом Социального качества (Нидерланды) и Университетом Тиба (Япония) (The Second, 2007). Успешность форума была обеспечена прежде всего тем, что организаторы предложили всем докладчикам, придерживаться единой структуры выступления – представить и проанализировать социальную ситуацию в своей стране с помощью четырех измерений социального качества, уже использованных для анализа в четырнадцати европейских странах, что позволило:

- обеспечить общий аналитический подход при анализе социальных условий и достижений в различных странах Азии;
- протестировать саму возможность использования «европейских» индикаторов для анализа ситуации в азиатских странах;
- использовать результаты и выводы, которые будут получены при условии следования первым двум позициям для приспособления теории социального качества к условиям развития социальной сферы в странах Азии;
- и наконец обеспечить свободную дискуссию исследователей из Европы и Азии по главным темам устойчивого развития обществам при условии, что это развитие будет идти в рамках, заданных концепцией социального качества.

Достижение решения этих задач в перспективе должно сформировать новые возможности для сравнительных исследований социальной политики и не только в Азии, но между Европой и Азией, (равно как и Южной Америкой, Северной Америкой, Африкой и другими регионами мира).

Доклады, представленные на конференции можно условно разделить на три группы. В первую группу следует включить доклады, которые носили фундаментальный характер, поскольку в них представлялись основные теоретические положения. В эту группу можно включить доклады: Алена Волкера (Великобритания) – «Социальное качество и устойчивое благосостояние», Чака-Ю Квана (Южная Корея) – «Региональная перспектива: социальная защита в странах Восточной Азии», Гарри Нихаша (Голландия) – «Использование теории социального качества в процессе местного управления городским развитием: пример Гааги», Йосинори Хирои (Япония) - «Возможности устойчивого развития государства благосостояния в Азии», Дэвида Гордона (Великобритания) – «Измерения социального качества Азии и Европе: в специфике исследования социально-экономической безопасности» и Лаурена ван-дер Мейзена (Нидерланды) «Стратегии развития в применении теории и методологии социального качества в Европе, Азии и странах Тихоокеанского региона»

Во вторую группу вошли доклады, в которых основное внимание было уделено социальному развитию отдельных стран и оценке этого развития с

помощью индикаторов социального качества. Таких докладов было представлено одиннадцать:

Д-р Акико Оиси (Университет Тиба, Япония), проф. Монир Алам (Делийский университет, Индия), д-р Ян-Танг Вонг (Тайваньский национальный университет, Тайвань), др. М. Рамеш (Сингапурский национальный университет, Сингапур), д-р Дебора Митчел (Австралийский национальный университет, Австралия), д-р Раймонд Чан (Гонконгский университет, Гонконг), д-р Нигрохо Абикусно (Университет Трисаки, Джакарта, Индонезия), Саид Аб Рашид Шарифах Норазизан (Университет Путра, Малайзия), проф. Ка Лин / Д-р Карен Габе и (Университет Нанжин, Китай), д-р Кон-Сук Пак (Сеульский национальный университет, Южная Корея), проф. Наталия Григорьева (МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия). (Grigorieva, 2007).

И, наконец, в третью группу можно отнести доклады, которые были предложены как темы для открытой дискуссии: «Устойчивое развитие общества, социально-экономическая безопасность и выгоды» (Том Корвер (Университет Тилбурга, Нидерланды); «Доходы домохозяйств, возглавляемых женщинами: сравнение ситуации на Тайване, в США и в Швеции» (проф. Кэйт Вонг, д-р, Марша Озава, д-р, Янгву Ли, Тайваньский национальный университет, Тайвань); «Социальное сплочение и устойчивое развитие общества» (д-р Дэвид Филлипс, Университет Шеффилда, Великобритания); «Социальное исключение/включение иммигрантских групп на Тайване: оценки ситуации» (д-р Чен-Фен Чанг, Университет Сичоу, Тайвань); «Полномочия – ключевая позиция, пересматривающая идею гражданства на пути к устойчивому обществу благосостояния» (д-р Петер Херрманн (Университетский колледж Сорк, Ирландия).

Результаты исследований социального качества в 14 странах Европейского Союза, послужили своеобразным толчком к новым дискуссиям вокруг теоретических проблем «устойчивого развития общества». Эти дебаты, с одной стороны, показали болевые точки в исследованиях социальной политики, с другой, помогли сформулировать темы будущих обсуждений. (Van der Maeson, 2007).

Таким образом, новым дискурсом, который получил всестороннее обсуждение и продвижения стала концепция СОЦИАЛЬНОГО КАЧЕСТВА, точнее ее роль и место в современной социальной политике, если иметь в виду предлагаемую смену парадигмы в теории социальной политики.

Источники:

1. Atkinson, T. et al (eds.) (2002) Social Indicators: the EU and Social Exclusion. Oxford : University Press
2. Baldo, J. (1999)Economics and Social Policy in Social Policy, Oxford University Press
3. Beck W., van der Maesen, L., Thomese, F. and Walker A. (eds) (2001) Social quality of Europe, The Hague: Kluwer International.
4. European Commission (2000) The social police agenda, Brussels: EC

5. Esping-Andersen, G .(1990) Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridg.
6. Clasen, J. (1999) 'Beyond social security: the economic value to giving money to unemployed people'// Journal of European Social Security, vol. 1, no 2, pp 151-80
7. Teodorovic, I., Stubbs,R. Social Indicators and Social Exclusion in South-Eastern Europe // Модели системной трансформации и социальная цена реформ (опыт России, СНОГ и стран ЦВЕ) М. 2006
8. Hill, M (1999) 'Insecurity and social security' in J.Vail, J. Wheelock and M. Hill, Insecure times: Living with insecurity in contemporary society. London: Routledge, pp. 89-103
9. Gray, R . (1989) 'The language of factory reform in Britain, c. 1830 –1860' in P.Joyce (ed) The historical meaning of work, Cambridge: I Cambridge University Press, pp. 143-79
10. Giddens A., (1998) The third way. Oxford: Polity Press
11. Grigorieva N. (2007) Social situation in Russia: the social quality approach \\ The Second Social Quality Conference in Asia "Social Quality and Sustainable Welfare Societies: Towards a new partnership between Asian Universities and Universities of the European Union. Book Paper
12. Gordon D. (2007) Measuring social quality in Asia and Europe: with Particular Reference to Socio-economic Security (2007) \\ The Second Social Quality Conference in Asia "Social Quality and Sustainable Welfare Societies: Towards a new partnership between Asian Universities and Universities of the European Union. Offprint 1
13. ILO (2000) World labour report 2000: Income security and social protection in a changing world, Geneva: ILO
14. Lind, J. and Moller, I.H. (eds) (1999) Inclusion and exclusion: Unemployment and non-standard employment in Europe, Aldershot: Ashgate.
15. Veit-Wilson. J. (2000) 'Horses for discourses: poverty, purpose and closure in minimum income standards policy' in D. Gordon and P. Townsend (eds) Breadline Europe: The measurement of poverty, Bristol: The Policy Press, pp.141-64
16. Report on the World Social Situation. UN, 2001, p. 7
17. Sinfield A., (2005) The goals of social policy: context and change \\ The changing face of welfare
18. Titmuss, R.M. (1958) Essay on the "welfare state", London, Allen Lane
19. Van der Maesen L., (2007) Strategies to develop a connected Social Quality approach in Europe, Asia and the Pacific \\ The Second Social Quality Conference in Asia "Social Quality and Sustainable Welfare Societies: Towards a new partnership between Asian Universities and Universities of the European Union. Book Paper
20. Van der Maesen и Walker, 2005
21. Walker A., (2005) Which way for the European social model: minimum standards or social quality& The changing face of welfare Walker A., Social Quality and Sustainable Welfare (2007) \\ The Second Social Quality Conference in Asia "Social

Quality and Sustainable Welfare Societies: Towards a new partnership between Asian Universities and Universities of the European Union. Book Paper
22. The Amsterdam Declaration on the Social Quality of Europe (10 June 1997) // Beck W., van der Maesen, L., Thomese, F. and Walker A. (eds) (2001) Social quality of Europe, The Hague: Kluwer International.
23. The Second Social Quality Conference in Asia “Social Quality and Sustainable Welfare Societies: Towards a new partnership between Asian Universities and Universities of the European Union. Taiwan, 2007, Book Paper
24. The First Asian conference on Sustainable Welfare Societies: “Social Quality in an Asian context”. Tokyo, Japan, 2006, Book Paper
25. Алякринская Н. Упасть или подняться. Отечественные экономисты предложили сценарии развития России после 2008 года // Московские новости, № 21, 01-01, 2007
26. Богомолов О.Т. Банкротство «правого дела» в России.// Мир перемен, 2004, №2
27. Горшков М. Президент и общество// VIP – Premier, 3-4, 2007
28. Григорьева Н.С., Соловьев А.В., Чубарова Т.В. Социальная работа и здравоохранение: 200 основных терминов по-английски и по-русски. Под ред. Григорьевой Н.С. // М., Изд-во «Альфа-Принт», 1996
29. Григорьева Н.С., Чубарова Т.В. Социальная политика: гендерный подход. М., 2004
30. Глинкина С. Национализация без идеологии // Прямые инвестиции, № 2 (34), 2005
31. Иванов В.Н. Устойчивое развитие в XXI веке: социально-технологическое обеспечение.// М., Муниципальный мир, 2006, стр. 7
32. Обзор социальной политики в России. Начало 2000-х. М., 2007
33. Соловьев А.И. Политическая идеология // Политология. Лексикон М., РОССПЭН, 2007, стр.
34. Стиглиц Джозеф Глобализация: тревожные тенденции. М., Из-во «Мысль», 2003, стр.253
35. Трансформационная экономика России. Под ред. А.В. Бузгалина. М., Изд-во «Финансы и статистика, М, 2006.
36. Цели развития тысячелетия и национальные проекты – стратегический выбор России, М., 2006
37. Чубарова Т.В., Исаченко Т.М. Европейский Союз и проблемы социальной защиты населения стран-участниц. Труд за рубежом, 2000, № 3.

Русская Православная Церковь, права человека и дискуссии об общественном устройстве

Протоиерей Всеволод Чаплин,
заместитель председателя
Отдела внешних церковных
связей
Московского Патриархата

1. Русское Православие и проблематика прав человека: новое начало работы и дискуссии

В начале XXI века правозащитная деятельность вновь становится важной для Русской Православной Церкви. Она, собственно, никогда не была для нее чужда: в советский период многие мужественные священнослужители и миряне отстаивали в своих отношениях с властью право верующих не только исповедовать свои религиозные убеждения, но и влиять на жизнь общества. Такие люди, как недавно почивший протоиерей Димитрий Дудко, Владимир Осипов, Александр Огородников, бесстрашно свидетельствовали о Христе, постепенно добиваясь ослабления оков государственного атеизма. Их имена хорошо знакомы жителям и России, и других стран. Менее известно, что постоянную работу по отстаиванию жизненных нужд Церкви вели ее иерархи. И пусть эта работа велась негласно, через напряженный диалог с советскими властями, - она была, пожалуй, наиболее действенным средством противостояния безбожному диктату.

Уже Поместный Собор Русской Православной Церкви и избранный на нем Предстоятель Русской Церкви – святитель Патриарх Тихон – возвышали свой голос в защиту Церкви и верующих от гонений. Святейшим Патриархам Сергию, Алексию I и Пимену, митрополитам Николаю (Ярушевичу), Никодиму (Ротову), Ювеналию (Пояркову) и многим другим архиереям приходилось практически каждодневно вести нелегкие беседы с власть имущими, являть чудеса дипломатии и мудрого свидетельства, чтобы хоть как-то противостоять гонителям, защищая церковные общины, священнослужителей, монашествующих, активных мирян. Сегодня все более известна роль в этой непростой работе Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. В бытность управляющим делами Московской Патриархии тогдашний митрополит Алексий спасал от закрытия многие храмы и монастыри, помогал епархиальным архиереям в их напряженных взаимоотношениях с советскими властями. Вскоре после начала «перестройки» он стал автором обращения к лидеру СССР Михаилу Горбачеву, предложив снять ограничения на церковную деятельность. Уже став Патриархом, нынешний Предстоятель нашей Церкви в начальные период ее возрождения прилагал огромные усилия, чтобы преодолеть государственно-атеистическую систему, которая вовсе не хотела

сдавать позиции, а затем - ее инерцию и ее рецидивы в среде чиновников и части интеллигенции.

1990-е годы дали повод для новых направлений церковной правозащитной работы. В первую очередь это касалось положения православных верующих в некоторых постсоветских странах, где они подвергались гонениям по вероисповедному и национальному признакам. Церковь заботилась и о жертвах межэтнических и политических конфликтов, разгоревшихся на пространстве бывшего Советского Союза. Наконец, присутствие православного духовенства и мирян в армии, социальных учреждениях, местах лишения свободы значительно помогло гуманизации этих институтов, защите прав и достоинства находящихся там людей. Перед началом XXI века в православной среде возникли первые общественные правозащитные организации и группы.

Одновременно в России началась довольно жесткая дискуссия между общественно активными православными верующими и наиболее известными правозащитными кругами, которые за последние годы перешли от симпатии к Церкви, гонимой в советские времена, к радикальному ее неприятию. Приведем лишь несколько примеров. Правозащитник Лев Левинсон в статье «На Святой Руси секса нет» называет православных священнослужителей и верующих, осуждающих сексуальную распущенность, «мракобесами», «жандармами во Христе», «профессиональными охотниками на ведьм», «великими инквизиторами» и так далее. Им противопоставляются «ценности» «сознательной сексуальной раскрепощенности», которая, по мнению Левинсона, «неотрывна от политической, экономической и идеологической свободы».

Ожесточенная полемика в средствах массовой информации ведется вокруг вопросов о месте религии в армии и школе, о ее партнерстве с государством, о христианском влиянии на экономическую этику, о пределах «игры» современных художников с религиозными символами, о возможности выражения ценностей Церкви в политике. На круглом столе, посвященном спорам вокруг выставки «Осторожно, религия», экспонаты которой были сочтены кощунственными для православных христиан и ниспровергнуты прихожанами одного из московских храмов, выступили некоторые известные правозащитники, бывшие диссиденты советских времен. Президент Института прав человека Сергей Ковалев, в частности, сказал: «Традиционное русское православие – это вообще антихристианская секта. Я не знаю, о чем и как говорить с персонажем в камуфляже, который называет себя священником в действующих частях нашей армии и говорит, что он приехал поддержать наше воинство». Другой бывший диссидент – Глеб Якунин, лишенный сана за отказ подчиниться решению Синода о запрете духовенству баллотироваться в парламент, высказался следующим образом: «Корень проблемы заключается в самой Московской Патриархии. Она – огромный монстр. Русское православие – это обрядоверие, это язычество».

Подобные высказывания, к сожалению, стали типичными для той части правозащитников, которая видит свою миссию в насаждении в России

радикального пацифизма, секулярного гуманизма, идеи отказа страны от духовной независимости в пользу механического следования западной политической культуре. Неудивительно, что основным источником дохода для этого слоя правозащитников до сих пор остаются западные гранты. Полемика с кругами, проповедующими упомянутые взгляды, и обвинения с их стороны в чуждости правозащитной проблематики для Православия - побудили многих в нашей Церкви к глубокому осмыслению темы прав человека в современном мире.

Еще в 2000 году Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви принял фундаментальный документ по общественно значимым вопросам – Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. В нем содержится «эмбрион» позиции нашей Церкви в области прав человека. Так, раздел «Христианская этика и светское право» констатирует: «По мере секуляризации высокие принципы неотчуждаемых прав человека превратились в понятие о правах индивидуума вне его связи с Богом. При этом охрана свободы личности трансформировалась в защиту своеволия (до тех пор, пока оно не вредит иным индивидуумам), а также в требование от государства гарантий определенного материального уровня существования личности и семьи. В системе современного светского гуманистического понимания гражданских прав человек трактуется не как образ Божий, но как самодостаточный и самодовлеющий субъект. Однако вне Бога существует лишь человек падший, весьма далекий от чаемого христианами идеала совершенства, явленного во Христе ("се, Человек!"). Между тем для христианского правосознания идея свободы и прав человека неразрывно связана с идеей служения. Права нужны христианину прежде всего для того, чтобы, обладая ими, он мог наилучшим образом осуществить свое высокое призвание к "подобию Божию", исполнить свой долг перед Богом и Церковью, перед другими людьми, семьей, государством, народом и иными человеческими сообществами».

1 июля 2004 года православное общество «Радонеж» провело круглый стол на тему «Свобода и достоинство личности: православный и либеральный взгляд». На нем, пожалуй, впервые со всей остротой были поставлены вопросы о православном ответе на современное правозащитное мышление и о необходимости выработки «правозащитной концепции» Православной Церкви. Вскоре после этой встречи прошли два экспертных совещания на тему прав человека в Отделе внешних церковных связей Московского Патриархата, а затем началась работа над концептуальным документом по вопросам достоинства личности, прав человека и их места в религиозно-нравственной системе ценностей. Проект данного документа, который будет носить характер доктринальной богословско-социальной разработки, создается рабочей группой из священнослужителей, церковных и светских ученых и затем будет предложен на суд Церкви и общества.

В процессе выработки этого документа родился и другой, представляющий некоторые идеи, родившиеся в ходе дискуссии в рабочей группе Всемирного русского народного собора, изучающей проблематику прав человека. Речь идет о

Декларации о правах и достоинстве человека, принятой X Всемирным русским народным собором в апреле 2006 года. Документ говорит о неотъемлемой ценности человека как образа Божия. Эта ценность, согласно документу, «должна уважаться каждым из нас, обществом и государством». Впрочем, достоинство, согласно документу, не присуще каждой личности от рождения, но приобретается по мере того, как человек совершает добро. В декларации различаются две свободы: внутренняя свобода от зла и свобода нравственного выбора. «Свобода от зла, - говорится в документе, - является самоценной. Свобода же выбора приобретает ценность, а личность – достоинство, когда человек выбирает добро. Наоборот, свобода выбора ведет к саморазрушению и наносит урон достоинству человека, когда тот избирает зло».

Центральная идея документа – необходимость достижения гармонического единства между правами человека, нравственными ценностями, обязанностями и ответственностью личности: «Права человека имеют основанием ценность личности и должны быть направлены на реализацию ее достоинства. Именно поэтому содержание прав человека не может не быть связано с нравственностью. Отрыв этих прав от нравственности означает их профанацию, ибо безнравственного достоинства не бывает. Мы – за право на жизнь и против "права" на смерть, за право на созидание и против "права" на разрушение. Мы признаем права и свободы человека в той мере, в какой они помогают восхождению личности к добру, охраняют ее от внутреннего и внешнего зла, позволяют ей положительно реализоваться в обществе… Права и свободы неразрывно связаны с обязанностями и ответственностью человека. Личность, реализуя свои интересы, призвана соотносить их с интересами ближнего, семьи, местной общины, народа, всего человечества».

Одним из центральных вопросов, разделяющих цивилизации, является сегодня вопрос о наборе ценностей и их иерархии в ценностных системах. Стало общим местом говорить, что многие ценности совпадают. Многие, но отнюдь не все. Так, из десяти заповедей Моисеева закона первые четыре вряд ли полностью признаются неверующими, да и некоторыми верующими людьми. Остальные заповеди постоянно оспариваются, в том числе в «христианской» среде. Даже если ценности совпадают, весь современный спор о правах человека вертится вокруг вопроса, какая из них выше, а какая ниже в ценностной иерархии (вспомним хотя бы вылившиеся в насилие споры о том, что важнее – святыни или свобода самовыражения журналиста или художника). В связи с этим декларация ВРНС утверждает: «Существуют ценности, которые стоят не ниже прав человека. Это такие ценности как вера, нравственность, святыни, Отечество. Когда эти ценности и реализация прав человека вступают в противоречие, общество, государство и закон должны гармонично сочетать то и другое. Нельзя допускать ситуаций, при которых осуществление прав человека подавляло бы веру и нравственную

традицию, приводило бы к оскорблению религиозных и национальных чувств, почитаемых святынь, угрожало бы существованию Отечества. Опасным видится и "изобретение" таких "прав", которые узаконивают поведение, осуждаемое традиционной моралью и всеми историческими религиями».

Именно к признанию различных систем ценностей и к гармонизации отношений их приверженцев призывает упомянутый документ. Он заключается такими словами: «Мы стремимся к диалогу с людьми разных вер и взглядов по вопросам прав человека и их места в иерархии ценностей. Сегодня такой диалог, как ничто другое, поможет избежать конфликта цивилизаций, достичь мирного сочетания на планете различных мировоззрений, культур, правовых и политических систем. От того, насколько людям удастся решить эту задачу, зависит их будущее».

Предварительные итоги церковно-общественной дискуссии на правозащитную тему выявили ряд ключевых проблем, которые уже сейчас можно назвать важнейшими для православного мышления в данной области. Попытаемся кратко порассуждать о них.

В православном сознании всегда присутствовала идея ценности человека как облеченного образом Божиим. «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его» (Быт. 1. 27) – эти слова Священного Писания являются для христианина незыблемым основанием онтологической ценности человеческой личности. Она неотменима ни тяжелыми условиями жизни, ни какими-либо унижениями, ни даже человеческой греховностью, помрачающей образ Творца. Не случайно многие православные святые почитали всякого приходящего к ним, даже самого грешного и опустившегося человека, кланяясь ему как образу Божию. Богоданная ценность личности является для христианина основанием для уважения к ней в обществе, для создания таких социальных условий, которые способствовали бы раскрытию ее дарованной Творцом свободы.

Впрочем, онтологическая ценность человека не отменяет реалистичного взгляда на земной мир как подверженный греху, а на личность – как страдающую от греха и нуждающуюся в спасении. Православие не разделяет «просвещенческое» учение о человеке как о существе, в свободном состоянии всегда стремящемся ко благу, а о социуме – как направленном, опять же в свободном состоянии, к прогрессу. Православные христиане не являются социальными оптимистами. Они очень серьезно воспринимают пророчества Апокалипсиса о том, что человечество, все более удаляющееся от Бога и предоставленное самому себе, будет умножать зло, которое в конце концов достигнет крайнего предела, за чем последуют Армагеддон и второе пришествие Христово.

Человек и общество сами по себе не могут достичь нравственного идеала. Для этого им нужна благодать Божия, подаваемая в истинной Церкви. Личность и социум не могут быть нравственными без воспитания и научения, без поддержки добра и ограничения зла, в том числе зла такого, которое является грехом с точки

зрения Церкви, но признается «нормальным явлением» в современном праве. Не случайно возникает немало споров между православными христианами и теми, кто в угоду политкорректности пытается лишить их права называть грехом и злом такие явления, как гомосексуализм, аборты, внебрачные половые связи, кощунство, богоборчество, осквернение святынь и так далее. Для истинного христианина, в отличие от секулярного антропоцентриста, круг неправедных, греховных деяний отнюдь не ограничивается преступлениями против другой личности или общества. Для нас грех – это нарушение заповедей Божиих, неизменных, как Сам Господь. Даже если эти заповеди никак не отражаются в светском праве или общественных обычаях, православные христиане настаивают на необходимости их соблюдения и человеком, и социумом. Да, многие грехи было бы странно ограничивать через употребление власти закона и государства. Но они могут и должны врачеваться внутри семьи, церковной общины, гражданских ассоциаций. Церковь призвана публично обличать греховные деяния, побуждая людей к покаянию и исправлению.

Права человека неразрывно связаны с обязанностями и гражданской ответственностью, без которых самореализация личности рискует превратиться в эгоистическое, потребительское отношение к ближнему, к труду прошлых поколений и жизненным интересам поколений будущих. Не случайно взаимосвязь прав и обязанностей так ясно подчеркивалась в российской политической традиции.

Большинство прав человека, известных в современном законодательстве, в том числе экономические, социальные и культурные права, вполне созвучны православному представлению об условиях, необходимых для нестесненной жизни человеческой личности. Многие даже могут подумать, что, признавая одни и те же права, православные и люди других мировоззрений способны объединиться вокруг «общечеловеческих ценностей». Однако следует особо рассмотреть вопрос об иерархии ценностей, в которой, в отличие от секулярных гуманистов, православные христиане отнюдь не ставят на первое место земную жизнь человека и все, что с ней связано.

Ценности веры, святынь, Отечества для большинства православных христиан стоят выше, чем права человека, даже право на жизнь. Именно поэтому в периоды военных испытаний и архиереи, и старцы-отшельники призывали народ к вооруженному сопротивлению иноземным и иноверным захватчикам. А во времена богоборческих гонений Церковь легко отдавала гонителям свои богатства, не имевшие богослужебного употребления, но призывала людей к сопротивлению до смерти при изъятии священных предметов, к которым не должна прикасаться рука обычного человека.

Итак, в христианской традиции есть вещи более важные, чем земная жизнь – сначала своя, потом чужая (особенно если речь идет об агрессоре). Это вера – ибо лучше умереть, чем утратить ее. Это святыни – ибо ни при каких условиях христианин не должен обрекать их на поругание. Это жизнь и благо ближнего – своей семьи, своей общины, своего народа, вообще всякого человека, который

терпит бедствие и страдание. Антропоцентрическая политико-правовая система, защищающая только земные интересы человека и общества, вряд ли когда-нибудь будет полностью одобрена истинным христианством именно потому, что в ней ценности веры и Отечества, за которые способен умереть христианин, ставятся много ниже ценности выживания человека в этом мире, «ценностей» комфорта, достатка, здоровья, успеха. Неудивительно, что в ходе нашей полемики с секулярными правозащитниками иерархии ценностей сталкиваются: мы говорим, что защита святынь от кощунства важнее свободы слова и творчества - нам возражают. Нам говорят, что ради жизни солдат и боевиков в Чечне можно поступиться целостностью России – но мы не согласны с этим.

Хотелось бы надеяться, что современный мир по крайней мере научится равно уважать и гармонизировать разные иерархии ценностей, отказавшись от попытки установить монополию антропоцентризма на закон и на общественное устройство. Только преодолев искушение такой монополией, только отказавшись от «либерального тоталитаризма», мы сможем избежать конфликта цивилизаций.

Выработка глубинного, религиозно-философского отношения Православной Церкви к правам человека непременно должна сопровождаться и практическими шагами. Сегодня православные миряне призваны к активной правозащитной работе – на наш взгляд, прежде всего в таких областях как: защита личности от произвола властей и работодателей; защита лиц, находящихся в местах лишения свободы и социальных учреждениях (особое внимание должно быть уделено инвалидам, детям-сиротам, пожилым людям); противостояние преступлениям на религиозной и национальной почве; защита национальных меньшинств; охрана личности от посягательств со стороны тоталитарных сект; защита от насилия, от организованной преступности и коррупции, от вовлечения в проституцию, торговлю людьми, употребление наркотиков.

Особой сферой, в которой уже действуют многие православные общественные организации, является недопущение тотального контроля над человеческой личностью, превращения ее в товар, в обезличенный модуль потребительско-технологической системы. Сейчас в православном мире многие указывают на опасность возникновения «электронного концлагеря», в котором личная жизнь человека, его религиозный и мировоззренческий выбор могут оказаться под жестким влиянием национальных правительств, международных органов власти, а главное – никем не избранных влиятельных акторов периода глобализации: руководства крупных компаний, интернациональной бюрократии и медиакратии. Современные информационно-технологические средства, делающие возможным тотальное отслеживание всех действий человека, могут с легкостью быть поставлены на службу идеологическому диктату, даже если последний будет осуществляться под лозунгами демократии, политкорректности, сохранения социальной стабильности, борьбы с терроризмом и другими видами преступности. Вот почему необходимо отстаивать право человека на контроль за сбором и

употреблением информации о себе, на транспарентность и подотчетность обществу всех систем электронного управления – государственных или частных.

В заключение хотелось бы выразить надежду на то, что мышление и действие православных христиан в правозащитной сфере будет активно развиваться. Думается, это послужит и хорошей основой для диалога по данному кругу проблем с представителями других конфессий и религий, равно как и с теми правозащитниками, которые стоят на позициях секулярного гуманизма. Пусть такой диалог послужит ко взаимному уважению и сотрудничеству, цель которого – оставить попытки мировоззренческого диктата и развить полноценное сотрудничество на благо всех людей и народов.

2. Религия и общественный уклад в православной цивилизации

Сегодня в мире обостряется дискуссия между верующими различных религий и приверженцами секуляризма об основах общественного устройства. В ходе этой дискуссии, на мой взгляд, становится все более очевидной неудача попыток «религии человекобожия» убедительно объяснить, почему именно она должна быть основой права и политики, на что она активно претендует в течение всей недавней истории. Я убежден, что она – лишь одно из возможных мировоззрений, и поэтому высказывания типа «должно быть так и никак иначе» сегодня теряют убедительность. Мир все больше понимает, что религии включают в себя не только малозначимые особенности этнографических обрядов, кухни или одежды, но и свои модели семьи, социума, права и государства. Общества, живущие по правилам, связанным с той или иной религией, нельзя назвать лишенными успеха, который вовсе не обязательно исчисляется в долларах, евро или других в полном смысле «условных» единицах, считать которые за универсальную ценность однажды решили на Западе. «Пост-просвещенческие» идеологемы, зафиксированные в праве и практике, все менее видятся самоочевидными с точки зрения многих элит и народов, в том числе и на самом Западе, который начинает испытывать кризис идентичности и способности к мобилизации из-за того, что гедонизм и культ религиозного и нравственного безразличия делают западные страны бессильными перед лицом религиозно мотивированных внешних сил. И все больше людей задается вопросом: на каком основании сторонники секуляризма объявляют свою модель общества единственно возможной? Не настало ли время прийти к действительному многообразию цивилизаций, включающему в себя разные правовые, политические и социальные системы?

В своей статье «Крушение СССР и возрождение России»[1] российский политолог и мыслитель Виталий Третьяков называет Россию одним из трех субъектов Евроатлантической (христианской) цивилизации и предлагает заключить новый союз с двумя другими ее центрами – Западной Европой и США. Такой выбор

[1] *«Политический класс» № 12, 2006.*

и в самом деле является для России естественным и исторически логичным. Впрочем, Запад решительно и добровольно порвал с тем христианским прошлым, которое некогда цементировало его отношения с Россией, даже несмотря на конфессиональные различия и войны. Возвращается ли Запад к своим истокам? Возможно, под влиянием ислама – да, но так ли это, мы узнаем нескоро. В то время как нашей, православной цивилизации, даже если рассматривать ее как часть цивилизации более крупной, нужно подумать, что мы можем предложить Европе и Америке, если все-таки считаем себя одним из центров евроатлантического мира, а не ведомой его периферией.

Нам действительно есть что сказать Западу. По крайней мере стоит ему напомнить, что христианский Восток, то есть Евангелие плюс римское наследие, преломленное через византийский и славянский опыт, - это не меньшее основание Европы, чем Рим «второй», созданный – опять же на евангельской основе - варварами и Папским престолом, а также все его кривые зеркала, сформировавшие протестантизм. Восточно-христианская цивилизация не может войти с Западом в единое пространство, не привнеся туда свое духовное наследие, свои правила, принципы, законы, свою модель государства и общества.

Я убежден, что православный мир представляет собой самостоятельную цивилизацию. Христианскую и, может быть, единственно христианскую, но отнюдь не в том понимании, какое принято на современном Западе. Восточную – но сохранившую римское наследие. Это цивилизация, имеющая свои духовно-общественные постулаты, которые несводимы к малозначимым этнографическим «особенностям», но, наоборот, определяют все - политику, экономику, государственность, вектор внешней политики.

Среди этих постулатов многие относятся к сфере взаимоотношений религии и общества. Во первых, православные христиане решительно стремятся воплотить в своей жизни, частной и общественной, слова Господа Иисуса Христа: «Ищите… прежде Царства Божия и правды его, и это все приложится вам» (Мф. 6. 33). Так Христос отвечает тем, для кого главное – «что есть, что пить и во что одеться». Христианин, всерьез принимающий Евангелие, воспринимает чисто земные, прагматические интересы как нечто подчиненное и вторичное. И именно такой взгляд можно назвать истинно христианским, в отличие от «протестантской этики» и вообще всех попыток принизить, «приземлить» идеалы Нагорной проповеди, приспособить их к утилитарным нуждам «века сего». Проще простого сказать, что эти идеалы пригодны лишь для «духовности», а в «реальной», земной нужно руководствоваться чем-то иным. Но нет: жить именно в этом грешном обществе так, чтобы высший идеал был главным, а прагматика – второстепенной, и заповедует подлинное христианство.

Нам могут сколько угодно говорить: «Главное – чтобы все жили в мире, здоровье и достатке, а все остальное – частности». Для православного сознания общественный строй, основанный на таком утверждении, видится перевернутым с ног на голову. Православие стремится подчинить приоритеты земного

существования надмирным целям, духовной миссии, от которой зависят спасение души и вечная жизнь, несравненно более важная, чем жизнь нынешняя, временная, являющаяся лишь приуготовлением к вечности. Православный социум должен быть устроен так, чтобы он прежде всего помогал человеку спасаться – обретать истинную веру, жить по ней, просвещать ею других, а уже потом – заботиться о прагматических нуждах. Если же обслуживание последних мешает спасению – через гордыню, потребительство, гонку за деньгами и вещами, - то все это должно быть ограничено, остановлено, лишено общественной поддержки. Вот почему православные христиане так убежденно борются с консюмеризмом, «экономиоцентризмом», индустрией эксплуатации инстинктов и пороков. Одним словом, экономика должна быть подчинена стремлению к вечной жизни. Или по крайней мере не препятствовать этому стремлению.

Лозунг дореволюционного российского делового сообщества, процитированный в Своде нравственных принципов и правил в хозяйствовании, принятом VIII Всемирным русским народным собором (ВРНС), гласит: «Прибыль превыше всего, но честь дороже прибыли»[2]. Эти слова – яркий пример того, как нематериальная ценность ставится выше прагматических целей. Да, честь способна приносить долгосрочную выгоду. Но в православном миропонимании она ценится столь высоко не потому, что может иметь материальное выражение, а потому, что имеет отношение к спасению души, к судьбе человека в вечности.

Приоритет Царства Божия и вечной жизни неизбежно влияет и на восприятие святынь, на их место в общественно значимой системе ценностей. Евхаристия, иконы, храмы, богослужебные предметы, священные символы – все это «частицы Неба на земле», а потому их ценность неизмеримо выше, чем, например, ценность свободы самовыражения, если оно замкнуто на чисто земные задачи. Даже ценность временной человеческой жизни по крайней мере сопоставима с ценностью святынь, если не поставляется выше ее. Согласно Декларации о правах и достоинстве человека, принятой X ВРНС, «существуют ценности, которые стоят не ниже прав человека. Это такие ценности как вера, нравственность, святыни, Отечество»[3]. История Православной Церкви знает массу примеров того, как ради святынь люди шли на смерть, даже не задумываясь о том, стоят ли они человеческих жизней. В годы революционного террора иерархи и пастыри с легкостью отдавали большевикам сокровища, не имевшие богослужебного употребления, но шли на Голгофу и увлекали на нее простых верующих, отказываясь согласиться на изъятие и осквернение священных предметов, к которым не должна прикасаться рука мирянина. «Известие учительное», содержащееся в одной из литургических книг – Служебнике, –

---

[2] *Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании.* http://www.rusk.ru/st.php?idar=407727

[3] *Декларация ВРНС о правах и достоинстве человека.* http://www.mospat.ru/index.php?page=30728

предписывает священнику не прерывать богослужения даже в случае угрозы убийства: «Ибо, если будет тогда убит, к мученикам причтен будет»[4].

Христиане – всегда в первую очередь граждане Небесного Отечества. В древнем Послании к Диогнету его неизвестный автор пишет о христианах: «Живут они в своем отечестве, но как пришельцы; имеют участие во всем как граждане, и все терпят как чужестранцы. Для них всякая чужая страна есть отечество, и всякое отечество - чужбина»[5]. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви – всеобъемлющий документ, принятый ее Архиерейским Собором в 2000 году, - вслед за апостолом Павлом говорит о Церкви как о новом народе, единство которого «обеспечивается не национальной, культурной или языковой общностью, но верой во Христа и Крещением»[6].

И только в этом свете можно понять соотношение универсального и национального в православной цивилизации. В ней не должно быть «ни эллина, ни иудея» (Кол. 3. 11). Патриотизм для православного христианина важен и естественен, особенно если он соединен с отстаиванием истинной веры (в условиях, когда иноверные силы пытаются изменить религиозный выбор православной общины). Впрочем, именно этот последний случай наглядно показывает, что главный смысл православного патриотизма – не в заботе о земном выживании нации или государства, а в заботе об их сохранении именно как «внешних рамок» спасительной религиозной общины, ведущей людей в вечную жизнь. Естественно, эти «рамки» - этнические, государственные, территориальные – могут меняться, и их ценность обусловлена тем, насколько они помогают или мешают миссии спасения человека, достижению им вечного бытия (не случайно в православном богослужении погибшие на войне именуются «за веру и Отечество живот свой положившими» – именно так, в первую очередь «за веру», потом уже – «за Отечество»).

Самопонимание православного социума не может не учитывать и евангельской эсхатологии. Христиане знают, что история земного мира развивается в сторону умножения зла, которое в конце концов дойдет до крайней черты и будет истреблено Богом в последней битве в Армагеддоне. Православное сознание не верит в социальный прогресс, отвергает идеологию «светлого будущего» или «царства Божия на земле», построенного без Бога, сугубо человеческими силами. Основание же нашего оптимизма – в надежде на «новое небо и новую землю» (Апок. 21. 1), на грядущую жизнь праведников с Богом, которая сменит нынешнюю земную историю.

В свете этих убеждений очевидно, что для православного христианина общество, а в идеале и государство должны иметь духовную миссию. Они не могут быть мировоззренчески нейтральными.

---

[4] *Служебник. Издание Московской Патриархии, 1991. С. 529-530*

[5] *Архимандрит Киприан (Керн). Патрология I-III вв. Гл. XI. Письмо к Диогнету.* http://pstbi.pagez.ru/item.php?id=370&cid=46

[6] *Основы социальной концепции Русской Православной Церкви, II.1.* http://www.mospat.ru/index.php?mid=90

В Основах социальной концепции Русской Православной Церкви не без сожаления констатируется, что «в современном мире государство обычно является светским и не связывает себя какими-либо религиозными обязательствами»[7]. При этом говорится: «Однако, как правило, государство сознает, что земное благоденствие немыслимо без соблюдения определенных нравственных норм – тех самых, которые необходимы и для вечного спасения человека»[8]. Документ не исключает и возможности «такого духовного возрождения общества, когда религиозно более высокая форма государственного устроения станет естественной»[9].

Православная цивилизация всегда – и в Византии, и в России, и в южнославянском мире – подразумевала наличие у социума (а обычно и у власти) религиозного предназначения, высшего смысла, простирающегося за пределы жизни поколения, государства, народа и даже земного мира. Интересно заметить, что Православие относится к мифу о «религиозном нейтралитете» государства весьма реалистично, понимая, что в действительности такого нейтралитета нигде не было, нет и не будет. Современные секулярные, то есть вроде бы «нейтральные» режимы – одни из наиболее идеологизированных. Они, например, готовы пожертвовать жизнями (французских заложников в Ираке) за право диктовать гражданам форму одежды (что угодно, только не хиджаб, сохранения права носить который в школах требовали боевики, захватившие заложников).

Утверждение истинной веры, основанных на ней норм морали, законов и правил не может не быть задачей общества, состоящего из православных христиан. Если это общество представляет из себя микросоциум мигрантов, живущих в какой-нибудь из неправославных стран, задачи у него будут не столь масштабными: они по преимуществу будут касаться внутриобщинной жизни. Но православным может ощущать себя и крупный народ, обладающий возможностью обустраивать свою государственность и политико-правовую систему. Конечно, в среде этого народа наверняка будут существовать меньшинства, не разделяющие его веру и его устремления. Никто не вправе заставлять людей их принимать, и уважение к религиозным и мировоззренческим меньшинствам всегда было одной из лакмусовых бумажек мудрости общества. Но и мешать осуществлению религиозной миссии православного социума эти меньшинства не имеют морального права - хотя бы потому, что этим они нарушали бы право своих соседей на их собственный общественный выбор. В идеале меньшинства могут и содействовать духовной миссии православного народа – вспомним, как российские мусульмане, иудеи, деисты, агностики, секулярные националисты участвовали в войнах, имевших религиозно-цивилизационную подоснову, даже несмотря на то, что по другую сторону фронта находились в том числе их единоверцы или единомышленники.

---

[7] *Основы социальной концепции Русской Православной Церкви, III.3.*
[8] *Там же.*
[9] *Там же, III.7.*

Между прочим, принятая X ВРНС Декларация о правах и достоинстве человека не случайно называет земное Отечество одной из ценностей, которые стоят не ниже прав личности. Вряд ли православные христиане назовут такой ценностью страну, не имеющую ничего общего с их духовной миссией, а значит – с их цивилизацией. Таким образом, речь идет не только о земле, границах, флаге и гимне, а прежде всего о социуме, имеющем духовное предназначение, - об Отечестве, хранящем веру. Конечно, христианин всегда обязан быть хорошим гражданином любого государства (вспомним православных японцев, молившихся о победе своей страны в русско-японской войне, вспомним лояльность церковных авторитетов римским императорам-гонителям, турецким султанам, Сталину и Гитлеру). Но по-настоящему обоснованным становится именно патриотизм, соединяющий Отечество и веру, а значит, немыслимый в отрыве от религиозно-общественных устремлений.

Не случайно православная Россия погружалась в застой и духовное расслабление всегда, когда занималась лишь собой, лишь своим материальным «выживанием». И наоборот, ставя перед собой глобальные, надмирные, религиозные цели, наша страна, даже порой проигрывая войны за веру, святыни и православных братьев, необычайно укреплялась духовно.

В православной традиции нередко говорится о единстве Церкви, народа и власти[10]. Принцип «симфонии» - теснейшего сотрудничества религиозной и светской власти – хорошо известен из византийской и русской истории. Где-то и когда-то он исполнялся лучше, где-то и когда-то – хуже. Но он всегда был одной из основ православного общественного идеала. И, конечно, он подразумевал, что власть – церковная и государственная – должна действовать в согласии с народом. Последний аспект «симфонии» нуждается в особом акцентировании именно сегодня, когда делаются попытки заявить об «извечном», неизбежном и чуть ли не предопределенном противостоянии народа и власти.

Нравится это кому-то или нет, но для православной цивилизации видятся искусственными и чуждыми вообще любые учения, говорящие о «правильности» политической и экономической конкуренции, о неизбежности застоя и злоупотреблений при отсутствии разделения (а еще лучше – конфликта) властей, противостояния политических партий, поколений, социальных групп, экономических акторов, большинства и меньшинств и так далее. В понимании Православной Церкви любое разделение – это грех и болезнь, а не «творческий фактор». В конце концов, война – высшая форма конфликта – принесла человечеству невиданный научный, технологический и даже культурный «прогресс», так что же – ради него специально воевать?!

Православные христиане, буквально воспринимающие Евангелие, должны полагать в основу устройства своего социума в том числе и такие новозаветные

---

[10] *Подробнее в статье «Идеал единства»* («*Эксперт*», *24.08.04, с. 58*-61).

изречения: «Будьте единодушны и единомысленны» (Фил. 2. 2), «все у них было общее» (Деян. 4. 32), «мы, многие, …одно тело» (Рим. 12. 25).

Кстати, не только православная цивилизация характерна мощной приверженностью идеалу единства народа и власти (а зачастую и религиозной общины), ради которого нужно отставить в сторону, особенно в моменты кризиса, любые разделения и частные интересы. Такой идеал свойствен японскому и китайскому менталитету, исламской цивилизации и – как ни странно – даже американской. Именно благодаря этому идеалу данные цивилизации в исторической перспективе чувствуют себя более уверенно, чем культивирующая партикулярные интересы Западная Европа или не могущая справиться с разделениями Индия.

Опасность застоя при отсутствии динамичного конфликта интересов, конечно, существует. Но в византийской и российской традициях ее уравновешивала мудрость, воля, а иногда даже эксцентричность верховной власти. При этом власть, в православном ее понимании, должна советоваться с народом.

На Небе – один Бог и ангельская иерархия; так же должно быть устроено и человеческое общество. Не случайно и Церковь, и государство в православном мире обычно имели сильную, централизованную и, как правило, персонифицированную верховную власть: императора, патриарха, церковные и светские престолы «царствующих градов». Отсутствие такой власти воспринималось как ненормальное («безгосударное время», «междупатриаршество», Синодальный период истории Русской Церкви, при котором она не имела Патриарха и управлялась государственным чиновником; эту систему Церковь отвергла, как только получила такую возможность). В православном мире тяга к персонифицированной власти очевидна, причем даже не искавшие божественной санкции коммунистические или современные правители наделялись народом особыми правами и полномочиями: царь может то, чего не может простой смертный; его поступки не всегда могут объясняться логикой, доступной обычному человеку, ибо «сердце царево в руце Божией».

При этом не случайно слово «соборность» некоторые отождествляют с демократией, хотя по смыслу оно гораздо шире. Царь всегда должен ощущать обязанность советоваться с народом, находить с ним согласие и единство. Горе ему, если он этого не делает - ответит перед Богом. Точно так же и церковный иерарх, который, по смыслу правила, содержащегося в Уставе Русской Православной Церкви, управляет епархией «при соборном содействии клира и мирян»[11]. Не случайно цари, патриархи, президенты в православных странах ходили и ходят «в народ», даже не испытывая в этом непременной прагматической надобности. Веча, советы, думы, соборы, синоды являются непременной составной частью православной системы управления – по крайней мере должны ими быть.

Общество и власть не должны контролировать внутреннюю сферу человека помимо его воли. Согласно Основам социальной концепции Русской Православной

---

[11] *Устав Русской Православной Церкви. Гл. X, п. 6.* http://www.mospat.ru/index.php?mid=171

Церкви, государственное право «не определяет внутренних состояний человеческого сердца, поскольку Сердцеведцем является лишь Бог»[12]. Но воспитание, просвещение и общественное воздействие на личность необходимы. Силой убеждения, силой слова и примера православный социум не только имеет право, но обязан формировать или ре-формировать своих членов – детей в согласии с волей родителей, взрослых в согласии с их собственной волей.

Человек имеет ряд обязанностей перед обществом. Декларация ВРНС о правах и достоинстве человека гласит: «Личность, реализуя свои интересы, призвана соотносить их с интересами ближнего, семьи, местной общины, народа, всего человечества»[13]. Православная Церковь всегда считала возможным и даже поощряла самопожертвование человека ради народа, вспоминая слова Господа Иисуса Христа: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15. 13). Жертва своей (а в условиях защиты веры и Отечества даже чужой) жизнью, самоограничение, отказ от своих прав, свободы, достояния ради блага ближнего, ради своей общины и своего народа – это норма поведения православного христианина.

3. Религия и современное государство. Необходимость диалога между религией и секуляризмом

Секулярное государство приемлется Православной Церковью, однако не воспринимается как идеальное. В Основах социальной концепции Русской Православной Церкви говорится: «Утверждение юридического принципа свободы совести свидетельствует об утрате обществом религиозных целей и ценностей, о массовой апостасии и фактической индифферентности к делу Церкви и победе над грехом. Но этот принцип оказывается одним из средств существования Церкви в безрелигиозном мире, позволяющим ей иметь легальный статус в секулярном государстве и независимость от инаковерующих или неверующих слоев общества»[14]. При этом документ не исключает «возможность такого духовного возрождения общества, когда религиозно более высокая форма государственного устроения станет естественной»[15].

Русская Православная Церковь не стремится к превращению в орган государственной власти или в политическую партию. В то же время она осуществляет свободное сотрудничество с государством в целом ряде областей, включая нравственное воспитание личности и общества. При этом считается, что общество, в том числе посредством государства, может и должно оказывать предпочтения при поддержке тех или иных религиозных общин и сотрудничестве с ними, исходя из их численности, укорененности в истории страны, приносимой очевидной общественной пользы. Равенство базовых прав – на совершение культа,

---

[12] *Основы социальной концепции Русской Православной Церкви, IV.2.*
[13] *Декларация ВРНС о правах и достоинстве человека.*
[14] *Основы социальной концепции Русской Православной Церкви, III.6.*
[15] *Там же, III.7.*

на исповедание своего учения, на организацию внутриобщинной жизни – не должно означать равенства в привилегиях, будь то налоговые льготы или, например, доступ в общенациональное медиа-пространство, которые общество вправе предоставлять по своему свободному выбору. В этом отношении православная модель взаимоотношений религии и государства склоняется скорее к традиционно-европейской системе, нежели к американской.

Светское право, согласно документу, «содержит в себе некоторый минимум нравственных норм, обязательных для всех членов общества. Задача светского закона не в том, чтобы лежащий во зле мир превратился в Царствие Божие, а в том, чтобы он не превратился в ад»[16]. При этом светский закон не воспринимается как совершенный. Согласно Основам социальной концепции Русской Православной Церкви, в тех случаях, когда он «совершенно отвергает абсолютную Божественную норму, заменяя ее противоположной, он перестает быть законом, становясь беззаконием, в какие бы правовые одежды он ни рядился… Человеческий закон никогда не содержит полноту Закона Божественного, но чтобы оставаться законом, он обязан соответствовать богоустановленным принципам, а не разрушать их»[17]. В случае, когда исполнение требования светского закона угрожает вечному спасению, предполагает акт вероотступничества или совершение иного несомненного греха, документ призывает православных христиан к подвигу исповедничества, включая открытое выступление против нарушения обществом или государством Божиих заповедей и установлений, а если такое выступление невозможно – к гражданскому неповиновению[18].

Таким образом, в Основах социальной концепции Русской Православной Церкви фактически признается наличие определенного напряжения между религиозным и светским правом – напряжения, которое сегодня присутствует во многих странах и на международной арене. Сегодня приверженцы секулярного мировоззрения полагают, что право и общественный уклад могут основываться только на достижениях человеческого разума, на общественном договоре и на утилитарных приоритетах земного существования. Религия при этом должна, по мысли секуляристов, оставаться уделом лишь частной жизни и внутренних процессов, протекающих в религиозных общинах (хотя и на эти процессы секулярные силы нынче пытаются распространить свои правила). Столкновение религиозного и секулярного взгляда на общественное устройство происходит сегодня не только в академических дискуссиях, но и на поле битвы: вспомним те же Афганистан и Ирак. Убежден, что противоречия между секулярным и религиозным мировоззрениями нужно в самые краткие сроки обсудить в рамках диалога между приверженцами этих двух мировоззрений об основах права и общественного устройства.

---

[16] *Там же, IV.2.*
[17] *Там же, IV.3.*
[18] *Там же, IV.9.*

Подобный диалог сегодня жизненно необходим, и альтернативой ему может быть только война - война ценностей. Причем такая война, по определению гораздо более ожесточенная, чем войны за территорию или за экономические интересы, особенно опасна именно сегодня, когда вопрос об ураганном распространении технологий массового уничтожения стал попросту вопросом времени. Начать диалог на равных, без предубеждений и без предварительных условий, - значит вовремя ответить на смертельную опасность.

Каковы могут быть задачи подобного диалога? Во-первых, стоит порассуждать о месте религии в жизни общества, о моделях отношений государства и религиозных объединений. Где-то нормой является жесткое разделение религии и государства по американскому или французскому образцу. Где-то религиозные общины (причем, как правило, избранные) активно поддерживаются государством и сотрудничают с ним. Наконец, в некоторых странах право и общественный уклад прямо основаны на религии. Полагаю, что стоит перейти от безапелляционных утверждений о «ретроградности» второй и третьей моделей к их признанию как неотъемлемой части разнообразия современного мира.

Следовало бы подумать и о большем внимании к ценности религиозных святынь, которую отстаивают многие верующие люди. Секулярное общество признаёт право на защиту личности, государственной символики, памяти умерших, их захоронений и так далее – то есть всего того, что является высшей ценностью для гуманистов. В то же время для последовательных верующих не меньшую ценность представляют священные для них имена, символы, тексты, изображения, сооружения, предметы. И нет никаких причин отрицать, что такая позиция, такие убеждения людей должны уважаться правом и государством.

Большинство религиозных традиций, как и традиция секулярная, считают важным участие народа в принятии политических решений – то, что обычно именуют демократией. Но модели такого участия могут быть разными, в том числе в рамках монархии или «корпоративного государства». Нужны ли повсюду в мире политические партии, их представительство в парламенте и прочие атрибуты западной политической системы? Этот вопрос становится все более открытым. Идеал народовластия присутствует и в шариате, и в православной социальной мысли. И мне кажется, что попытки переделать эти традиции только потому, что они не соответствуют принципам западной политической механики, - по меньшей мере недальновидно.

В разных цивилизациях по-разному смотрят на семью, на место в ней женщин и детей, на отношения полов. Удивительно, что, например, добровольный выбор мусульманками многоженства Запад фактически объявляет «недобровольным», а отказ признать гомосексуальные браки приравнивает чуть ли не к преступлению. Этим по сути говорится, что и мусульмане, и сторонники традиционного христианского взгляда на брак должны изменить свои убеждения. Что же здесь от свободы и демократии?

Есть немало и других примеров расходящихся взглядов различных цивилизаций на многие стороны жизни общества. Убежден, что все они должны быть учтены при развитии международного права и мировой политики. Возможно, для этого стоило бы подумать о создании при ООН Совета цивилизаций. Этот орган не должен подменять Совет безопасности. Однако он помог бы обеспечить б***о***льшую представительность при принятии решений, которые подчас не осознаются как «свои» большинством людей мусульманской, православной, католической, китайской, ортодоксально-иудейской и некоторых других цивилизаций.

Диалог между религией и секуляризмом пока похож на «разговор» немых и глухих. Сделать этот диалог реальным, сделать так, чтобы он влиял на судьбоносные политические шаги и на перераспределение власти, - значит, избежать превращения непростой межцивилизационной дискуссии в столкновение. В идеале же нужно признать право каждого жить и поступать так, как он считает нужным, даже если речь идет о строителях «глобальной Америки» или «глобального Халифата». Ни те, ни другие не откажутся от своих целей. Но попытаться побудить и тех, и других, и всех прочих к отказу от силового сценария и к взаимному принятию различий – это одна из главных на сегодня задач диалога цивилизаций.

Евразийский платежный Союз как фундамент объединения стран Евразии

Юровицкий В.М., к.э.н., РГСУ, МФТИ, член Международной академии информатизации

На обломках распавшегося СССР возникло множество новых государств. В СССР была единая экономика. Произошедший при распаде СССР распад экономических (и иных) связей ударил по всем странам бывшего СССР. Некоторые из них оказались отброшены на пятьдесят-сто лет назад. В том числе этот разрыв негативно сказался и до сих пор сказывается и на России.

На пространстве бывшего СССР было создано Содружество Независимых Государств (СНГ), был создан целый ряд других объединений. Последнее по счету ЕврАзЭС – Евразийское Экономический союз. Увы, ничто не работает. Все оказывается на уровне намерений и деклараций.

В чем же причина? Ведь важность и необходимость, к примеру, экономического объединения очевидна. Вся мировая практика указывает на то, что процессы объединения являются в современном мире насущно необходимыми. Европа, пошедшая по этому пути, достигла уже впечатляющих результатов, создав даже единую денежную систему.

И причина, прежде всего в неправильном направлении, которое выбрано для валютной интеграции в рамках ЕврАзЭС. В 2005 году Международным государственным советом ЕврАзЭС решением № 200 принята Концепция сотрудничества государств-членов ЕврАзЭС в валютной сфере, в которой установлены направления сотрудничества:

– достижение полной конвертируемости национальных валют;

– согласование механизмов формирования взаимных курсов национальных валют;

– создание интегрированного валютного рынка ЕврАзЭС:

– формирование платежно-расчетной системы с использованием национальных валют[1].

Легко понять, что здесь поставлены либо недостижимые цели, либо для их достижения потребуются десятилетия. Действительно, когда еще Таджикистан и Киргизия смог стать страной с полной конвертируемостью национальной валюты (хотя возникает вопрос, а что это такое?). Можно ли добиться согласованных курсов обмена валют, использовать эти курсы в финансовой деятельности ЕврАзЭС? Конечно, нет. Еще в 2003 был создан специальный Межгосударственный

[1] *Совершенствование платежно-расчетных отношений в рамках Евразийского экономического сообщества (материалы «круглого стола, состоявшегося 31 июля 2006 года в московском доме ЕврАзЭС)*

банк стран СНГ, перед которым была поставлена задача валютной интеграции на базе национальных валют. Но за почти пятнадцать лет не сделано в этой области ничего. И не будет сделано, ибо это движение по ложному пути.

С другой стороны Правительство России уже прямо заявило о претензии рубля на роль региональной валюты на евразийском пространстве[2]

Ясно, что эти два пути несовместимы. Либо рубль региональная валюта, межгосударственное платежное средство, либо такого не существует, и мы используем все национальные валюты платежных отношений.

Но тут же могут возникнуть возражения – ведь Общий рынок в Европе в течение более тридцати лет функционировал, не имея единой валюты. Единая валюта в Европе стала, фактически, завершением объединительных процессов, а не их началом.

Это так. В течение длительного времени платежная система внутри Общего рынка основывалась на национальных валютах стран Общего рынка. Но в том и дело, какие это были валюты. Это были свободно конвертируемые валюты, обращающиеся на мировом валютном рынке. Свободный мировой валютный рынок, во-первых, давал объективную, рыночную оценку этим валютам, а, во вторых, позволял свободно обменивать одну валюту на другую по этому рыночному курсу. Вот почему и возможно было эффективное функционирование Общего рынка на национальных валютах. Заметим, что когда Европа попыталась создать в пятидесятые годы прошлого века европейскую платежную систему на своих в то время неконвертируемых валютах в виде Европейского платежного союза, то, несмотря на крупномасштабную поддержку его США, внесшими взнос в размере более миллиарда долларов (для того времени это была огромная сумма), он просуществовал недолго и был ликвидирован. Клиринговый (зачетный) платежный механизм показал свою низкую эффективность.

В настоящее время в платежном общении между странами СНГ используются следующие платежные инструменты:

1. свободно конвертируемые денежные средства третьих государств (доллары США, евро);
2. коммерческие межстрановые связи отдельных банков
3. бартер;
4. индивидуально определяемые способы расчетов при заключении двухсторонних договоров.

Свободно конвертируемых средств в странах СНГ мало, а наличествующие эти страны предпочитают использовать на рынках высокоразвитых стран, а не в странах СНГ.

---

[2] *Интервью первого вице-премьера Правительства РФ Д.А. Медведева. «Эксперт» № 28, 2006.*

Межстрановые связи коммерческих банков используются независимыми компаниями. Объем таких платежей, естественно, ограничен, а затраты по ним весьма высоки.

О бартере даже и говорить нечего, это самая плохая платежная технология.

Наконец, четвертый способ требует особых договоренностей и не является автоматически действующим.

Таким образом, хороших платежных инструментов нет и потому все объединительные договоры и сводятся только к разговорам и даже скандалам, не объединяющим это естественное межгосударственное пространство, а еще более его разъединяющее.

Очевидно, что необходима единая валюта межгосударственного платежного общения.

Единая валюта: опыт Бреттон-Вудса или Европы

Мировой опыт дал два примера создания единых валют для платежного общения стран.

Первый опыт – это опыт Бреттон-Вудской системы. В качестве единой валюты используется валюта наиболее крупного и мощного государства.

Второй опыт – это опыт Европы, которая для межстранового платежного общения создала специальную валюту – сначала ЭКЮ, а затем и евро.

Европа избрала свой путь денежного объединения только потому, что на этом пространстве существовало множество государств с соизмеримыми объемами экономики. Поэтому и невозможно было создать единую валюту на базе какой-то из существующих.

Бреттон-Вудский процесс пошел по пути создания валюты межстранового общения на базе валюты одного из самых экономически мощных государств послевоенного мира – Соединенных Штатов Америки. Конечно, этот путь, бесспорно, более простой, чем создание новой валюты. Показательно, что Бреттон-Вудская система заработала почти моментально после принятия решения, ведь она не требовала от остальных государств ничего, кроме пользования в межстрановом общении долларом. В то время как европейская система создавалась в течение десятилетий, она потребовала длительного процесса унификации экономических условий в странах – членах Европейского валютного объединения.

Нынешняя ситуация в Евразии ближе к Бреттон-Вудсу, чем к европейской. Действительно, на этом пространстве существует единственная страна-гигант, экономика которой превышает экономику всех остальных государств этого пространства вместе взятую. Да и времени для унификации и согласования всех экономических характеристик этих государств нет. Впрочем, как показал опыт, нет к этому и желания у правящих элит.

Таким образом, для создания единой валюты в межстрановом общении на евразийском пространстве можно использовать только опыт Бреттон-Вудса, но не Европы. И в качестве единой межгосударственной валюты на этом пространстве использовать российский рубль. И именно по этому пути призывают идти

евразийское финансовое сообщество руководство России, как это следует из интервью Д.А. Медведева. И очень странно, что российские представители в ЕврАзЭС не поддерживают этот курс.

Но в то же время надо учесть особенность европейского пути. Финансовое объединение Европы было выгодно всем, оно не было направлено против каких-либо стран, вошедших в этот союз, ни одна из стран Европы не получила односторонних выгод из этого объединения.

Возражения

Но тут сразу же возникнут возражения. Опыт Бреттон-Вудса показал, что государство – резидент межгосударственной валюты – получает очень большие преимущества и доходы за счет остальных государств, ее использующих. Действительно, потребуется большое количество этой валюты, которая будет эмитироваться ее резидентом и предоставляться другим странам уже за плату, т.е. в обмен за реальные товары. Таким образом, простая банковская операция увеличения счета «Кредит» в центральном банке приведет к потоку весомых материальных благ из стран, которые будут за эту ничего не стоящую эмитенту валюту отдавать свои богатства, ресурсы, плоды своего труда. Именно это один из важнейших источников силы, влияния и богатства Соединенных Штатов. И, естественно, другие страны Евразии резонно заявят: «Мало того, что нас эксплуатируют Соединенные Штаты и Европа за счет своей валюты, резервы которой мы накапливаем, так теперь нас будет еще эксплуатировать и Россия, потому что теперь мы должны будет накапливать и рублевые резервы для осуществления внешнеэкономической деятельности на евразийском пространстве». Впрочем, именно так и думают, и говорят в этих странах, когда даже в самом зачаточном виде возникает вопрос о создании на основе рубля валюты евразийского пространства.

Но вот теперь мы можем сказать. Современные информационные технологии позволяют создать такую систему платежного общения на основе российского рубля, в которых момент финансовой эксплуатации других евразийских стран со стороны России исключается **полностью**. Россия, используя эти технологии, не получит НИКАКИХ односторонних экономических преимуществ. Скорее даже наоборот, значительно больше могут выиграть малые страны СНГ. Точнее, выиграют ВСЕ. И Россия, в том числе. Таких технологий просто не существовало во времена создания Бреттон-Вудской системы. Да если бы и существовало, то сомнительно, чтобы государственный эгоизм США отступил бы перед стремлением ко всеобщему благу. Россия же своей исторической судьбой объединителя евразийского пространства не может оставить эти страны, которые в течение веков разделяли ее историческую судьбу, с которыми она вместе отстояла независимость в ходе двух попыток прорыва континентальной Европы в Азию через Россию в 1812-1814 и 1941-1945 годах. Как сказано одним мудрым писателем: «Мы в ответственности за тех, кого приручили». И как бы ни обстояли дела, как бы ни пытались некоторые из этих стран оболгать совместную историю и делать

всевозможные мелкие пакости России, россияне чувствуют свою связь с этими бывшими братскими народами, которые такими и остаются для них, несмотря ни на что. Да и большинство населения стран бывшего СССР продолжает ощущать связь с бывшим «большим братом» – русским народом.

Поэтому именно Россия способна предложить евразийским народам такую схему финансового объединения, в которой, фактически, совместились бы достоинства Бреттон-Вудского и европейского пути, но без их недостатков.

Итак, повторим:

– из достоинств Бреттон-Вудского пути берется простота и быстрота. Из достоинств европейского пути берется отсутствие односторонних преимуществ какого-либо государства или группы государств;

– отметаемые недостатки Бреттон-Вудской системы – наличие односторонних выгод резидента единой валюты за счет других государств, европейского пути – необходимость длительного приспособления и унификации почти всех сторон экономической и даже общественной жизни объединяющихся государств.

Об интернационализации рубля

В последнее время со стороны государственных лиц звучат все чаще мнения о желательности интернационализации российского рубля, намерении сделать рубль свободно конвертируемым, вывести его на мировой валютный рынок, организовать рублевую торговлю энергетическими ресурсами на российских биржах.

Выскажем сразу наше мнение. Оно резко отрицательно. Валюту мировому рынку не навязывают. Она там появляется потому, что в ней нуждаются другие страны. А кому на мировом валютном рынке, объединяющем, прежде всего высокоразвитые страны, нужен российский рубль? Что им покупать в России? Пока кроме энергоресурсов нечего. Но впрыск рубля на мировой валютный рынок через торговлю энергоресурсами на рубли очень вредная идея, которая может поставить крест на планах восстановления экономики высоких технологий в России.

Одно из главных экономических преимуществ российской экономики есть более низкие внутренние цены на энергоносители. Недаром главным требованием Европы является доведение внутренних цен на энергоносители до европейских.

Но если мы начнем торговать нефтью и иными энергоносителями за рубли, то мы как раз к этому и придем. Ведь торговля на этих биржах будет уже внутренней торговлей, не будет играть роли, кто предлагает товар и кто покупает. Понятно, что мы не можем продавать на этой бирже энергоресурсы ниже мировых цен. Но это станет автоматически внутренней ценой энергоресурса в России, чего как раз и добиваются страны Европы. Фактически, вывод российского рубля на мировой валютный рынок означает полную утрату контроля со стороны российских денежных властей за российской денежной системой, теперь ее станет контролировать и ею управлять мировой валютный рынок. В результате рубль станет «твердым», а создавать отечественную индустрию на твердой валюте

невозможно. Недаром Китай столь твердо стоит за «мягкость» своего юаня, несмотря на все давление США и Европы.

Заметим также, что само понятие «резервная валюта» есть понятие, которое не имеет перспектив в будущем, оно которое характерно для эпохи бумажных денег. Деньги движется в направлении электронных, счетных денег, в этой денежной системе, видимо, никаких резервных валют не будет. И России нет смысла связывать свою денежную систему с бесперспективными институтами и технологиями.

Общий принцип мировой валютной политики состоит в следующем: не надо навязывать мировому валютному рынку то, в чем он не испытывает необходимости. И второй принцип – предлагать свою валюту тем, кому она действительно нужна, и кто ждет ее. Таково евразийское финансово-экономическое пространство.

Евразийский платежный союз

Создается Евразийский платежный союз – ЕвразПС. Основное условие вступление в этот Союз – использование в межгосударственном платежном общении между любыми его членами исключительно российских рублей. Никаких иных условий к его членам не предъявляется – ни экономических, ни политических. Члены Союза могут иметь любую экономику – рыночную или нерыночную, быть демократическими или тоталитарными – все это не играет НИКАКОЙ роли.

Кто-то тут же может возразить – как, Россия собирается поддерживать всякие «плохие» недемократические режимы? А спрашивается, когда США допускает использование своей валюты самыми жестокими и тоталитарными режимами – они поддерживают эти режимы? Конечно, поддерживают. Разве не режим Саддама Хусейна накопил миллиарды долларов Соединенных Штатов Америк, разве не их он использовал для закупки отравляющих веществ и оборудования для их производства, не на них ли он покупал вооружение, разве не долларами он финансировал террористическую деятельность? Так и Россия будет «поддерживать» любые страны, которые пожелают использовать во внешней торговле российские рубли. Не ее дело решать, какие режимы в этих странах, и как они пришли к власти. Хочешь использовать российские рубли во внешней торговле – можешь беспрепятственно вступать в ЕвразПС. Единственное ограничение состоит в том, что государство не должно состоять в состоянии войны с другими государствами. Сразу же вновь отметим, ведь так называемые «непризнанные государства» используют доллар США, не так ли? И со стороны США нет никаких возражений. А почему Россия должна возражать, если эти непризнанные государства желают использовать российский рубль?

Членство в ЕвразПС не ограничено никакими географическими границами. Если, к примеру, Эквадор или какое-нибудь государство Полинезии пожелает вступить в ЕвразПС – пожалуйста, имеет полное право. Если член любого блока или объединения захочет вступить в ЕвразПС – тоже нет возражений. Это абсолютно открытая, за исключением указанного выше ограничения, структура.

В членах ЕвразПС рубль превращается в такую же валюту для осуществления внешнеэкономической деятельности, как доллар или евро. Особенность его только в том, что внешнеторговая деятельность на основе российского рубля ограничивается исключительно членами ЕвразПС. В торговле между членами ЕвразПС никакой иной валютой пользоваться не допускается. И это должно быть отражено в законодательстве страны, а не только в подписанном ею договоре. Это важно, чтобы не существовало возможности дискриминации каких-то государств ЕвразПС или каких-то иностранных компаний из стран – членов ЕвразПС – по этому признаку.

Высшим органом ЕвразПС является Совет Президентов стран – членов ЕвразПС. Он может собираться, к примеру, раз год. Создаются также какие-то исполнительные органы в минимальном объеме, либо исполнительные функции перекладываются на страну, в которой на данный год запланировано проведение Совета Президентов.

Последнее условие: вся межстрановая торговля идет не только за рубли, но и исключительно за безналичные рубли, т.е. по счетам.

Центральный Евразийский рублевый банк

Главным органом межстранового денежного обращения в ЕвразПС является Центральный Евразийский рублевый банк – ЦЕАРБ.

В ЦЕАРБ открываются рублевые корреспондентские лоросчета всем центральным банкам стран – членов ЕвразПС. Иных счетов, за исключением специальных, о которых речь пойдет дальше, у него нет. Ни организации, ни правительства, ни частные лица в нем не могут иметь счетов.

ЦЕАРБ является чисто расчетным банком. Он не выдает никому кредиты, не имеет никакого уставного капитала, не создает никаких резервов, не выпускает облигаций или векселей, не ведет никакой финансовой или экономической деятельности. Другими словами, это полностью безактивный банк. Никаких активов у него нет.

Все межстрановые платежи осуществляются исключительно через ЦЕАРБ. Таким образом, вся банковская деятельность ЦЕАРБ сводится к учету движения рублевых средств между странами, фактически, к переписыванию денежных средств с одного лоросчета на другой.

ЦЕАРБ связан широкополосными линиями электрической связи со всеми центральными банками. Это могут быть оптоволоконные линии связи либо спутниковые каналы. За эти каналы отвечают центральные банки участников ЕвразПС, они и оплачивает их содержание. Каждая из стран участниц прокладывает, арендует или иным образом организует канал широкополосной электрической связи от своего центрального банка до ЦЕАРБ и отвечает за достоверность информации, передаваемой по нему.

Где же выбрать место дислокации этого банка? Думается, что ни в коем случае не в России. Астана – столица Казахстана – лучшее место. Этим самым Россия покажет, что в ее помыслах нет и тени гегемонизма. Но рабочим языком ЦЕАРБ объявляется

русский язык. И это понятно, он известен всем на евразийском пространстве. И он может стать межгосударственным языком евразийского денежного общения.

Вот теперь мы и можем сказать, почему во времена Бреттон-Вудса нельзя было создать подобную систему. Не было тогда технических средств, которые позволили бы через одну или несколько проволок пропустить весь международный платежный трафик. А сейчас он есть. Существование ЦЕАРБ было бы просто невозможно еще двадцать лет назад. А сейчас в эпоху гигабитных каналов это стало возможным.

Евразрубли и их эмиссия

Рубль, который находится на счету в ЦЕАРБ, не простой. Это рубль, на который можно осуществлять международные расчеты в рамках ЕвразПС. И по аналогии с евродолларом его можно назвать «евразрубль». Рубль, находясь на счетах в российских банках, есть просто рубль. Но попадая на счет ЦЕАРБ, он становится уже евразрублем. Это полностью аналогично тому, как обычный доллар превращается в евродоллар, выйдя за пределы США. И сколько бы рублей ни было в России, осуществлять покупки в странах ЕвразПС Россия, точнее, обладатели рублевых счетов в российских банках, могут только на евразрубли, объем которых определяется размером корреспондентского лоросчета Банка России в ЦЕАРБ.

Этим уже ограничивается возможности России использовать свои рублевые средства для осуществления покупок и рублевых капиталовложений за рубежом. Долларовая система не имеет таких ограничителей. США могут вывезти за границу столько долларов, сколько их способен принять мир. В данной модели есть ограничитель. Для этого и требуется пропускать все рубли за границу России через одно единственное окно виде лоросчета ЦБР в ЦЕАРБ. Поэтому и возникает необходимость осуществлять все межстрановые платежи через этот банк.

Ясно, что в ходе межстрановой торговли евразрублевые счета в ЦЕАРБ будут находиться в постоянном движении. Кто больше продает, тот и будет иметь больший евразрублевый счет, и, в свою очередь, может осуществлять и больше закупок на евразийском пространстве. Причем евразрубли не имеют «памяти». Евразрубль, полученный, к примеру, Арменией из Казахстана, она может потратить на покупку, к примеру, газа у России, а Россия, в свою очередь, может его потратить в Украине. Т.е. между всеми странами ЕвразПС начинается оживленная торговля.

Если же вдруг в какой-то стране кончатся евразрубли – обнулится счет в ЦЕАРБ, то эта страна уже не сможет осуществлять никаких закупок в других странах ЕвразПС. Ведь ЦЕАРБ кредитов не дает, овердрафт по лоросчету не представляет. ЦЕАРБ просто отрезает все возможности совершать покупки. Откуда взять сможет страна евразрубли? Возможны следующие пути пополнения счета евразрублей:

1. Продать свои товары другой стране – члену ЕвразПС.
2. Продать свою собственность другой стране – члену ЕвразПС.
3. Получить кредит от одной из стран – членов ЕвразПС.

Отметим, кредит в евразрублях можно получить только у страны, но не у ЦЕАРБ. В любом случае пополнение этого счета будет происходить за счет уменьшения

евразрублевого счета других стран. Евразрубли не исчезают и не возникают в ходе обычной торговой деятельности стран ЕвразПС. Они только перемещаются из одной страны в другую, с одного счета в ЦЕАРБ на другой. Вот почему правительства стран ЕвразПС должны постоянно контролировать состояние лоросчета своего центрального банка, и заблаговременно принимать стимулирующие меры, которые позволили бы пополнить этот счет.

Но откуда возьмутся начальные евразрубли у стран – членов ЕвразПС? Нужно ли будет их «покупать» у России?

Нет, начальный «капитал» в евразрублях каждая из вступающих в ЕвразПС стран получает абсолютно бесплатно. Как только страна вступает в ЕвразПС, ей автоматически открывается евразрублевый счет в ЦЕАРБ, на котором уже записана некоторая сумма евразрублей. Эта сумма определяется квотным механизмом. Таким образом, никаких средств или ресурсов тратить на подсоединение к системе евразрублевой торговли не надо. В этом также принципиальное отличие от Бреттон-Вудского механизма, в котором никому долларов даром не давалось, разве что избранным странам по плану Маршалла.

Что же представляет собой квотный механизм, т.е. чем определяется начальная евразрублевая квота страны? Понятно, что это очень важный вопрос.

Проблема эта не простая. И возможно несколько способов построения квотного механизма. Например, на основании характеристики «экономическая мощь» страны. Но вычислить ее очень сложно, хотя это и было бы логично.

На наш взгляд, гораздо проще квоты определять по численности населения. Т.е. установить квоту на одного жителя ЕвразПС. И в соответствии с численностью страны ей и начисляется начальная квота. Например, если установлена начальная квота 1000 рублей на человека, то при численности населения страны 20 миллионов жителей, ее начальная квота составит 20 миллиардов рублей. Очень неплохая сумма для «раскрутки».

Единственное условие при этом состоит в том, что начальная квота ни одной страны не может превышать сумму начальных квот всех остальных стран. Например, если начало ЕвразПС положат всего две страны, например, Россия и Беларусь, то каждой стране будет начислено по 10 млрд. евразрублей. При подключении Казахстана ему будет начислено примерно 15 млрд. рублей, и такую же сумму добавят и России. И так при каждом подключении нового члена России будут добавлять сумму, равную квоте подключаемого члена, пока общая сумма России не достигнет ее квотной величины – порядка 142 млрд. рублей.

Как же определить размер начальной квоты? Для этого можно воспользоваться общим законом денежного обращения. Необходимо определить или оценить объем годового товарооборота между странами ЕвразПС и разделить его на среднюю длительность цикла обращения денег. Это даст общую необходимую массу евразрублей. Эту денежную массу разделить на численность населения в ЕвразПС, мы и получим размер начальной эмиссионной квоты на человека. По мере развития

внутреннего товарообмена и роста экономик стран ЕвразПС могут периодически осуществляться дополнительные эмиссии.

Заметим, что господствующий нынче в западной экономической науке монетаризм целиком основан на так называемой «количественной теории денег». А по определению основоположника монетаризма лауреата Нобелевской премии Милтона Фридмена «Количественная теория – это, прежде всего теория спроса на деньги». И вот теперь впервые эту центральную проблему количественной теории денег и самого монетаризма можно будет решить на строго научной основе путем прямых действий, прямой эмиссией, а не косвенными средствами управления спросом на деньги.

Но мы видим главное, никаких односторонних преимуществ Россия как резидент общей валюты не получает, начальное количество евразрублей у нее определяется только квотой, а не тем количеством, которое ходит в самой российской экономике. Этим самым международная рублевая денежная система резко отличается от международной долларовой, в которой резидент – США – получает громадные односторонние преимущества за счет пользователей этой валютой.

Есть еще проблема непризнанных республик. И они должны быть подключены к рублевой торговле, тем более что в некоторых из них рубль является внутренней валютой. Поэтому им счет в ЦЕАРБ открывается. А вот по поводу начальной квоты могут быть различные решения.

Евразрублями страны могут платить России и за энергоносители – нефть и газ. При этом всякие кредиты уже отменяются, Россия переходит полностью на рыночные отношения с получателями ее энергоресурсов. Естественно, что цены на них могут отличаться от цен для стран Запада. И, кроме того, получателям энергоресурсов гораздо легче заработать евразрубли, чем доллары. Многие товары, производимые на евразийском пространстве, практически не нужны ни Европе, ни другому миру, никому, кроме России и другим странам СНГ. Ясно, что это вызовет экономический подъем в этих странах. И Евразийский платежный союз начнет быстро развиваться и преодолевать развал своих экономик. Причем свободно конвертируемую валюту эти страны уже могут использовать целиком на рынках высокоразвитых стран, например, для модернизации своей промышленности. В принципе, может оказаться, что вступление России в ВТО окажется не так уж и необходимым. По крайней мере, до тех пор, пока экономика страны внутри платежного блока ЕвразПС не разовьется настолько, что вступление в ВТО не окажется на ее экономику парализующего воздействия, какое оно может оказать при нынешних условиях. Итак, сначала ЕвразПС, а уж потом и ВТО – вот, думается, наиболее рациональный путь.

В России рубль национальная валюта. В других странах ЕвразПС рубль становится обычной нерезидентной валютой аналогично доллару и евро. И потому все проблемы, связанные с функционированием евразрубля в них, решаются в рамках национального валютного регулирования. Каждая из валют используется

специфически. Рубль для евразийского пространства, евро для Европы, доллар – для остального мира. Так что ничего особенно нового при появлении евразрубля не возникает. Более того, во многих странах СНГ рубль уже де-факто используется в качестве нерезидентной валюты.

Курс рубля (по отношению к национальной валюте) каждая из стран-участниц устанавливает самостоятельно. Точно так же, как и курс доллара и евро. Но в дальнейшем, по мере роста интеграционных программ возможно уже и согласование этих курсов.

Платежные технологии

Как же конкретно будут осуществляться платежи между денежными лицами различных стран – членов ЕвразПС? На рисунке 1 изображена схема движения безналичных евразрублей от одного денежного лица к другому.

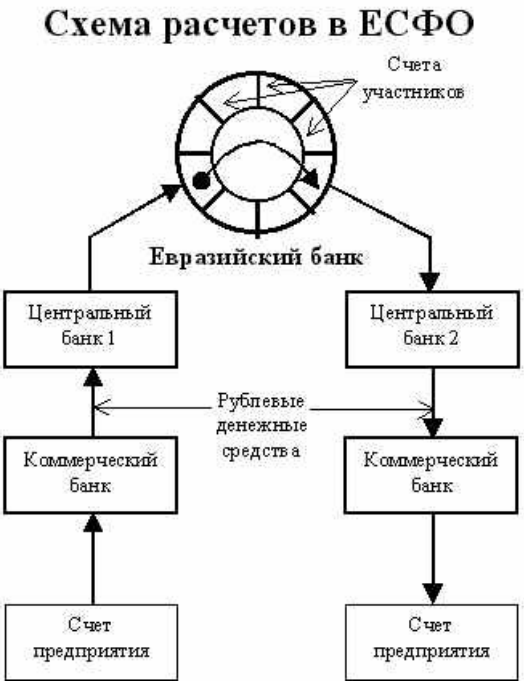


Рис.1

Предприятие, желающее оплатить счета другому предприятию в евразрублях, дает поручение своему банку осуществить платеж из рублевого счета. Если это российское предприятие, то это его обычный рублевый счет. Если же это нероссийское предприятие, то у него должен быть валютный евразрублевый счет. Рубли на этом счете могли оказаться от получения рублевых средств из некоторой другой страны (валютные платежи внутри стран, как правило, запрещаются), либо быть приобретены на местном валютном рынке за национальную валюту, либо каким иным способом.

Банк плательщика принимает распоряжение к исполнению, снимает сумму платежа со счета плательщика и передает распоряжение своему центральному банку, в котором у него должен быть резервный счет. Центральный банк снимает деньги с резервного счета банка и передает распоряжение ЦЕАРБ. Последний перемещает деньги со счета центрального банка страны плательщика на счет центрального банка страны получателя платежа и отдает соответствующее распоряжение

центральному банку страны – получателя платежа. Соответственно этот центральный банк увеличивает корсчет банка получателя платежа и отдает распоряжение этому банку. Банк получателя платежа увеличивает счет получателя, и на этом операция завершается.

Очевидно, что все операции должны осуществляться без вмешательства человека, автоматически. При этом в ЦЕАРБ деньги только перемещаются между пассивными счетами, но никакого изменения сальдо этого счета не происходит. При всех платежных операциях сальдо пассива остается неизменным. Оно может изменяться только при проведении эмиссионных операций, которые могут осуществляться исключительно по решению Высшего Совета ЦЕАРБ. Сам банк эмиссию проводить не имеет права.

Финансирование деятельности ЦЕАРБ осуществляется путем обложения операций, проходящих через этот банк в некотором проценте, например, в размере 0,1% от суммы проходящего платежа. Эта сумма снимается с пересылаемого счета и направляется на рублевый счет банка в некотором коммерческом или ином банке страны пребывания. В самом ЦЕАРБ счета банка нет.

Отметим, что именно эту платежную схему предлагает Межгосударственный банк. Только в его схеме в Межгосударственном (Евразийском) банке еще предполагается проводить конвертацию валюты плательщика в валюту получателя платежа. Конечно, это совсем нереалистично, так как нет объективной независимой от самих государств оценки стоимости (курсов) валют

Фонды

В ЦЕАРБ могут также создаваться общесоюзные фонды. Например, фонд помощи странам ЕвразПС при чрезвычайных обстоятельствах – землетрясениях, наводнениях и т.д. Или, например, фонды развития. Этот фонд используется для развития в некоторой стране каких-то производств, которые необходимы всем или многим странам-участникам и т.д. Фонды могут создаваться на чисто эмиссионной основе путем эмиссии необходимых денежных средств решением Высшего Совета или на основе некоторых отчислений типа того, что осуществляются для оплаты расходов самого банка.

Организация ЕвразПС может начаться даже с двух стран, например, России и Беларуси. Но, видимо, лучше сразу же привлекать и Казахстан, Армению и те страны, которые первыми пожелают присоединиться. Начальные квоты, пока система не разовьется, могут быть сравнительно небольшими. По мере присоединения других стран и развития оборота евразрублей могут происходить дополнительные их эмиссии.

При запуске могут появиться проблемы у российских пользователей, вполне возможно, что сразу же появится слишком много российских компаний, желающих воспользоваться евразрублевым механизмом, ведь рублей у россиян много, и евразрублей на счете ЦЕАРБ окажется недостаточным, и этот счет быстро исчерпается. В этом случае можно воспользоваться чисто экономическим механизмом регулирования этой активности. Владельцем канала связи между

Банком России и ЦЕАРБ является Банк России. И за пользование этим каналом он может брать плату в виде некоторого процента от пересылаемой суммы. Изменяя размер этих коммуникационных платежей, Банк России может регулировать активность движения денег в обе стороны. Этим путем можно поддерживать объем счета в определенных пределах. При снижении его размера увеличивать размер платежа за пересылку денег за пределы России и уменьшать размер оплаты за пересылку в сторону России, уменьшая этим привлекательность покупки за пределами страны и привлекательность продаж российских товаров. При избыточности этого счета регулировка идет в обратном направлении.

В других странах при наличии свободного рынка евразрублей с рыночным установлением их цены регулировка будет происходить автоматически через валютный курс евразрублей. Уменьшение счета страны в ЦЕАРБ вызовет увеличение курса евразрублей на рынке, увеличение счета – падение курса. Наличие открытой информации о счетах в ЦЕАРБ делает это регулирование весьма эффективным.

Движение наличных рублей

Движение наличных рублей в странах, где рубль нерезидентная валюта организуется так же, как и наличных долларов или евро. Наличные рубли накапливаются в банках, занимающихся обменом рублей на резидентную валюту, и при избытке обмениваются на безналичные евразрубли в собственном центральном банке. Центральный банк в свою очередь предъявляет их для обмена Банку России. Последний обменивает их на евразрубли. Таким образом, наличные деньги, привозимые прежде всего туристами становятся еще одним важным источником пополнения евразрублей. Это позволит интенсифицировать гуманитарные контакты между странами бывшего СССР, так как рубли все-таки легче получить, чем доллары. Ведь заимев доллары, люди предпочитают поехать не в Грузию или Киргизию, а в Турцию или Италию. А за рубли евразийцы станут вновь посещать старые излюбленные места отдыха на Иссык-Куле, в Бакуриани, в Закарпатье и т.д. Это вызовет расцвет туристического бизнеса в странах ЕвразПС. Так как долларовые места отдыха оказываются отделенными от рублевых, то и конкуренция между ними станет не такой острой, как сейчас, что препятствует развитию туристической индустрии во многих замечательных местах Евразии. Турист с рублем станет желанным, за него станут бороться. А уже вслед за рублевым туристом, возможно, потянутся и долларовые, и евротуристы. Рублевый туризм может стать лесенкой, по которой легче войти в мировой туристический бизнес. Сейчас же это такая высота, которую со скромного совсервиса сразу просто не преодолеть.

Ассоциированное членство

По мере развития зоны евразрубля и другие страны пожелают торговать на рубли со странами ЕвразПС. Действительно, той же Балтии трудно найти спрос на свою продукцию в Европе, но в странах СНГ он может пользоваться спросом. Но так как они находятся вне зоны евразрубля, то они будут вынуждены продавать свою

продукцию за евро или доллары, а это резко уменьшит спрос на нее. И им самим было бы интереснее покупать, к примеру, энергоресурсы за рубли, чем за евро. Но в то же время они не хотят или просто не могут войти в ЕвразПС, так как входят уже в Европейский Союз.

Для таких стран можно предложить ассоциированное членство. Ассоциированный член имеет право торговать со странами ЕвразПС за рубли, но обязанности уже нет. Ассоциированному члену открывается счет в ЦЕАРБе, но безвозмездная рублевая квота не полагается. Вполне возможно, что в качестве ассоциированных членов могли бы стать страны Балтии, некоторые из стран бывшего СЭВа – Болгария, Венгрия и др., так как это открывало бы их продукции дорогу на крупный евразийский рынок. Ассоциированными членами, а некоторые и полными, могли бы стать и другие евразийские соседи – Иран, Турция, Афганистан, Монголия, даже не исключено, что и Китай пожелает как-то присоединиться к этому платежному пространству.

Таким образом, существуют хорошие перспективы расширения этой зоны и за пределы бывшего СССР.

Если учесть, что на евразийском пространстве, к которому сможет присоединиться еще и Иран, находятся громадные запасы энергоносителей, «дружить» с ним захотят очень и очень многие страны, по крайней мере, из Евразии. Все большее число стран захочет присоединиться сначала в качестве ассоциированных членов, чтобы иметь возможность войти в этот платежный блок для своей экономической деятельности на более привилегированных условиях, чем страны, не входящие в него. А затем возможно и полное членство, которое выгодно ввиду более совершенного платежного механизма и предоставления безвозмездных средств, а также ввиду существенно большей демократичности его (например, по сравнению с Европейским сообществом).

Дальнейшие перспективы

Единая валюта для внешнеэкономических операций на евразийском пространстве естественным образом вызовет объединительные тенденции и в других областях экономики, техники, в гуманитарной сфере и т.п. Причем объединительные процессы могут быть разновременными и разносубъектными. Могут создаваться те или иные союзы, совместные предприятия, причем не обязательно, чтобы в них участвовали сразу все члены ЕвразПС. Все должно быть живым и гибким в отличие от Европейского объединения, в котором все и сразу навязывается всем членам.

В принципе может быть создана целая иерархия союзов. И желательно, чтобы столицы различных союзов находились в разных странах. К примеру, могут быть созданы следующие объединения на евразийском пространстве:

1. Экономический союз. Столица Киев.
2. Таможенный союз. Столица Минск.
3. Транспортный союз. Столица Астана.
4. Водный и мелиоративный союз. Столица Ташкент.
5. Русский лингвистический союз. Столица Владимир.

6. Патентный союз. Столица Москва.
7. Культурологический и образовательный союз. Столица Ереван.
8. Сельскохозяйственный союз. Столица Тбилиси.
9. Морской союз. Столица Владивосток.
10. Объединение для помощи при чрезвычайных ситуациях. Столица Бишкек.
11. Союз по нефти и газу. Столица Баку.

И т.д. И пусть каждая из стран, в которой находится столица союза, становится куратором соответствующей сферы на всем евразийском пространстве. Современные интернет-технологии позволяют территориально диверсифицировать осуществление властных полномочий. Это позволит избежать той сверхбюрократизации, которая характерна для европейского объединения, когда вся общеевропейская жизнь сосредотачивается в Брюсселе. Ведь именно сверхмерное сосредоточение власти в Москве стало одной из причин падения СССР. Этот опыт не должен быть забыт.

В отдаленной перспективе возможен переход на единые деньги – рубли и во внутреннем обращении стран-участниц аналогично тому, как это произошло в Европе. И это уже создаст, фактически, новую сверхдержаву, но уже на условиях взаимной выгоды и полной добровольности, которая встанет в ряд с Европой, Китаем и США.

Использование энергетического оружия

Если в ЕвразПС объединятся страны с большими запасами энергоресурсов – Россия, Казахстан, Азербайджан, Киргизия (электроэнергия), если к ним присоединится Иран и еще, возможно, другие нефте- и газопоставщики, например Алжир, то возможно уже будет включение «энергетического оружия». Включение его просто. Объявить, что продажа энергоресурсов производится только на евразрубли. К чему это приведет? Это приведет к тому, что значительное количество стран должны будут, как минимум, присоединиться к ЕвразПС в качестве ассоциированных членов, так как без этого за рубли покупать нельзя, ведь нужно иметь счет в ЦЕАРБ. Этим самым евразрубль окончательно выходит на мировой валютный рынок, причем котировки будет устанавливать ЦЕАРБ в интересах своих действительных членов. Члены ЕвразПС смогут уже выходить со своими евразрублями на мировой товарный рынок, закупая все, что им нужно, уже непосредственно за евразрубли. При этом потребуется уже значительно больше евразрублей, что сделать несложно, для этого просто необходимо производить дополнительные их эмиссии, распределяя их бесплатно на основании квотного механизма среди действительных членов. Этим самым ситуация мирового финансового порядка обращается радикально. Теперь действительные члены ЕвразПС получают деньги для мировой торговли бесплатно, а ассоциированные члены – а это будут, естественно, Европа, Япония и США – должны будут приобретать евразрубли на товарном рынке. И теперь уже курс их валют ЦЕАРБ может устанавливать сравнительно низким, так что покупать энергоносители они

будут дорого, а продавать свои товары дешево. Начнется обратная эксплуатация так называемых высокоразвитых стран странами ЕвразПС, которые за этот счет начнут бурно развиваться. Причем высокоразвитым странам будет предоставлен альтернативный шанс – вступить в действительные члены ЕвразПС. И все больше таких стран станут принимать такое решение. При этом их валюта уже станет, фактически, внутренне конвертируемой. А в дальнейшем они будут допускать евразрубли и во внутреннем обороте. Таким образом, евразрубль начнет вытеснять из мирового и даже внутреннего оборота иные валюты, конечным результатом может стать переход всего мира на единые деньги – евразрубли. А ЦЕАРБ становится уже всемирным центральным банком

Вот один из просматриваемых вариантов введения единых мировых денег. И ключ к этому новому этапу мирового цивилизационного развития держит именно Россия.

Заключение

Новые технологии, новое знание[3] позволяют по-новому решать многие вопросы. И быстрое освоение новых финансово-денежных технологий и заложенных в них возможностей может стать залогом выхода России вновь на передовые рубежи и вновь вернуть ей уважение и влияние в мире, решить большинство проблем, угрожающих нередко самому существованию страны, которые перед нею встали.

Главная цель создания ЕвразПС состоит в определенном отъединении от мировой экономики и развития в режиме некоторой автономии. Ведь ясно же, что начинающих спортсменов не ставят на соревнования сразу же с профессионалами. Они сначала соревнуются между собой, постепенно подтягиваясь к уровню профессионалов. Евразийские страны все оказались в положение начинающих боксеров, которых сразу вывели на бой с профессионалами, вот они и полегли в нокауте. По-другому и быть не могло. И вот ЕвразПС в некотором роде и должен стать той школой и тем местным рингом, обучившись и возмужав в которых эти боксеры смогут выйти уже и на мировой уровень.

[3] *В.М.Юровицкий. Эволюция денег. М., «Гроссмедиа», 2005.*

Русская революция в контексте теории «цивилизационного маятника»

Багдасарян В.Э.
доктор исторических наук, профессор,
МГУС, Москва

Теорию цивилизаций традиционно критикуют за ее статичный характер, за нивелировку базового для истории принципа развития. Эти ограничения подхода преодолеваются в рамках концепции «цивилизационного маятника».

Маятниковые характеристики обнаруживаются в природе кризисов общественного сознания, под которыми в соответствии с этимологией греческой версии слова «кризис» понимался исход, поворотная точка, смена вектора развития. Трансформации, сообразно с концептом цивилизационного маятника, есть следствие инноваций. В формате инновационных модификаций представлен универсальный путь развития общественных систем. Однако инновации объективно вызывают действие сил цивилизационного отторжения. Они задают обратный ход маятникового механизма. Кризисы в этом смысле есть точки максимального отклонения маятника. После достижения точки кризисной амплитуды наступает смена вектора движения (развития) всей системы на противоположный. Периодичность кризисов в истории России (фактически при каждой новой «интронизации») особенно наглядно раскрывает сущность маятниковых инновационно-цивилизационных инверсий. Данное понимание позволяет фиксировать ритмику кризисов общественного сознания, прогнозировать формат трансформаций и определять исторически заданный алгоритм реагирования на трансформационные процессы. Это не означает отрицание инновационного пути, а, напротив, позволяет посмотреть на кризисные колебания как на исторически объективное детерминированное явление.

Еще в XIX в. была замечена устойчивая периодичность политических предпочтений российских государей. Доминанта западнических тенденций в политике одного неизменно сменялось почвенническим поворотом в последующем царствовании другого. Маятниковый ритм происходящих в России инверсий прослеживается и в двадцатом столетии. Проявление хода цивилизационного маятника обнаруживается в самых различных сферах общественного бытия.

Экономический аспект истории может быть выражен в формате циклических колебаний между полюсами государственного управления и рыночной саморегуляции. Когда бюрократическая рутина становилась сдерживающим фактором экономического развития, узды государства несколько ослабевали и приоритет развития смещался в сферу частного инициативного предпринимательства. Однако, с обеспечением временного инновационного

прорыва, переориентированная на интересы предпринимателя экономическая система оказывалась в состоянии разбалансировки. Актуализировался курс на очередное усиление государственно-управленческих механизмов в экономике. Если с такой переориентацией правительство запаздывало, возникал экономический кризис.

Принятие концепта маятникового развития экономических систем позволяет создать более сложную, чем имело место до сих пор, модель долгосрочного планирования. Линейной схеме противопоставляется программа, предусматривающая периодичность смены ориентации вектора развития в рамках общей стратегической платформы экономического курса.

Демографическая история России также позволяет четко проследить маятниковые колебания в динамике естественного воспроизводства населения. Наложение на шкалу «интронизаций» показателей репродуктивной активности российского населения точно фиксирует западническо-почвенническую идентификацию монархов. При царях-«западниках» общий коэффициент рождаемости в России, меняясь в разные годы, в целом снижался, тогда как при «почвенниках» возрастал. Зигзаги демографической динамики в России фактически на всем протяжении XX столетия также сопоставимы в общих чертах с режимом ценностных инверсий. Согласно статистике, отрицательными в демографическом плане периодами отечественной истории являются ленинский и ельцинский периоды. Характерно, что оба они характеризуются резким революционным разрывом с традицией цивилизационной идентичности России.

Применение теории цивилизационного маятника в качестве объяснительной модели феномена российской революции позволяет переосмыслить некоторые историографические стереотипы. В частности, нарушается традиционная спектральная дифференциация между «левым» и «правым» полюсами. Под маркерами «консерватизм» и «революция» обнаруживаются две противоположно направленные, антагонистические силы: цари могли выступать в качестве революционеров, а революционеры - в качестве консерваторов.

«В комиссарах – дух самодержавия,

Взрывы революции в царях», -

- сформулировал парадокс революционной трансформации Максимилиан Волошин.

Действительно, увлеченная европейским просветительством императорская власть сама раздувала пожар революции, подготавливая собственную гибель. Затеянная Романовыми европеизация России отнюдь не имела объективной заданности и потому вызвала цивилизационное отторжение. Напротив, большевики, прикрываясь левой фразеологией, по существу взяли на себя миссию имперостроительства.

В современном массовом сознании утвердился стереотип о большевиках, как о демонической силе низвергателей русской монархии. Но надо напомнить, что царя свергла либерально-капиталистическая кадетско-октябристская революция, в

которой большевики не играли сколько бы то ни было заметной роли. Инициированная Временным правительством Чрезвычайная следственная комиссия подготавливала судебный процесс о государственной измене Николая II. Волна репрессий против лидеров право-монархического движения прокатился по стране еще в дооктябрьский период. Особой доблестью среди активных представителей «революционных масс» считалось убить полицейского или черносотенца. На волне Февральской революции было убито 4 тыс. служащих Охранного отделения. Под арестом оказываются общественные деятели право-монархического направления: А.И. Дубровин, Н.М. Юскевич-Красовский, Н.Н. Тиханович-Савицкий, И.Г. Щегловитов, Н.А. Маклаков и др. В качестве общественной альтернативы царю в последние годы существования монархии рассматривались отнюдь не Ленин или Троцкий, а думские лидеры – П.Н. Милюков, А.И. Гучков, М.В. Родзянко. И если уж искать виновных в гибели империи, то в большей степени, чем коммунисты, ее разделяют российские либералы.

Загадкой для историков является пассивность, проявленная в 1917 г. многочисленными сторонниками самодержавного правления. Ведь во время первой русской революции они активно выступили в защиту царского престола. По-видимому, народный монархизм на подсознательном психоментальном уровне в значительной мере трансформировался в большевизм. Октябрьская революция воспринималась в качестве возмездия узурпаторам царского престола. Ничто так не резало слух русского человека как прилагательное «временное», вынесенное в официальное наименование революционного правительства. Временные, промежуточные, переходные формы противоречат монархическому принципу «предвечных устоев». Временщик – это узурпатор. Временному правительству не хватало политической решимости, чтобы раз и навсегда разрешить принципиальные вопросы государственного функционирования России. Его нерешительность укрепляла народ в подозрении о нелигитимности власти «временщиков». Другое дело большевики, которые твердой рукой вершили свою политику (без оглядки на всякого рода представительства, вроде Предпарламента или Учредительного собрания). Они сразу же дали понять, что власть им принадлежит по праву (народному пониманию права, определяемого в качестве особой харизмы божественного избранничества).

Неприятие Государственной Думы восходило к архетипу отношения народа к Думе боярской. Старинный идеомиф, о том, что бояре-крамольники изводят царя – народного радетеля, экстраполировался в контекст политической конъюнктуры Февральской революции. Министры Временного правительства – это думские бояре-узурпаторы, низложившие царя. За такими политическими декорациями как Директория угадывался образ «семибоярщины». Переезд А.Ф. Керенского в царский дворец, где он работал в кабинете и спал в опочивальне Александра III, укрепляли народ в правильности его догадки. Муссировались слухи, будто бы председатель Временного правительства даже примерял на себя тайно царскую корону и усаживался на престол. Большевистская же революция воспринималась

через призму архетипа, покончившего с семибоярщиной «народного ополчения». Оставалось в соответствии со сценарием смутного времени утвердить нового царя. А между тем, на пост наркома по делам национальностей в первой большевистском правительстве был назначен И.В. Сталин….

Практика строительства социализма в одной стране приводила к смене ориентиров от космополитического мессианства мировой революции к имперскому конструированию. Н.А. Бердяев писал о коммунизме в качестве русской идеи: «Вместо Третьего Рима, в России удалось осуществить Третий Интернационал и на Третий Интернационал перешли многие черты Третьего Рима. Третий Интернационал есть тоже священное царство, и оно тоже основано на ортодоксальной вере. На Западе очень плохо понимают, что Третий Интернационал есть не Интернационал, а русская национальная идея. Это есть трансформация русского мессианизма. Западные коммунисты, примыкающие к Третьему Интернационалу, играют унизительную роль. Они не понимают, что присоединяясь к Третьему Интернационалу, они присоединяются к русскому народу и осуществляют его мессианское призвание… И это мессианское сознание, рабочее и пролетарское, сопровождается почти славянофильским отношением к Западу. Запад почти отождествляется с буржуазией и капитализмом. Национализация русского коммунизма, о которой все свидетельствуют, имеет своим источником тот факт, что коммунизм осуществляется лишь в одной стране, в России, и коммунистическое царство окружено буржуазными, капиталистическими государствами. Коммунистическая революция в одной стране неизбежно ведет к национализму и националистической международной политике».

Ленинская теория построения «государства нового типа», как глобализации опыта Парижской коммуны, расходилась с практикой построения советской политической системы по образцу старорежимных учреждений. Сразу же после захвата власти большевиками, некоторые из их либеральных оппонентов заговорили о термидорианской сущности октябрьского переворота и даже о его право-реакционной подоплеке. Уже 28 ноября (11 дек.) 1917 г. один из лидеров меньшевистского крыла социал-демократии А.Н. Потресов предупреждал, что «идет просачивание в большевизм черносотенства». Приблизительно в то же время на страницах эсеровской газеты «Воля народа» публикуется статья В. Вьюгова с симптоматичным названием «Черносотенцы – большевики и большевики – черносотенцы», в которой автор пишет даже не о «просачивание» черносотенных элементов, а о черносотенной сущности большевизма. Политика Смольного усматривалась им в восстановлении «старого», т.е. дофевральского строя.

Этический императив сменовеховской позиции, заключавшейся в рассмотрении имперского могущества России в качестве высшей ценности, также основывался на тезисе о большевистском термидоре. Призыв «В Каноссу!» являлся следствием оценки исторической миссии большевиков, как «собирателей земли Русской». Разъясняя перед эмигрантской аудиторией консервативную трансформацию революции, С. Чахотин писал: «история заставила русскую

«коммунистическую» республику, вопреки ее официальной догме, взять на себя национальное дело собирания распавшейся было России, а вместе с тем восстановления и увеличения русского международного удельного веса. Странно и неожиданно было наблюдать, как в моменты подхода большевиков к Варшаве во всех углах Европы с опаской, но и с известным уважением заговорили не о «большевиках», а… о России, о новом ее появлении на мировой арене».

Евразийцы в рассмотрении глубинных основ большевизма шли дальше сменовеховцев, усматривая в русской революции не просто антифевральский термидор, а отрицание всего петербургского периода отечественной истории, обращение к основам почвенной самобытности. Таким образом, в евразийской интерпретации большевизм представал как не осознающее смысл своей исторической миссии движение «консервативной революции».

Историографический стереотип о том, что все без исключения черносотенные монархисты оказались в стане непримиримых противников советской власти нуждается в пересмотре. В этом плане показательно отношение к большевикам одного из идеологов черносотенства Б. Н. Никольского. Уже в 1918 г. он обнаруживал в большевизме бессознательный монархизм. «В активной политике, - писал адепт право-монархической идеи в октябре 1918 г., - они с нескудеющею энергиею занимаются самоубийственным для них разрушением России, одновременно с тем выполняя всю закладку объединительной политики по нашей, русской патриотической программе, созидая вопреки своей воле и мысли, новый фундамент для того, что сами разрушают… Разрушение исторически неизбежно, необходимо: не оживет, аще не умрет… Ни лицемерия, ни коварства в этом смысле в них нет: они поистине орудия исторической неизбежности… лучшие в их среде сами это чувствуют как кошмар, как мурашки по спине, боясь в этом сознаться себе самим; с другой стороны в этом их Немезида; несите тяготы власти, захватив власть! Знайте шапку Мономаха!…». Б.В. Никольский указывал, что враги у черносотенцев и большевиков общие – это «эсеры, кадеты и до октябристов включительно». Конечно, он понимал невозможность скорого восстановления правильного монархического правления большевиками. Однако он предсказывал утверждение красного имперского цезаризма.

Подлинным революционером являлся не В.И. Ленин, а П.А. Столыпин. Столыпинские реформы представляли собой не что иное, как попытку осуществления цивилизационной трансформации. Модель аграрных отношений Прибалтийского края автоматически переносилась на российскую почву, для которой она была неприемлема как по ментальным, так и по природно-климатическим характеристикам. Парадигма большевистской коллективизации, вопреки ее же собственному идеологическому обрамлению, имело миссию цивилизационного отторжения столыпинских модернистских инноваций. Не случайно, что автор дефиниции «военный коммунизм» А.А. Богданов связывал ее с политикой царского правительства. То, что впоследствии данным понятием стали

обозначать систему чрезвычайных мер большевиков эпохи Гражданской войны, свидетельствует о сущностном единстве царского и ленинского коммунизма.

Не противоречит тезису об имперостроительской сущности большевизма и пресловутая теория о немецком финансировании Октябрьской революции. Симптоматично, что в сотрудничестве с немцами Временное правительство обвиняло равно как Ленина, так и Николая II. Не следует ли понимать, что они в таком случае являлись союзниками? Российская империя во время первой мировой войны парадоксальным образом оказалась в союзе с чужеродными ей по идеологии и политической организации государствами. Напротив, в стане противников были режимы, сходные по своей природе с российским самодержавием. Пропаганда воюющих государств утверждала, что война идет не только за территории, но и за торжество собственных политических принципов, соответственно, либерально-демократических для стран Антанты и право-монархических для Четверного союза. Для России же война в идеологическом отношении являлась абсурдной. Российская Империя оказалась волею исторических судеб не в том лагере, в котором она, казалось бы, должна пребывать в силу своих политических форм и цивилизационного содержания. По-видимому, осознание этого по истечении нескольких лет военных действий стало приходить к Николаю II. Германский континентальный вектор внешнеполитической ориентации большевиков в большей степени отвечал евразийской сущности российского имперостроительства, чем атлантистская линия «Антанты».

Тезис о социалистической природе Октябрьской революции не вполне точно отражает содержание большевистского переворота. Надо напомнить, что социалисты занимали ключевые посты и в коалиционном Временном правительстве А.Ф. Керенского. Сам министр-председатель являлся эсером. Программа экономической и социальной политики временного правительства имела вполне выраженные социалистические ориентиры. Проект аграрных реформ В.М. Чернова фактически не отличался от положений большевистского Декрета о земле. Все составы Временного правительства были единодушны в признании необходимости осуществления государственного регулирования рынка. Проводилась политика твердых цен. Панацеей поддержания работы промышленности определялся курс на государственную монополизацию. Карточная система также не являлась выдумкой большевиков и была установлена Временным правительством. Его же инициативой стало введение трудовой повинности. Продразверстка же, преподносимая в качестве жупела большевизма, была инициирована еще царским режимом, получив после Февральской революции импульсы к дальнейшему расширению. Таким образом, Октябрьская революция явилась революцией не по формационным, а по ментальным параметрам. Она ознаменовала смену центробежных тенденций новой фазой имперостроительства.

Регулярную царскую армию уничтожила отнюдь не антивоенная пропаганда большевиков. Ее похоронил абсурдный, если не считать его преднамеренным, Приказ № 1(Приказ №1 исходил от Центрального исполнительного комитета (ЦИК)

Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Он фактически отменял воинскую дисциплину в армии и делал ее абсолютно недееспособной. – Прим. ред.).

Показательно, что по свидетельству военного министра последнего состава Временного правительства А.И. Верховского, приказ был отпечатан фантастическим по масштабам тиражом – в 9 млн. экземпляров. До сих пор вопрос о его авторстве и тиражировании окутан мраком. Даже военный министр первого состава Временного правительства А.И. Гучков считал его «немыслимым». Обер–прокурор Синода В.К. Львов заявлял, что Приказ № 1 есть «преступление перед родиной». Но «недоразумение» повторилось. Став военным министром, А.Ф. Керенский издал свой «Приказ по армии и флоту» (его стали называть «декларацией прав солдата»), фактически дублировавший содержание Приказа № 1. Еще 16 июля 1917 г. А.И. Деникин, выступая в присутствии А.Ф. Керенского, заявил: «Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это неверно. Армию развалили другие…».

Вопреки другому современному стереотипу, распад России на национальные государства также не был инициирован большевиками. Еще в марте 1917 г. Временное правительство восстановило автономию Финляндии. В июле финский сейм принятием «Закон о власти» фактически провозглашал независимость. Компетенция российского правительства ограничивалась лишь вопросами военной и внешней политики.

Несмотря на оккупацию территории Царства Польского германскими и австро-венгерскими войсками, Временное правительство сочло необходимым заявить о своем согласии на создание в будущем независимой Польши. Единственным требованием к польской стороне было установление военного союза с Россией.

Самочинно созванная на Украине Центральная рада стала ее фактическим правительством. Вопреки слабому сопротивлению российских властей, она в июне 1917 г. объявила универсал об автономии Украины и создании исполнительного органа – Генерального секретариата. По украинскому примеру в июле 1917 г. была создана Белорусская рада. Претендуя на роль национального правительства, она добивалась признания политической автономии Белоруссии.

С сентября вслед за Украиной начал отделяться Северный Кавказ. В Екатеринодаре было учреждено «Объединенное правительство Юго-восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей». По февральской инерции к концу 1917 г. от России отделились Закавказье, Литва, Бессарабия и т.д. Демократическая энтропия дошла до провозглашения независимости отдельные регионов, губерний и даже уездов.

Индикатором евразийской сущности новой власти стала советско-польская война. Большевики воевали с поляками ни как с классовыми антагонистами, а как с национальными историческими врагами России. Белые генералы оказывались в одном лагере с польскими сепаратистами. Ни «нэповский термидор», а именно

война большевиков с Польшей породила, по всей видимости, сменовеховство. «Их армия, - писал В.В. Шульгин, - била поляков, как поляков. И именно за то, что они отхватили чисто русские области».

В пропаганде среди красноармейцев большевики апеллировали к патриотическим чувством русского человека. Л.Д. Троцкий в одной из прокламаций по Красной Армии заявлял, что «союзники» собираются превратить Россию в британскую колонию. Со страниц «Правды» Л.Д Троцкий провозглашал: «Большевизм национальнее монархической и иной эмиграции. Буденный национальнее Врангеля». Даже великий князь Александр Михайлович Романов признавал, что имперскую миссию во время Гражданской войны взяли на себя большевики.

Естественно, что среди офицерского корпуса существовало и имперское крыло. По-видимому, многие из патриотически мыслящих офицеров перешли на сторону большевиков. На службе в Красную Армию добровольно переходит легендарный командующий первой мировой войны генерал А.А. Брусилов. По словам В.В. Шульгина: «Одних офицеров Генерального штаба чуть ли не половина осталась у большевиков. А сколько там было рядового офицерства, никто не знает, но много». Согласно расчетам Г.А. Кавтарадзе, в Красную Армию перешло примерно 30% состава российского офицерского корпуса (33% офицеров Генерального штаба). Учитывая, что другие 30% оказались после 1917 г. вообще вне какой-либо армейской службы, то получается, что численность бывших царских офицеров среди белых и красных сопоставима. Причем, убедившись в псевдомонархизме белой армии, многие из офицеров ее довольно быстро покидали, в т.ч и переходя на сторону красных. Всего из Белой армии в Красную за время Гражданской войны перешло 14390 офицеров, т.е. каждый седьмой.

Наиболее ценны признания исторической правоты большевизма, исходящие от его противников. Выводы монархиста В.В. Шульгина по осмыслению опыта Октябрьской революции, гласили о том, что именно «большевики 1) восстанавливают военное могущество России; 2) восстанавливают границы российской державы до ее естественных пределов; 3) подготавливают пришествие самодержца всероссийского».

Семнадцатый год явился апогеем процесса западнической модернизации. В осуществлении модернизационных трансформаций парадоксальным образом совпадали усилия правительственных кругов и революционного подполья. Но этот апогей пришелся не на Октябрь, а на Февраль. Дальнейший ход общественного развития определялся уже логикой цивилизационного отторжения. Миссия осуществления данного поворота выпала на большевиков. Могла выпасть и на кого-то другого, к примеру, Л.Г. Корнилова. Сами большевики саморепрезентовали себя совершенно иначе. Но логика истории заставляла их неосознанно служить своим высшим задачам.

Цивилизационная инверсия не была одномоментной. Длительное время под маркером единой партии боролись большевики-западники с большевиками-

славянофилами. Тридцать седьмой год явился логическим исходом того процесса, направление которого было заложено в октябре семнадцатого. Под новой семиотической оболочкой исподволь восстанавливалась старорежимная система.

Коррупция в России. Пути борьбы

Аслаханов А.А., *доктор юридических наук;*
советник Президента

Борьба с коррупцией касается, конечно, всех. Но в первую очередь, это функциональные обязанности профессионалов, призванных бороться с этим повсеместным злом, произрастающим во все времена и у всех народов.

Мы глубоко изучаем опыт борьбы с коррупцией во многих государствах мира, начали активно сотрудничать с лучшими специалистами разных стран, приглашаем их к себе, сами ездим к коллегам и полагаю, что сейчас в России создана профессиональная команда, способная не только подготовить необходимые проекты законов о борьбе с коррупцией, но и активно вести непосредственную борьбу с ней. Я говорю это потому, что мне представляется ситуация именно так.

Вспоминаю 1993 г., когда депутаты расстрелянного Верховного Совета РФ планировали принять ряд законов, позволяющих, с их точки зрения, остановить готовящийся штурм организованной преступности и ее составляющей — коррупции. Коррупция пустила глубокие корни в стране. Этому способствовали сложившаяся тогдашняя обстановка во власти, в обществе, в государственных структурах. Реагируя на все это, мы тщательно изучили криминальную ситуацию, прогнозы, состояние правоохранительной судебной системы, состояние дел в народном хозяйстве и на основе полученной реальной картины подготовили неплохой закон по борьбе с коррупцией. В первом чтении проголосовало два человека против, два — воздержались. Во втором чтении — два против, один воздержался. В третьем чтении — один воздержался. Не было никакого сомнения, что закон вступит в силу. Но его заблокировали с абсурдным заключением. Невозможно было даже понять на основании чего, каких недостатков, каких возражений. Мы получили отрицательный отзыв тогдашнего президента РФ, который, мы уверены, даже не читал текст. Возражения, представленные к третьему чтению, поражали воображение. Подписаны они были заместителем министра внутренних дел, который никогда не занимался проблемой борьбы с криминалом. Такой же подписант оказался и в Генеральной прокуратуре. Я думаю, что это свидетельство того, что некоторые чиновники и руководители не могли допустить принятия закона. И последующие события подтвердили правоту наших предположений. Такая вот предыстория у этой серьезной проблемы.

Эволюционирует ли российская коррупция и каковы должны быть основные методы противодействия ей? Коррупция — мировой феномен, и Россия не является

исключением. Эта проблема в последние 15-20 лет находится в центре внимания российского общества и государства, что говорит не только об остроте проблемы, но и о неприятии обществом и государством коррупции как способа жизни и существования отдельных наших чиновников. Несмотря на значительное снижение нравственных стандартов нашего общества по сравнению с советским периодом, несмотря на огромный социальный пессимизм, средний россиянин не смирился с коррупцией и именно это его отличает от многих народов других государств. Важнейший вопрос, волнующий сегодня и рядового гражданина, и нерядового чиновника звучит так: является ли нынешняя активизация борьбы с коррупцией в России (кстати, надо отметить, что она беспрецедентна после развала Советского Союза) очередной компанией или станет долговременной политикой? Будет ли она превращена в повседневную рутинную работу прежде всего высокопоставленных чиновников?! Сегодня нельзя привести хотя бы несколько красноречивых примеров, начиная с 1960-х гг., свидетельствующих о привлечении к уголовной ответственности высокопоставленных чиновников — секретарей обкомов, министров и других. Когда-то арестовали директора Елисеевского магазина — и это было знаковым событием того времени.

Факты привлечения в течение короткого времени к уголовной ответственности многих должностных лиц сами по себе красноречивы. Как показали опросы россиян, проведенные ВЦИОМ в 46 областях, краях и республиках, почти половина граждан (45%) позитивно восприняли бы арест глав своих регионов. Отрицательно оценили бы такой факт менее 30%. Весьма красноречива реакция на эти события зарубежной прессы, которая попросту замалчивает то, что делается в нашей стране. Очевидно это происходит потому, что некоторые влиятельные круги на Западе и Востоке больше устраивает тотально-коррумпированное государство, нежели такое, которое живет по нормам закона и морали.

Приведу пример. Мне пришлось побывать в Америке, Франции, Англии, Германии. Мы встречались с политиками и правозащитниками. Было много высказано друг другу разных точек зрения. Да, подтверждали мы, у нас коррупция расцвела махровым цветом. Мы не отрицаем этого, как и того, что с этим надо бороться. Но мы задавали вопросы своим зарубежным коллегам: а у вас как идет борьба с этим злом? Коррупционные явления — это нормально? Ваша судебная система позволяет рассматривать вопросы нарушения закона до глубокой старости, пока человек на тот свет не уйдет. Ваши нападки на В.В. Путина не выдерживают никакой критики. Когда был предыдущий президент — он для вас был самый хороший, самый прекрасный, встречали вы его радушно, торжественно. Вам нравилось, что у нас разваливалось государство, что мы входим в дикие долги, что у нас расцветает коррупция, что мы получили транш на 5,5 млрд. долларов. И что эти миллиарды исчезли словно по

мановению волшебной палочки. На самом — деле никакого волшебства. Мы знаем, кто их присвоил.

Когда мы начинаем налаживать работу, улучшаем законодательство, плохих чиновников меняем на профессионалов — это не всем нравится. Нас критикуют и в первую очередь подвергается критике наш лидер. Ярлык коррумпированной державы был приклеен России в конце 1990-х гг., когда обнаружилось, что деньги, пролившиеся золотым дождем на растущую российскую демократию, как оказалось, способствуют такому росту коррупции в нашей стране, который в самом кошмарном сне не мог присниться нашему соотечественнику. При этом необходимо отметить, что расходование средств, которые под кабальный процент выделяли нашей стране, жестко контролировались международными финансовыми структурами. Трудно поверить в искренность хорошо осведомленных западных политиков, будто бы они чрезмерно доверились предыдущему президенту и молодым российским демократам. Очевидным должно быть и признание того, что тот уровень коррупции, который мы сейчас имеем, сформировался именно в то время. Как показал опыт, главным препятствием прогрессивным тенденциям стало разложение государственной и хозяйственной администрации, прислуживающей своекорыстным и клановым интересам. Именно в тот период зрели те группы людей, которые до этого не проявили абсолютно никакого управленческого и руководящего таланта, не создали в своей жизни ничего сколько-нибудь значимого. Некоторые из них, мы это знаем, начинали свою карьеру с торговли чулками, бюстгальтерами и прочим подобным товаром, а потом в одночасье начали зарабатывать астрономические деньги. Они скоро поняли, что «челноком» много не заработаешь. Надо добиться возможности выйти на влиятельных лиц государства, и они выходили. Чем выше был чиновник, тем быстрее добивались успеха дельцы от сказочных дивидендов.

Законодательство Российской Федерации ни тогда, ни сейчас не позволяет человеку за короткий срок стать миллионером. А у нас появились миллиардеры, они кичились тем, что близки с кремлевским небожителям и могут решать любые вопросы «прихватизации» любого объекта и присвоения национального богатства.

Немалая «заслуга» в появлении негативных тенденций в российской жизни принадлежит западным чиновникам, консультантам, в том числе и многочисленным «зарубежным» инвесторам. Они свое дело сделали профессионально. Поразительная ситуация у нас сложилась с инвесторами. Говорят, иностранные инвесторы стремятся к нам, но если разобраться по существу, то это же наши инвесторы. Те, кто причастен к грабительству капитала, кто перевел деньги в оффшоры, создав новые структуры и теперь здесь, уцепившись у власти или подкупив власть в регионах, да и на федеральном уровне, эти награбленные деньги используют под чужой вывеской. Это одна из причин дороговизны нашей жизни — и жилья, и продуктов, и услуг. Экономические нувориши повышают цены, чтобы иметь дополнительные дивиденды. И

когда мы говорим, что в 2007 г. за четыре месяца поступило более 40 млрд. инвестиций, то к этой цифре надо относиться осторожно. Да, есть добросовестные инвесторы, которые серьезно хотят работать. Но среди них имеется немалая доля тех, которые вывезли наворованные капиталы и работают на другие страны. А если завозят сюда деньги, то через мошеннические схемы еще больше их вывозят. Лишь в конце 90-х гг. прошлого века эта порочная практика была официально осуждена.

По инициативе развивающихся стран, сначала Организация экономического сотрудничества и развития, охватывающая 28 стран, а затем и Совет Европы приняли Конвенцию о борьбе с коррупцией. В соответствии с этими документами, подписавшие их страны, установили уголовную ответственность за коррупционные проявления. Россия подписала документ в 1999 г., ратифицировала в 2006 г.. Приняты жесткие меры по отношению к тем, кто стремится подкупить иностранных чиновников или международные компании.

К сожалению, переломить динамику роста объема международного взятничества при помощи договоров не удалось. Если в 1997 г. на подкуп должностных лиц предпринимателями, по оценке экспертов международных организаций, израсходовано было 6 млрд. долларов, то в 2002 г., по их же данным, — уже примерно 34 млрд. долларов.

На мой взгляд, решающую роль в коррупционном загрязнении России сыграла нечестивая приватизация, которая не только в одночасье и несправедливо разбило общество на горстку супербогатых и десятки миллионов нищих, но и выплеснула огромное количество коррупционных денег, позволила посадить многомиллионное чиновничество на коррупционную иглу.

Вопрос: а разве могло быть по-другому? Ответ, конечно, риторический, но и очевидный: могло и должно было быть по-другому! Обратите внимание на статистику. Сравните количество чиновников, которое было в государственном секторе во времена Советского Союза с тем числом, которое имеется сейчас. Посмотрите, какое количество документов нужно согласовать для того, чтобы построить и создать что-то. Какое количество подписей нужно собрать. Возьмите хотя бы одного чиновника, который получает 15-20 тыс. руб. в месяц и предложите ему полмиллиона рублей на другом месте. Удастся ли перетащить его на другую работу? Думаю, что нет.

Сегодня в стране происходят существенные перемены. Конечно то, что делается, очень многим не нравится. Они упрекают нас в том, что мы сошли с пути демократии. И борьба, которую мы ведем, — тоже нарушение демократии. Не нравится и то, что начали возбуждать крупные уголовные дела. Сколько было шума, негодования, возмущения по делу Ходорковского? При этом система публичных пиар-компаний одинакова.

Посмотрите на подход к инвестиционной политике. Сегодня есть немало государств, которые готовы предоставить нам длинные кредиты под небольшие

проценты. Эти деньги мы могли бы использовать в наших национальных проектах. Но нам говорят: денег у нас достаточно. А еще говорят, что необходим хороший проект на сметную документацию. Тогда, мол, можно решать, кому давать деньги. Нетрудно понять: для того, чтобы составить документ, чтобы он прошел все инстанции, потребуются взятки. Можно догадаться, сколько будет это стоить.

Работы для правоохранительной системы у нас предостаточно. Законодатели серьезно проработали и приняли соответствующие документы. Правоохранительные органы в свою очередь начали серьезно заниматься делами — это видно по количеству возбужденных уголовных дел и количеству осужденных. Не в корзину уходит труд. Все это подтверждает то, что мы на верном пути.

Но об успехах говорить еще рано. Когда утверждают: дайте мне власть и я искореню коррупцию, то это не что иное, как популизм. Нужна планомерная и кропотливая работа. Такую работу ведут многие страны мира, в том числе и Россия. Государство должно перекрыть все источники незаконного обогащения. Необходимо, используя все правовые рычаги, обуздать преступность.

О направлении развития цивилизации в третьем тысячелетии

(статья значительно сокращена)

Орлов Ю.В., г. Иркутск

…Кем станет новорожденный, появившийся на свет? Это зависит от конкретных условий рождения новой жизни: в какой точке планеты родился новый человек, какова конкретная среда его существования, какова форма организации жизни в месте его рождения. И ты, Читатель, и я в определенной мере, ответственны за будущее каждой новой жизни, появляющейся на планете в составе человеческой цивилизации.

Как на сегодняшний день организована объективная реальность жизни людей, каковы объективные механизмы жизнеобеспечения и развития каждого конкретного человека? Какое будущее ждет этого новорожденного младенца в условиях сегодняшней действительности, негативными проявлениями которой, в частности, являются СПИД, наркомания, преступность, терроризм?

За общими фразами, я подразумеваю всю предшествующую историю развития Человеческой цивилизации: от момента формирования планет Солнечной Системы, появления живой материи, становления биологического вида – Человека, становления и смены конкретных форм организации Человечества на Земле… до сегодняшнего дня. Основным качественным признаком сегодняшнего времени, по моему мнению, является объективная потребность Человечества в новой форме своей организации, потребность, основанная на объективной логике развития и внутренней природе Человека.

Состояние сегодняшней реальности жизни, как и состояние жизни в любой другой предшествующий момент человеческой истории определяется одним общим свойством: оно – объективно логично и закономерно. Отрицание «советского времени» или сегодняшних рыночных механизмов развития алогично так же, как, например, отрицание северного или южного полюса планеты. В любой момент времени все, что есть, и происходит на Земле, есть объективная истина.

Я обращаюсь сегодня к тебе, Читатель, с предложением начать работу по построению основ новой формы организации жизни людей на Земле. Международный терроризм, СПИД…– это те основные проявления сегодняшней реальности жизни, которые свидетельствуют о том, что сегодняшняя форма социальной организации Человечества требует своей закономерной эволюционной замены.

Объективная логика организации нашего мироздания подводит нас сегодня к осознанию необходимости построения **Единого пространства жизни людей на планете**. Качественно более высокий уровень единства всегда основан на качественно более высоком уровне внутренней свободы и наоборот; это два взаимообусловленных полюса целостного и устойчивого развития.

Построение единого пространства жизни может быть осуществлено на основании двух реалий: естественная Земная первооснова (с созданной Человечеством предметной средой: средствами производства, передвижения, связи и т.д.) и живущие сегодня на Земле люди. Соединить эти две реалии новой организационной формой – задача сегодняшнего дня. Безусловно, все новое может зарождаться и развиваться только на основе старого, поэтому можно говорить о создании первичных элементов новой формы организации нашей жизни в условиях сегодняшней действительности.

Сегодня на Земле уже стали реальностью единое информационное пространство (интернет, системы связи, телевидение, радио), единое экономическое пространство (рыночные механизмы развития и товарно-денежные отношения в условиях различных форм собственности).

Дальнейшее развитие Человечества я связываю с построением единого пространства жизни людей на планете, так как оно основано на элементах более высокого качественного уровня – **конкретной человеческой жизни** и ее таких основных проявлениях, как конкретный живой труд, конкретный живой разум, конкретная живая душа (развитие которых является приоритетной задачей).

Основная цель организации единого пространства жизни – дать каждому конкретному человеку возможность «просто жить» на планете в условиях разнообразия природно-климатических условий, этнических и национальных особенностей, и т. д. посредством свободного «движения» по различным **конкретным местам жизни** на планете. Основу этих мест жизни, безусловно, составят рабочие места.

Что такое Единое пространство жизни? В моем сегодняшнем представлении, это – система конкретных мест жизни (труда), расположенных на пространстве планеты. Любой человек может иметь возможность «пройти» такое место, прожив (проработав) в этом месте определенное время (необходимое и достаточное для овладения данной трудовой операцией и познания конкретной предметной области). Затем он, если захочет, «перемещается» в другую точку планеты на новое место жизни (труда) и т.д. Динамика конкретной жизни, действительное развитие каждого человека, динамика появления новых (объективно нужных) мест жизни (труда и отдыха) и исчезновения устаревших, изменение предметной среды жизни и становление обеспечивающих ее организационных форм – этими факторами я бы определил будущее развитие Человечества. Тот же рыночный механизм уже подготовил фактически реальное основание для построения Единого пространства жизни: система рабочих мест, в рамках различных предприятий, фирм, организаций. Может быть, будет не так сложно

немного «перенастроить» такие рабочие места (безусловно, с сохранением текущих интересов всех лиц). Соединить труд, отдых, образование, туризм и т.д. в свободном движении людей по конкретным местам Единого пространства жизни, снять искусственные противоречия между национальностями, между профессиями и т.д. – эти и многие другие задачи, на мой взгляд, можно будет решить в рамках новой формы организации жизни. Если бы сегодня я имел реальную возможность пожить (поработать) в нескольких местах планеты, то я, безусловно, предпочел бы такое продолжение своей жизни различным другим вариантам, связанным с карьерным ростом, стремлением к власти, накопительством денежной массы. По сути, в этом случае, я имел бы возможность прожить несколько жизней, т.к. конкретная жизнь определяется конкретными условиями ее протекания.

Какое качество обретет конкретный человек, пройдя в течение своей жизни множество различных рабочих мест, расположенных в различных точках планеты? Насколько перспектива свободного всестороннего развития, овладения различными трудовыми процессами, познания планетарной жизни во всем ее разнообразии станет для человека заманчивей, чем потребность в наркотике или оружии? В какой мере мальчики будут становиться мужчинами, а девочки – женщинами, проходя соответствующие места труда и жизни? Как изменится качество семьи и положение детей в нашей жизни (наш действительный капитал)?

Какое качество обретет форма организации жизни людей: общественно-политические институты, судебно-правовая система, армия и правоохранительные органы, финансово-денежные системы, административно-управленческие структуры и т.д.? Думаю, что все лишнее, формальное и надстроечное «просто и естественно» начнет заменяться на инструменты, обеспечивающие действительную, реальную жизнь людей. Эпоха социальных динозавров (государственных форм – диплодоки и транснациональных корпораций - тиранозавры), по моему мнению, перешагнула пик своего развития. Человечество нуждается в новых формах социальной организации, основанных на внутренней природе Человека. Проблемы СПИДа, наркомании, терроризма действительно разрешимы только на уровне логики организации нашей жизни.

Думаю, Читатель, что тебя, как Человека, многое из происходящего сегодня в непосредственном окружении твоей жизни, в твоем городе, в твоей стране, на планете в целом не устраивает. Мое обращение к тебе есть предложение начала работы по изменению объективной реальности жизни людей. Направление этого изменения – наибольшая степень свободы и единства Человечества (что, в общем- то, на бытовом уровне называется счастьем).

С чего может быть начата такая работа? Каким образом «идея единого пространства жизни» может быть привязана к сегодняшней реальности жизни и ее организационным формам? Возможно, решение этих вопросов будет возложено на

Международный центр организации единого пространства жизни. В задачи такого центра будет входить научно-практическая деятельность в направлении организации конкретных мест свободной жизни (труда) на пространстве планеты.

Если бы сегодня на планете были организованы в каждом государстве хотя бы по одному «месту жизни» в рамках Единого пространства жизни с возможностью каждому человеку «пройти» такие места, то этого было бы достаточно для того, чтобы Человечество устремилось в свое новое качество, которое будет более соответствовать его объективной природе.

Исключить из нашей жизни возможность таких явлений, как, например, террористический акт в Нью-Йорке или трагедия в Беслане, - это одна из задач, которые я хотел бы решить посредством новой формы организации жизни людей.

Я понимаю, что говорю о том, что «очень далеко» от сегодняшних реалий жизни. Я не говорю об экономике, т.к. в ее основе всегда лежит конкретный живой труд, создающий новый продукт (впоследствии, облекаемый в форму стоимости); я не говорю о государственности, т.к. основной ее составляющей являются люди (облекаемые в форму гражданства), я не говорю о национальных приоритетах (т.к. считаю значимым только один приоритет – приоритет конкретной жизни любой национальной принадлежности).

Нашей задачей сегодня я вижу введение в сегодняшнюю действительность элементов новой формы организации жизни, становление которой произойдет через столетия. То, что я предлагаю сегодня, я определяю для себя как «диалектический синтез»: снятие формальных (искусственных) различий и противоречий на уровне конкретной жизни. Я уверен, что новая форма организации жизни, о которой я говорю сегодня, повлечет, в частности: устранение межнациональных формальных противоречий при одновременном развитии национальных особенностей; устранение формальных противоречий между профессиями (видами трудовой деятельности) при одновременном их более объективном позиционировании; устранение формальных противоречий между государственными образованиями при одновременном развитии этнических особенностей. Я уверен, что новая форма организации жизни станет новым витком развития человеческой цивилизации.

Отвечая на вопрос, нужно ли сегодня начинать работу по построению единого пространства жизни людей на планете, я убежденно и ответственно говорю «Да». Как такая задача может быть реализована - это уже вопрос практический, в решении которого будут задействованы знания и опыт не одного человека.

Я убежден, что уже сам факт начала такой работы повлечет за собой положительные изменения в нашей жизни и «потепление» социально-политического климата на планете.

Объективный закон организации нашей человеческой цивилизации – единство всех жителей планеты при одновременной свободе жизни каждого человека. Этот закон, по крайней мере, имеет под собой следующие основания: физическая целостность планеты Земля (единство и взаимосвязь всех точек планеты, геологических, природно-климатических зон), дискретность и физическая раздельность конкретных человеческих тел (свобода и независимость каждой конкретной жизни). Социальное равенство – есть объективное требование данного закона, который будет обязательно реализован на планете. Конечно, в данном случае, говоря о социальном равенстве, я вовсе не имею в виду, например, распределение поровну создаваемых продуктов и вещей. (Хотя, не вижу в этом ничего плохого, т.к. имущественное равенство объективно имеет своим следствием развитие общества в «человечном измерении» и оценку людей по их естественно-человеческим критериям: честность, порядочность, справедливость, ум, доброта и т.д., а не по количеству объектов недвижимости в собственности, размеру счета в банке, занимаемому месту в формальной общественной системе. Вопрос здесь только в том, насколько «человечное измерение» развития интересно для государственности и ее составляющей - экономики). Под социальным равенством (в контексте данной статьи) я понимаю такую форму организации жизни людей на планете, когда каждый человек имеет реальную возможность свободно жить и развивать свои способности через конкретный труд в любом месте нашей планеты в условиях общечеловеческого единства, обусловленного всеобщей заинтересованностью в построении и совершенствовании такой системы жизни. Объективный закон «Все на планете должно быть подчинено интересам конкретной жизни» до сего дня проявлялся (и проявляется) в различных формах власти, войнах, захватах, переворотах и т.д. Человечество в своем развитии будет бесконечно совершенствовать формы организации жизни людей на планете, которые будут все более и более соответствовать вышеназванному объективному закону. Нам, людям, предопределено Единство в условиях равносвободы.

С момента появления на Земле Человека начинают формироваться искусственные формы материи, пространства и времени. На сегодняшний день искусственная форма материи – созданные Человеком продукты труда и средства их производства, облеченные в товарную форму. Наиболее ярким примером искусственного пространства является государство. И, конечно же, все мы сегодня находимся во власти денег - искусственной формы времени. (Появление и развитие искусственных форм материи-пространства-времени – закономерно и является первичным этапом бесконечного процесса развития Человечества, основанного на диалектике субъективного и объективного).

Единое пространство жизни людей на планете – момент перехода от искусственных пространств (государства, формальные системы) к естественному (Человечество в составе всех жителей планеты); от искусственного времени (деньги) к

естественному (конкретный живой труд, разум, жизнь); от искусственной материи (товары) к естественной (живая природа); от искусственных формальных отношений к естественным человеческим отношениям.

Объективная логика организации нашего мира и живая природа, давшие начало Человеку, создали и подсказки, показывающие истинные направления развития Человечества. Аргументы «в защиту» Единого пространства жизни можно найти, на мой взгляд, в таких, например, явлениях:

Дельфины: развитие разума через свободное движение на едином нераздельном водном пространстве;

Цыгане: первичный вариант свободного движения по конкретным местам жизни планеты;

Солнечная система: равносвободное и взаимообусловленное движение отдельных планетных тел в рамках единого целого (основа устойчивого и гармоничного развития).

Можно привести большой список негативных фактов реальной сегодняшней жизни, которые не будут иметь места в условиях построения и развития Единого пространства жизни людей со свободным организованным движением по местам труда (жизни) планеты. Я приведу лишь некоторые из них:

Ракетно-ядерный потенциал, прочие системы вооружения:

Против кого и чего будут направлены боеголовки в случае распределения людей различных государств (в соответствии с сегодняшней общественной организацией Человечества) по различным местам планеты? Государственно-территориальное противостояние в форме вооружения утратит свой смысл. Ракетно-ядерный и военно-промышленный потенциал будет переведен в другие области, и, в частности, в область реализации программ внедрения экологически чистых технологий и вывода вредных производств за пределы планеты в космос.

Терроризм:

В условиях, когда государственные формы социальной организации начнут растворяться в новой естественной форме организации Единого Человечества, любое проявление насилия по отношению к людям, будет объективно проявлением насилия по отношению ко всему Человечеству. Сможет ли кто-то пойти на это? Кроме того, Единое пространство жизни, по логике своей организации, в принципе исключает возможность зарождения предпосылок возникновения терроризма.

СПИД, нетрадиционная сексуальная ориентация, хирургическое изменение пола:

Построение системы рабочих мест в рамках Единого пространства жизни, будет основано прежде всего на поло-возрастных признаках: детский труд, юношеский и т.д.; виды деятельности для девочек и мальчиков, женщин и мужчин, и т.д. Единое пространство жизни будет формировать действительных мужчин и женщин с естественными, объективно должными взаимоотношениями. Семья обретет свое

естественное качество, основанное далеко не на нотариально заверенном брачном договоре.

Наркомания, алкоголизм:

Реальная возможность свободной жизни на естественном пространстве планеты, возможность всестороннего развития, познания нашего мироздания, возможность посредством разнообразного конкретного труда развивать свой разум и ощущать свободу своей мысли на безграничном пространстве будут, по моему мнению, более привлекательны для каждого человека, чем искусственное освобождение деятельности мозга посредством наркотиков и спиртного.

И так далее… Читатель сам может посмотреть на возможность проявления в условиях Единого пространства жизни любого негативного факта из сегодняшней действительности (в том числе, и «второстепенных», например таких, как снижение смертности от ДТП и улучшение экологии городов в результате минимизации внутригородских транспортных потоков и развития сети междугородных, межрегиональных, межконтинентальных перевозок).

Производимой на земле продукцией, заслуживающей сегодня самого пристального, на мой взгляд, внимания, являются сами люди. То, какие мы, сегодня является одним из основных качественных признаков нашей жизни. И если мы до сегодняшнего времени убиваем друг друга, то мы – продукция низкого качества. Но нам же самим дана возможность изменения этого качества посредством соответствующей организации нашей жизни. В рамках искусственных форм материи, пространства, времени находится в связанном состоянии неисчерпаемая социальная энергия. И эта энергия найдет свой выход если не в рамках предлагаемого автором Единого пространства жизни, то в других формах социальной организации Человечества. Но, определяя в качестве элементов, на которых базируется Единое пространство жизни, следующие:

- живая материя (конкретный человек),
- живое время (конкретная жизнь, живой труд, живой разум),
- живое пространство (Человечество, конкретная живая душа, естественное пространство планеты).

И система жизни, построенная на этих элементах, будет неизмеримо качественнее, динамичнее, устойчивее, а главное – человечнее, чем система жизни, построенная на таких элементах, как: государство, вещи (товары), деньги.

До момента перевода идеи Единого пространства жизни в плоскость практической работы нет смысла освещать детали теоретической модели будущей формы социальной организации, к тому же, для этого, по меньшей мере, нужен коллектив единомышленников. Я назову лишь некоторые эволюционные трансформации реалий сегодняшнего дня в условиях Единого пространства жизни:

Деньги – Конкретная жизнь;

Частная собственность на … - Личная ответственность за …;

Административное управление – Практическая организация;

Единовластие – Коллективное волеизъявление (коллективный разум).

Категория «собственность» в условиях Единого пространства жизни закономерно обретет свою действительную форму, это – собственная жизнь. Владение вещами, недвижимостью, банковскими вкладами и т.д., по сути, утратит свой смысл.

И очень кратко остановлюсь на роли США и России (СССР, СНГ) в развитии Человеческой цивилизации. Эти две различные формы социальной организации наиболее ярко (из всех государственных образований) представляют два взаимообусловленных и объективно нераздельных полюса одного целого – Единого Человечества, развитие которого подчинено законам Диалектической Логики. При этом США - есть Диалектика, Свобода, Анализ, Частное; Россия – это Логика, Единство, Синтез, Общее. Данное положение отражено даже в соответствующих скульптурных сооружениях: в США – статуя свободы, в России – монумент единства. Эти же признаки можно найти и на государственных флагах этих стран. (Более существенные признаки – частная собственность США и общенародная собственность СССР (пусть, даже только декларируемая), еще более существенные – языковые особенности американского и русского народа и, в частности, обратно-полярное произношение местоимения «Я» (определение личности): «йа» - в русском языке и «ай» - в английском). Возможно, это покажется кому-то абсурдом, но отношения между США и Россией – это отношения такого же порядка, как отношение между Материей и Пространством, между Женщиной и Мужчиной, между материальной и идеальной составляющими процесса реального развития. В связи с чем, у меня есть основания предположить, что через диалог США – Россия, возможно рождение Нового Времени Человечества. История США и СССР, в своей основе, есть «локальные эксперименты» построения Единого пространства жизни (с двух различных, но взаимообусловленных сторон), которые являются бесценным опытом Человечества.

Я убежден, что в рамках предлагаемой автором идейной основы «Программы третьего тысячелетия» возможно решение всех текущих задач нашей жизни. Такова, по мнению автора, объективная Логика организации нашего мироздания и Диалектика его развития.

В качестве небольшого дополнения в защиту идеи Единого пространства жизни назову тот факт, что сегодня на планете реализованы отдельные элементы и модели такого пространства.

Одной из таких моделей является футбол: конкретные игровые поля (места жизни), размещенные на пространстве планеты; организованные действия игроков в рамках игрового поля (правила игры); регламентированное время использования игрового поля; организованное движение игроков по конкретным игровым полям (правила

перемещений); «смешанный» (безотносительно к государственной или национальной принадлежности) состав команд.

Конечно, работа по построению «игровых полей» реальной жизни для всех жителей планеты несоизмеримо сложней построения «футбольных полей», и «голу» в футболе будет соответствовать в условиях Единого пространства жизни момент логического развития конкретного человека, «проходящего» очередное «игровое поле». Хотелось бы верить, что миллионы мужчин, собирающихся сегодня на стадионы, найдут возможность для объединения интересов и перемещения своих взоров в плоскость организации «игровых полей» для жизни наших детей и внуков на естественном пространстве нашей планеты.

Появление на планете «Банков Времени» - момент, относящийся уже непосредственно к технологическим аспектам реализации идеи Единого пространства жизни. Это факт демонстрирует, с одной стороны, объективную потребность (целесообразность) перехода от искусственной формы времени к естественной, и, с другой стороны, - реальную возможность выполнения такой работы уже сегодня. Значение «Банков Времени» для будущего Человечества трудно переоценить. В данном случае речь уже идет о практике социального моделирования (организации конкретной жизни в конкретных местах жизни планеты с применением «чистых» социальных технологий). Главным системоопределяющим свойством «Банков Времени» является то обстоятельство, что в них устанавливается эквивалентность различных видов конкретной полезной деятельности, одинаковая социальная значимость таких видов деятельности и невозможность присвоения и подчинения чужого труда «идеологами государственности и экономики».

Первый этап построения Единого пространства жизни, по сути, будет означать построение базовой системы образования (начальной школы планетарной жизни). Это будет система естественного действительного образования (а не формально-книжного). (Можно не один десяток лет просидеть в библиотеке, изучая женскую физиологию, психологию, и т.д., но эти десятки лет – ничто, в сравнении с несколькими минутами реальной близости с конкретным «объектом познания»). Образовательными предметами такой начальной школы могут, например, быть: собирательство, охота и рыболовство; земледелие, растениеводство и скотоводство; ремесла, домостроительство и домоводство; и т.д. (речь идет о повторении истории человечества на уровне конкретной жизни, как одном из моментов диалектического синтеза). «Учебные классы» для этих предметов будут размещены на естественном пространстве планеты. О звеньях среднего и высшего «планетарного образования» сегодня говорить, пожалуй, преждевременно. Но, с уверенностью можно сказать: такая система образования увеличит «сроки обучения» точно так же, как увеличит и продолжительность конкретной человеческой жизни. «Специалисты», формируемые такой системой образования, будут востребованы не в области государственности,

экономики и финансов, а в области практической организации конкретной жизни на планете и моделирования будущего человеческой цивилизации.

PS: Это примечание адресовано тому читателю, который охарактеризует положения данной статьи, как утопию, «удаленную от сегодняшней реальности жизни на расстояние в тысячи световых лет».

Такому читателю я отвечу, что реальность вашего пребывания на планете есть так же, не что иное, как абсолютная утопия. Обладая даже поверхностными знаниями из области теории вероятностей и комбинаторики, вы сами можете определить вероятность вашего рождения (появления на Земле). В результате таких вычислений вероятность именно вашего рождения будет иметь значение 10 в степени «минус бесконечность», т.е. будет равна нулю

Но в соответствии с вышеприведенным математическим экскурсом хотелось бы отметить, что ценность каждой конкретной жизни на планете и ценность каждого мгновения реального существования – величина, уходящая в бесконечность и не подвластная ни нашему сознанию, ни нашему мироощущению. (В условиях же, например, Российской государственности вполне возможно искусственное определение цены человеческой жизни, например, через МРОТ – минимальный размер оплаты труда. Но по значению этого показателя автор делает вывод не о «цене конкретной жизни», а о цене Российской государственности, как формы социальной организации). Уже сам факт рождения каждого из нас, сегодня живущих на Земле, есть настолько «невероятное везение», что все остальные «земные неудачи» - абсолютное ничто в сравнении с «дарованной» нам возможностью жизни.

НОВЫЕ КНИГИ

Хохлов И. И. Наднациональность в политике Европейского союза. Москва, изд. «Международные отношения», 2007

Термин "наднациональность" до сих пор практически не фигурирует в книгах и статьях по вопросам европейской интеграции на русском языке. Задача данной книги - объяснить закономерности и сущность феномена наднациональной интеграции. Автор определяет факторы становления наднациональности в ЕС: внешние - формирование нового миропорядка после Второй мировой войны, роль в нем США, окончание "холодной войны", распад СССР, демократические революции в странах Центральной и Восточной Европы; внутренние - эволюция самой интеграционной системы (европейского права, институциональной структуры), а также внедрение субсидиарности как метода и принципа управления.

Франц Йоханссон Эффект Медичи: возникновение инноваций на стыке идей, концепций и культур". Москва, Изд. дом «Вильямс», 2007

Дисциплинарная наука умерла — утверждает автор книги Эффект Медичи. Будущее лежит там, где пересекаются и перетекают друг в друга различные концепции, дисциплины и культуры. Чтобы совершать инновационные открытия, изобретатели XXI века должны выйти за рамки своей привычной области и оглянуться по сторонам. Они должны рисковать и добиваться своей цели, несмотря на неудачи. О том, как это сделать, и рассказывает Эффект Медичи — креативная книга о креативности. Теоретические положения автор иллюстрирует множеством ярких примеров, которые делают книгу не только информативной, но и захватывающей. Книга Эффект Медичи будет интересна всем, кто стремится как можно полнее раскрыть свое творческое начало и изменить окружающий мир.

Вальцев С.В. Закат человечества. Москва.
Москва, Книжный мир, 2008

Книга посвящена междисциплинарному анализу проблемы духовного вырождения человечества, рассмотрению причин и перспектив деградации, охватывающей все новые народы и страны, в том числе и Россию. Разбираются механизм и причины расчеловечивания человека, установления диктатуры денег, роста отчужденности и эгоизма, нравственной и интеллектуальной примитивизации.
В книге также рассмотрено множество широко обсуждаемых вопросов. Каковы пять причин неосуществимости демократии? Реальны ли экологические проблемы? Существует ли Аль-Каида и кто в действительности стоит за терактами 11 сентября? Каков механизм развития общества? Какими качествами должен обладать человек, чтобы стать членом современного господствующего класса?

Лозанский Э. Д. Россия между Америкой и Китаем.
Москва, изд. «Международные отношения», 2007к

Новая книга президента Американского университета в Москве посвящена одному из ключевых глобальных вопросов современной геостратегии - по какому пути пойдет Россия, выстраивая свои отношения с набирающим экономическую и политическую мощь Китаем и с сегодняшним мировым лидером - Соединенными Штатами Америки. Содержательный и вдумчивый анализ этой проблемы будет интересен как специалистам, так и широкому кругу читателей, интересующихся современной мировой политикой.